

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М.К. Бунина

СИСТЕМА ВРЕМЕН
СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО
ГЛАГОЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

И. К. БУНИНА

СИСТЕМА ВРЕМЕН
СТАРОСЛАВЯНСКОГО
ГЛАГОЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1959

Ответственный редактор

Е. В. ЧЕШКО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследователи славянского глагола неоднократно обращались к изучению категорий вида и времени в старославянском языке, однако до сих пор старославянская система времен не получила удовлетворительного объяснения. Об этом писал в 1939 г. акад. Б. Гавранек в статье „Aspect et temps du verbe en vieux slave“¹. Причину, препятствующую решению проблемы, он усмотрел в смещении значений системы времен и системы видов, которое господствует в работах исследователей XIX — начала XX в.

В этой же статье акад. Б. Гавранек предложил свою чисто временную интерпретацию значений отдельных форм времени, в частности имперфекта и аориста. Однако в целом старославянская система времен под этим углом зрения в дальнейшем так и не была рассмотрена с достаточной полнотой ни в трудах акад. Б. Гавранка, ни в работах других ученых.

Из последователей акад. Б. Гавранка материалом старославянских памятников много занимался А. Достал, однако его основной труд посвящен системе вида старославянского глагола, и значения форм времени рассматриваются в нем лишь с точки зрения употребления видов².

Не со всеми деталями в интерпретации значения имперфекта, предложенной акад. Б. Гавранком, можно согласиться, но основная идея статьи о независимости систем вида и времени представляется правильной и плодотворной. Она основывается на том бесспорном факте, что любая форма времени в старославянском языке, в частности аорист и имперфект, может быть образована от глагола любого вида — как совершенного, так и несовершенного.

Последовательное проведение этой идеи позволяет дать единое и более простое, на наш взгляд, объяснение системы времен старославянского языка, чем то, которое дается, когда вид и время рассматриваются как взаимозамещающие категории.

Настоящая работа представляет собой первый опыт в этом направлении. Она строится на материале Марининского евангелия³.

¹ „Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally“. Genève, 1939, стр. 223—230.

² А. Достал. Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954.

³ Марининское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд И. В. Ягича. СПб, 1883.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. В данной работе мы исходили из того понимания задач изучения истории языка, которое в нашей литературе было сформулировано впервые с достаточной определенностью проф. Г. О. Винокуром. В статье „О задачах истории языка“ он писал: „Итак, если история языка хочет быть адекватной своему предмету и изучать реальность, а не абстракции, то она должна формулировать свою задачу следующим образом. В том историческом процессе, который представляет собой существование данного языка, должны быть выделены известные стадии, на каждой из которых изучаемый язык представляет собой систему, отличную от предыдущей и последующей. Каждая такая система должна быть изучена как реальное средство общения соответствующего времени и соответствующей среды, т. е. в исчерпывающей полноте тех внутренних связей и отношений, которые в этой системе заключены“¹.

„Совершенно неверно было бы думать, — писал там же Г. О. Винокур, — будто статическая лингвистика есть изучение непременно современного языка, а диахроническая — изучение истории языка. На самом деле и современный язык это тоже история, а с другой стороны, и историю языка нужно изучать не диахронически, а статически... Очевидно, что и язык в его прошлом состоянии мы только тогда можем изучить как живую историческую реальность, когда будем видеть в нем цельную систему, в которой каждый отдельный элемент обладает известной функцией только в соотношении с прочими элементами. И вот здесь то самое слабое место традиционной истории языка. В целом разработка истории языков в европейском языкознании остается еще на той стадии, когда изучается история, точнее было бы сказать — внешняя эволюция

¹ Г. О. Винокур. О задачах истории языка. — „Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та“, т. V, вып. 1. М., 1941, стр. 10.

отдельных, изолированных элементов данного языка, а не всего языкового строя в целом².

В настоящей работе старославянский язык и, в частности, его глагольные формы времени рассматриваются как известная замкнутая система, представляющая для исследования самостоятельный интерес. При этом, однако, всегда имеется в виду историческая перспектива развития временной системы в отдельных славянских языках. В целях выяснения специфики старославянского языка по мере необходимости проводятся сопоставления с современными славянскими языками и прежде всего с болгарским, поскольку его система времен имеет много общего со старославянской.

Из задач статического или, как чаще теперь говорят, синхронного описания вытекает несколько иная методика исследования, чем это обычно бывает в работах, посвященных изучению старославянских форм времени. Так, мы отказались от ставшего традиционным сопоставления старославянских форм времени с греческими. Повод для такого сопоставительного анализа исследователи находили в том, что древнейшие славянские памятники — евангелия — являются переводами на славянский язык греческого текста. Следует, однако, заметить, что изучение грамматической системы языка перевода принципиально ничем не должно отличаться от изучения оригинального произведения, если принять во внимание, что пишущий при создании и того, и другого исходит прежде всего из норм языка, на котором он пишет: для переводчика это будут нормы того языка, на который он делает перевод.

Поэтому более целесообразным представляется обратный путь: не начинать сравнением с греческими формами, а кончать им, т. е. выяснив в языке перевода факты, не укладывающиеся в систему, обратиться к греческому оригиналу, в котором, видимо, действительно можно почерпнуть некоторые данные, объясняющие эти отклонения.

Таким образом, мы вообще не отрицаем возможности и плодотворности сопоставительного изучения славянских и греческих форм времени, но считаем, что оно может служить другим целям, для целей же статического исследования имеет второстепенное значение. К тому же состояние изучения греческих форм времени не дает достаточно четкого представления о значении этих форм. Во всяком случае, та видовая интерпретация значений греческих форм времени, которая получила широкое распространение, не является общепризнанной. Некоторые исследователи считают ее сомнительной.

² Г. О. Винокур. Указ. статья, стр. 9—10.

При таком положении вещей обращение к сравнению с греческими формами представляется не достигающим цели, так как получается, что мы пытаемся определить одно неизвестное (старославянские формы времени) через другое неизвестное (греческие формы времени).

Здесь же коснемся другого важного вопроса, связанного с методикой исследования. Обычно в работах, посвященных изучению старославянских форм времени, анализ значения этих форм ведется в пределах предложения, что сужает возможности проведения наблюдений и потому представляется недопустимым. При изучении значений форм времени невозможно игнорировать тот очевидный факт, что во всяком высказывании, осуществленном в монологической или диалогической форме, отдельные предложения находятся всегда в определенном смысловом и структурном соотношении. Среди смысловых отношений, существующих между предложениями, имеют место и временные, носителями которых отчасти являются глагольные формы времени. Это особенно важно учитывать при анализе употребления форм времени в диалогической речи, разновидностью которой является прямая речь в повествовании. В диалогической речи в силу „реплицирования“ взаимообусловленность отдельных предложений значительно больше, так что смысл отдельного, вырванного из диалога предложения нередко может оказаться просто недоступным для понимания. Это объясняется лаконичностью и эллиптичностью, свойственной внутреннему строю реплик, составляющих основу диалога.

Отдельное предложение, взятое из диалога, может быть понято лишь в связи со смыслом примыкающих реплик, а также в связи с ситуацией, обстановкой диалога в целом.

Отсюда вытекает необходимость выйти за пределы предложения и рассматривать формы времени в контексте окружающих предложений, с учетом контекста внешней обстановки высказывания. Это особенно важно при анализе форм времени в диалогической речи.

И, наконец, последнее замечание, касающееся методики исследования. В работах, посвященных виду и времени старославянского глагола, обычно проводятся наблюдения над тем, от каких основ образуются те или иные формы времени.

Мы, вслед за А. Досталом, не видим никакой зависимости между строением основы, по которому она относится к тому или иному классу, и значением вида или времени, как не видим мы, — но это уже вопреки взглядам А. Достала и некоторых других ученых, — никакой связи и между значением вида и времени, с одной стороны, и лексическим значением глагольных основ, с другой. С нашей точки зрения, вид и

время являются такими, так сказать, „всеглагольными“ категориями, которые принадлежат глаголу как части речи в целом: ими выражаются такие свойства протекания действия во времени, которые присущи любому действию (состоянию или процессу) независимо от его качества. Поэтому в нашей работе никаких сопоставлений такого рода нет.

§ 2. Не стремясь во всей полноте представить историю вопроса о соотношении категорий вида и времени в славянских языках, остановимся лишь на некоторых моментах, важных для нашей темы.

В литературе о славянском глаголе наметилось в основном два решения вопроса о соотношении категорий вида и времени. Эти решения окончательно определились как диаметрально противоположные исходные теоретические положения лишь за последние двадцать лет, после указанной работы акад. Б. Гавранка.

Одни исследователи считают категории вида и времени независимыми друг от друга и соответственно никаких видовых значений в формах времени не усматривают, стремясь интерпретировать их значение в чисто временном плане.

Другие исследователи считают эти категории взаимосвязанными: они говорят «о теснейшей связи, существующей между видом и временем, о наличии в языке своего рода „синкретических“ по своему содержанию морфологических категорий, объединяющих в одной форме видовое и временное значение»³. Эти исследователи расходятся между собой лишь в понимании характера этой связи. Большинство из них просто отождествляет значение категорий вида и времени и видит между ними историческую преемственность, при этом под категорией вида разумеется противопоставление глаголов по признаку совершенности—несовершенности. В соответствии с этим старославянские формы имперфекта и аориста трактуются как „видо-временные“: имперфект—как прошедшее несовершенное, аорист—как прошедшее совершенное. Таким образом, в отношении категории времени эти формы, с их точки зрения, не представляют различий: они обе указывают на прошедшее время, различие между ними—чисто видовое.

Такую интерпретацию старославянских форм времени впервые предложил Ф. Миклошич⁴. Она получила широкое распространение в работах последующих ученых, в том числе и в работах современных исследователей.

³ Ю. С. Маслов. Критические заметки по болгарской грамматике (рец. на книгу Л. Андрейчина „Основна българска граматика“). — „Учене записки Ин-та славяноведения АН СССР“, т. IV. М., 1951, стр. 369.

⁴ F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. IV. Syntax. Wien, 1868—1874, стр. 784—790.

Большие споры велись по вопросу о том, следует ли считать виды в славянских языках новым явлением или они унаследованы от индоевропейской эпохи. Ф. Миклошич, а вслед за ним и другие ученые (Г. К. Ульянов, А. Мейе и др.) считали виды индоевропейским наследием и видели в старославянских памятниках отражение упадка этой категории⁵.

Согласно другой точке зрения, нашедшей отражение в трудах А. А. Потебни⁶, Н. Ван-Вейка⁷ и более соответствующей, по нашему мнению, действительному положению вещей, виды в славянских языках являются новообразованием. Эти ученые считают, что старославянские памятники отражают период не упадка, а становления этой категории.

Дальнейшая история форм имперфекта и аориста в таких языках, как, например, русский, рисуется как процесс высвобождения форм времени от привходящих видовых значений; последние постепенно, с формированием категории совершенности—несовершенности, стали обозначаться уже не формами времени—аористом и имперфектом, а глагольными основами, в результате чего эти формы, совпав по значению с перфектом, вышли из употребления⁸.

Эта теория была построена в основном на материале восточнославянских и западнославянских языков, и по мере накопления фактов все более и более очевидной становится ее несостоятельность.

Прежде всего она не согласуется с данными болгарского языка, который, в отличие от восточно- и западнославянских языков, до сих пор сохраняет в живом употреблении формы простых прошедших времен—аориста и имперфекта. Была попытка объяснить этот факт в рамках старой теории более слабым развитием вида в болгарском языке по сравнению с другими славянскими языками и несколько иным его содер-

⁵ F. Miklosich. Указ. соч., стр. 924.

⁶ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М., 1941, стр. 35, 47, 62.

⁷ N. Van Wijk. Sur l'origine des aspects du verbe slave. — RÉS, t. IX. (1929), fasc. 3—4, стр. 242—243.

⁸ См., например: А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 207, 221; П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., Изд-во МГУ, 1953, стр. 267; В. В. Бородич. К вопросу о видовых отношениях старославянского глагола. — „Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР“, т. IX. М., 1954, стр. 137—138; Т. П. Ломтев. Изменения в употреблении глагола относительно категорий вида и времени. — „Доклады и сообщения филолог. фак-та МГУ“, вып. 3. М., 1947, стр. 24—27; Е. В. Чешко. К истории славянских глагольных видов. Основы глаголов движения в Зографском кодексе. — „Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР“, т. III. М., 1951, стр. 342.

жанием⁹, но после недавно появившихся работ Ю. С. Маслова о виде глагола в болгарском языке, в которых он с очевидностью показал, что ни в степени развитости вида, ни в его содержании болгарский язык ничем не отличается от других славянских языков, это объяснение, естественно, само собой отпадает¹⁰.

Далее. Несостоятельным оказывается и основное исходное положение о тождестве значений совершенного и несовершенного видов со значениями аориста и имперфекта. Поводом для такого заключения послужили только статистические данные, которые свидетельствовали, что употребляемые в старославянских памятниках формы аориста в подавляющем большинстве случаев образованы от глаголов совершенного вида. Это, в свою очередь, дало повод заключить об аномальности таких редко встречающихся форм, как имперфект от глаголов совершенного вида или аорист от глаголов несовершенного вида. Однако такая квалификация форм давно вызывала сомнения. Работы А. Достала и Ю. С. Маслова, вышедшие за последние годы, подтвердили основательность этих сомнений¹¹.

Уточненные в этих работах статистические данные свидетельствуют, что указанные формы хотя и встречаются действительно редко, тем не менее имеют достаточное распространение, чтобы их существование можно было отнести за счет случайных ошибок.

Таким образом была окончательно подорвана основа, на которую опиралась традиционная теория развития видо-временной системы в славянских языках. Во всяком случае стало очевидно, что „никакого прямого отношения к совершенному и несовершенному виду (к перфективности и имперфективности) славянские аорист и имперфект не имели и не имеют“¹². Исследователи, настаивающие на наличии тесной связи между категориями вида и времени, ищут теперь новых доказательств для своей теории. Так, В. В. Бородич пытается объяснить факт сохранения аориста и имперфекта в современ-

⁹ В. В. Бородич. Об одной особенности болгарского глагола. — Сб. „Славянская филология“, вып. 2. М., Изд-во МГУ, 1954, стр. 76.

¹⁰ Ю. С. Маслов. О своеобразии морфологической системы глагольного вида в современном болгарском языке. — „Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР“, вып. 15. М., 1955, стр. 29—47.

¹¹ A. Dostál. Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954, стр. 681; Ю. С. Маслов. Из наблюдений над категориями вида и времени в современном болгарском языке. (Аорист глаголов несовершенного вида). — „Доклады и сообщения филолог. института ЛГУ“, вып. 1. Л., 1949, стр. 138—150; его же. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках. — „Вопросы славянского языкознания“, вып. 1. М., 1954, стр. 78—79.

¹² Ю. С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском языке. Докторская диссертация. М., 1957, стр. 11 (машинопись).

ном болгарском языке изменением их функции¹³. Эта идея была высказана в самой общей форме и нигде не была хоть сколько-нибудь аргументирована, так что судить о ее правомерности невозможно. В то же время В. В. Бородич продолжает настаивать на том, что в старославянском языке различия между имперфектом и аористом сводятся к видовым, а не временным различиям. Признавая справедливость критических замечаний акад. Б. Гавранка, В. В. Бородич пишет по этому поводу следующее: „Однако первоначально это было совсем не различие несовершенного и совершенного вида, так как в таком случае не могло бы быть аориста от основ несовершенного вида и имперфекта от совершенных глаголов...“¹⁴; „... для дописьменного периода старославянского языка следует предположить иные видовые отношения, чем те, которые развиваются позже. Это отношения вида конкретного, единичного действия, и вида отвлеченного, «собирательного» действия“¹⁵; „... следует предположить для самых древних памятников старославянского языка... существование еще прежних отношений, по крайней мере в части глаголов беспредложных“¹⁶. Концепция В. В. Бородич представляет собой несколько осложненный вариант традиционной теории развития видо-временной системы в славянских языках, поскольку в конечном счете предполагает тоже такой этап, на котором аорист и имперфект получают значение совершенного и несовершенного видов, чем и объясняется факт их последующего исчезновения¹⁷.

По пути расширения понятия вида идет и Ю. С. Маслов в интерпретации форм времени болгарского глагола. Он вводит новое понятие — „вид в широком смысле слова“¹⁸. По своему содержанию это понятие отличается как от противопоставления совершенного и несовершенного вида, которое Ю. С. Маслов называет „видом в узком смысле слова“, так и от „способов действия“ (Aktionsarten). Под него подводятся „те различия в способах протекания действия (или вернее: в способах представления этого протекания), которые отражены в различных регулярных, проходящих через всю систему глагола, грамматических формах (в частности, имеются в виду

¹³ В. В. Бородич. К вопросу о значении аориста и имперфекта в старославянском языке. — Сб. „Славянская филология“, вып. 1. М., Изд-во МГУ, 1951, стр. 24—25.

¹⁴ Там же, стр. 25.

¹⁵ Там же, стр. 26.

¹⁶ Там же, стр. 26—27.

¹⁷ В. В. Бородич. К вопросу о видовых отношениях старославянского глагола. — „Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР“, т. IX. М., 1954, стр. 138.

¹⁸ Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 11.

формы времени. — И. Б.)¹⁹. Содержание этих различий раскрывается далее отдельно для аориста и имперфекта, с одной стороны, и для перфекта и плюсквамперфекта, с другой. Обобщения делаются на основе анализа материала славянских языков, но Ю. С. Маслов считает возможным приложить понятие „вида в широком смысле слова“ и к соответствующим формам времени в других индоевропейских языках. Это дает нам основание более подробно остановиться на некоторых положениях докторской диссертации Ю. С. Маслова в соответствующем разделе настоящей работы. Здесь же заметим только, что введенное Ю. С. Масловым понятие „вида в широком смысле слова“ так и не получает единого определения в его работе, что, по-видимому, не случайно и связано не с недостаточностью или несовершенством анализа, а с тем, что Ю. С. Маслов стремится подвести под одно понятие признаки, не поддающиеся такому подведению в силу их разноплановости. В самом деле, что может быть общего у таких различных признаков, как „развертывание действия во времени“, которым, по мысли Ю. С. Маслова, характеризуется значение имперфекта, и „актуальность последствий действия“, которую он считает характерной для значений форм перфекта и плюсквамперфекта?

В настоящее время идею независимости, самостоятельности вида и времени в сфере семантики для болгарского языка проводит в своих работах Л. Андрейчин²⁰.

Этой идеей руководствуются в своих специальных работах и общих курсах по старославянскому языку такие исследователи, как Б. Гавранек²¹, А. Достал²², Н. С. Трубецкой²³, Х. Г. Лант²⁴.

Идея независимости вида и времени имела своих сторонников и в прошлом как среди известных ученых, так и среди ныне редко упоминаемых авторов. Самостоятельность категорий вида и времени отстаивал А. А. Потебня в полемике с авторами теории вневременности русского глагола²⁵. Эту же мысль несколько позже, но независимо от А. А. По-

¹⁹ Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 11.

²⁰ Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., 1949, стр. 133.

²¹ B. Havránek. Aspect et temps du verbe en vieux slave. — „Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally“. Genève, 1939, стр. 225.

²² A. Dostál. Указ. соч., стр. 624.

²³ N. S. Trubetzkoy. Altkirchenslavische Grammatik. Wien, 1954, стр. 155—158.

²⁴ H. G. Lunt. Old church slavonic grammar. Leiden, 1955, стр. 136.

²⁵ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 94—98.

тебни, развивал Л. П. Размусен²⁶. Необходимо отметить, что эти ученые были гораздо последовательнее в проведении принципа разграничения категорий вида и времени, чем современные исследователи, которые, настаивая на самостоятельности этих категорий в области аориста — имперфекта в старославянском языке, признают факт смешения значений вида и времени в славянских формах так называемого будущего простого.

О возможных „случаях смешения“ вида и времени пишет в своей статье акад. Б. Гавранек. Правда, он рассматривает эти случаи как явления вторичные и относит их уже к эпохе самостоятельного развития славянских языков.

В общеславянский период эти категории, по его мнению, были независимыми, что нашло отражение и в старославянских памятниках.

К случаям смешения акад. Б. Гавранек относит, во-первых, употребление аориста и имперфекта в современном сербохорватском языке, где аорист образуется „прежде всего“, по его словам, от глаголов совершенного вида, а имперфект — от глаголов несовершенного вида, во-вторых, употребление формы настоящего времени от глаголов совершенного вида в значении будущего времени в восточно- и западнославянских языках, из чего делается заключение, что в этих языках вид служит средством различия времени²⁷.

Однако эти факты можно понимать несколько иначе. Сербохорватская система времен развивалась в том же направлении, что и система времен в восточнославянских и западнославянских языках. Достаточный материал для такого заключения дают сербохорватские говоры, которые в большинстве своем, как и восточные и западные славянские языки в целом, употребляют теперь из всех старых форм прошедшего времени только одну, а именно — бывший перфект. Эта форма по своему употреблению совершенно явно отличается от болгарского перфекта и совпадает в основном с употреблением соответствующей формы в других современных славянских языках. Это дает, в свою очередь, основание полагать, что сербохорватские формы аориста и имперфекта претерпели в своем значении известные изменения, подобные тем, какие пережили эти формы в восточных и западных славянских языках, в результате чего они утратили свою временную специфику. Сербохорватские формы аориста и

²⁶ Л. П. Размусен. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках. — ЖМНП, 1891, июнь, стр. 378, 388, 393, 401.

²⁷ В. Наврăнек. Указ. соч., стр. 225—226, 228.

имперфекта в литературном языке можно рассматривать как комбинаторные варианты категории прошедшего времени, свойственные определенным стилям литературной речи. Таким образом, мы не видим никакого смещения системы вида и системы времени в сербохорватском языке.

Нет также достаточных оснований видеть результат смешения этих систем в восточно- и западнославянских формах простого будущего.

Во-первых, при таком понимании этих форм остается неясным один существенный момент, на который указывал еще А. А. Потебня. Сейчас, кажется, никем серьезно не оспаривается существование категорий вида и времени в восточно- и западнославянских языках вообще и, в частности, когда речь идет о формах прошедшего времени в этих языках. „Мы видим, что язык роняет известные категории и создает другие... Это обычно не замена, а смена,— писал А. А. Потебня.— Но каким образом при существовании двух грамматических категорий... одна может заменять другую? (разрядка наша.—И. Б.). Это невозможно, если признаем, что речь находится в зависимости от своих психологических условий. Каждая форма на своем месте (разрядка наша.—И. Б.). Каждая соответствует определенным требованиям мысли говорящего...“²⁸.

Во-вторых, точка зрения, что в восточно- и западнославянских языках вид служит для различения будущего времени в глаголах совершенного вида, опирается на утверждение, что „в славянских языках нельзя использовать совершенный презенс для обозначения действия, помещенного в настоящее“²⁹. Но это утверждение не что иное, как заблуждение, потому что в действительности глаголами совершенного вида могут обозначаться конкретные действия, относимые к настоящему³⁰. Правда, случаи такого употребления наблюдаются редко. Они тонут в общей массе примеров, где совершенными глаголами обозначаются или прошедшие, или будущие действия. Их не всегда удастся выделить, так как в них, как и в массовых случаях, видят оттенок будущего.

„Однако этот оттенок,— писал еще Л. П. Размусен,— на деле не будущего времени, а значение совершенного вида и только потому может казаться оттенком временным, что формы эти вообще гораздо чаще употребляются в значении

²⁸ А. А. Потебня. Указ соч., т. IV, стр. 94.

²⁹ А. Dostál. Указ. соч., стр. 28.

³⁰ См. примеры в соответствующем разделе настоящей работы, стр. 156—157.

будущего времени"³¹. Несколько перефразируя, скажем и далее словами Л. П. Размусена: „Славянские формы типа русских *напишу, дам* и т. п. необходимо считать, кроме будущего времени совершенного вида, также настоящим совершенного вида“³².

Таким образом, в вопросе о будущем времени опять делают ту же ошибку, которую сделали Ф. Миклошич и его последователи, когда построили свое определение значений аориста и имперфекта на массовых случаях их употребления, оставив в стороне редкие случаи. Нет оснований игнорировать редкие случаи и в решении вопроса о формах настоящего времени.

Следует говорить не об отсутствии у глаголов совершенного вида форм настоящего времени, как это обычно делается, а о формальном, звуковом совпадении у этих глаголов форм настоящего времени и форм будущего времени, подобно тому, как мы констатируем в русском языке факт звукового совпадения форм родительного, дательного и предложного падежей у имен существительных женского рода с основой на согласный типа *ночь*.

Таким образом, интерпретация рассмотренных фактов как свидетельствующих о смешении категорий вида и времени если и не может быть окончательно отвергнута, то во всяком случае должна быть поставлена под сомнение.

§ 3. В связи с вышесказанным категории вида и времени рассматриваются в настоящей работе как самостоятельные, независимые категории, что предполагает признание возможности образования всех форм, различающихся в языке, от глагола любого вида: и несовершенного, и совершенного. Настаивая на самостоятельности, независимости этих категорий, мы тем не менее далеки от мысли отрицать наличие какой бы то ни было связи между ними. Более того, нам представляется, что эти категории находятся между собой в коррелятивных отношениях.

В понимании сущности морфологической корреляции мы опираемся на положения, сформулированные Р. О. Якобсоном. В известной заметке о структуре русского глагола он писал: „Часто мнения исследователей о значении той или другой грамматической категории расходятся. Противоречивые определения можно найти в исследовании одного и того же автора. Эти колебания объясняются тем, что исследователь, рассматривая две противостоящие морфологические категории, часто исходит из того предположения, что обе эти категории

³¹ Л. П. Размусен. Указ. статья.— ЖМНП, 1891, июль, стр. 1.

³² Там же.

являются равноправными и каждая имеет свое собственное положительное значение (разрядка наша.—И. Б.): категория I обозначает А, категория II обозначает В или, по крайней мере, I обозначает А, II — отсутствие А. В действительности, общее значение коррелятивных категорий распределяется иначе: в случае, если категория I сообщает о наличии А, то категория II не сообщает о наличии А, т. е. она не говорит, присутствует или отсутствует А. Общее значение категории II, в сравнении с категорией I, ограничивается отсутствием указания на А³³.

Вопрос о соотношении общего значения и частных значений грамматической категории Р. О. Якобсон затронул в связи с рассмотрением значений падежей. И в этом вопросе мы также исходили из его постановки проблемы.

„Вопрос о падежных общих значениях,— писал Р. О. Якобсон,— относится к учению о слове, а вопрос об их частных значениях — к учению о словосочетаниях, так что общее значение падежа не зависит от его окружения, в то время как отдельные частные значения определяются различного рода формальными и реальными значениями различных слов — это так сказать комбинаторные варианты общего значения“³⁴.

Вместе со сторонниками „теснейшей связи категорий вида и времени“ мы признаем, что эти категории имеют общую сферу значений, но в отличие от них мы не делаем на этом основании вывода о „синкретичности“ глагольных форм вида и времени, а стремимся выявить их дифференциацию в пределах общей семантической сферы.

С нашей точки зрения ошибочное представление о неразграниченности значений вида и времени проистекает из предположения, что эти категории являются якобы категориями исторически взаимозаменяющимися.

Между тем следует говорить о сосуществовании этих категорий по крайней мере на всем протяжении письменного этапа развития славянских языков.

Какова же сфера значений вида и времени? Обычно считают, что таковую составляют значения, характеризующие „протекание действия во времени“³⁵. Но протекание действия во времени можно характеризовать с различных сторон

³³ R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbums. — Сб. „Charisteria Gvilelno Mathesio“. Pragae, 1932, стр. 74.

³⁴ R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. — „Travaux de cercle linguistique de Prague“, 1936, № 6, стр. 252.

³⁵ П. С. Кузнецов. Современный русский язык. Раздел „Глагол“. М., Изд-во МГУ, 1952, стр. 253.

и разными способами, так что это определение требует дальнейшего уточнения.

В „Курсе общей лингвистики“ Ф. де Соссюра читаем: „...логично ли исключать лексикологию из грамматики? На первый взгляд может показаться, что слова, как они даны в словаре, как будто бы не поддаются грамматическому изучению, каковое обычно сосредоточивают на отношениях между отдельными единицами. Но сразу же мы замечаем, что множество этих отношений может быть выражено с таким же успехом словами, как и грамматическими средствами (разрядка наша. — И. Б.)“³⁶.

Именно это мы можем констатировать и при рассмотрении выражения временной характеристики действия. Поэтому, чтобы уяснить роль глагольных форм, необходимо отдать себе отчет во всех средствах, грамматических и неграмматических, которыми располагает язык для выражения этих значений.

„Протекание действия во времени“ может характеризоваться, как мы уже говорили, с различных сторон: во-первых, со стороны различий в продолжительности протекания действия во времени (*работал восемь часов, читал полчаса, прожил в городе два года* и т. д.); во-вторых, со стороны различий в характере повторяемости (*трижды был в Ленинграде, часто хожу в кино, два раза в неделю занимаюсь иностранным языком* и т. д.); в-третьих, со стороны установления даты действия (*А. С. Пушкин умер в 1837 году; когда он пришел, я уже спал*); в-четвертых, со стороны отношения действия к проявлению во времени, или, иначе, к его реальному осуществлению, к его реализации (ср., например, следующие предложения: 1. *Я читаю стихи* — в ответ на вопрос: *что ты делаешь?* и 2. *Я читаю стихи* — в смысле ‘умею декламировать стихи’ или *по вечерам я читаю стихи* — в смысле ‘имею привычку читать’) и т. д. Таким образом, мы видим, что временная характеристика действия многосторонняя. В языке она может выражаться при помощи различных средств: как при помощи глагольных форм, так и при помощи неглагольных форм.

Неглагольными формами выражаются, например, исчисление длительности действия в единицах измерения времени (*секунда, час, сутки, год, столетие, месяц, квартал, век* и т. п.), приблизительно устанавливаемая степень длительности действия (*долго, недолго* и т. п.), степень повторяемости нерегулярного действия (*часто, редко, всегда, иногда, постоянно, обычно* и т. п.), периодичность регулярно повто-

³⁶ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 130.

прямого действия (*два раза в год, три раза в неделю и т. п.*), порядок следования действий (*сначала, потом, после этого, затем, вслед за этим, до этого и т. п.*).

Время протекания действия может быть выражено или только глагольными формами (*я читал эту книгу*) или сочетанием глагольных и неглагольных форм (*он ездил в Ленинград зимой прошлого года*).

Это зависит от того, с какой степенью конкретности стремится говорящий представить интересующее его событие, действие. Дело в том, что если для говорящего определение времени протекания действия по грамматической системе отсчета (т. е. относительно „момента речи“) является обязательным, то в характеристике времени протекания действия с точки зрения, например, общепринятой системы летоисчисления говорящий свободен и прибегает к ней лишь тогда, когда в данной ситуации это уточнение является существенным.

В чем же состоит операция определения времени протекания действия в заданной системе отсчета и есть ли различие в этом отношении между определением времени совершения действия по грамматической системе отсчета и по календарной системе отсчета?

Операция определения времени совершения события по календарной системе сводится к установлению даты, что предполагает указание на два момента, если это событие не совпадает по времени с исходным событием: во-первых, необходимо указать, в каком количестве принятых единиц исчисляется отрезок времени, отделяющий датированное действие (событие) от исходной точки отсчета, т. е. от того события, от которого отсчитывается время; во-вторых, надо определить, частью какого периода времени — предшествующего или последующего по отношению к исходному событию — является этот исчисленный отрезок времени, отделяющий датированное событие от исходного. Так, когда мы говорим о событии, происходившем до нашей эры, мы обязательно это отмечаем специально, ибо в противном случае возможно недоразумение. Опускание такого специального указания при датировании событий, происходивших в нашу эру, — чисто условно. Отсутствие этой оговорки служит своего рода нулевым признаком.

Определить так время совершения событий — значит установить абсолютную хронологию этих событий. Но очень часто оказывается, что более существенно установить относительную хронологию событий. В этом является потребность тогда, когда говорящему важно указать на связь каких-либо событий между собой. Установление относительной хронологии производится таким же способом,

только за „точку отсчета“ — исходное событие — берется уже какое-то другое событие, абсолютная хронология которого, или, иначе, его дата, является общеизвестной или, во всяком случае, она известна участникам акта коммуникации. Например: *в годы гражданской войны он служил в Красной Армии; до революции 1905 года жил за границей; после Великой Октябрьской революции вернулся в Россию; за два года до реформы 1861 года...; спустя три года после Отечественной войны 1812 года...; за год до окончания университета...; два года спустя после рождения сына.*

Таким образом, при установлении относительной хронологии в качестве исходного события может послужить любое событие, дата которого очевидна; в частности, в качестве такого события может выступать и акт коммуникации. Ср., например, следующие фразы: *сегодня* (т. е. в день, когда делается сообщение) *он пойдет в музей, а завтра* (т. е. в день, который последует за днем, когда делается сообщение) *будет заниматься в библиотеке.* При помощи подобного рода обстоятельств времени (*вчера, позавчера, в прошлом году, на будущий год, прошлым летом, на будущее лето* и т. п.) выражаются различные возможные случаи определения времени протекания действия по одной из возможных относительных календарных систем, в которой за исходную точку отсчета берется акт коммуникации.

Это же событие — „акт коммуникации“ — выступает в качестве „исходной точки“ и в грамматической системе отсчета времени. Именно благодаря этому грамматическая система отсчета всегда может быть соотнесена с календарной, или, как говорят, с „объективным временем“³⁷.

В чем же состоит специфика определения времени совершения действия по грамматической системе?

Определение времени по календарной системе (и по абсолютной, и по относительным) предполагает, как мы видели, указание на два момента: исчисление отрезка времени, разделяющего датируемое и исходное события, и указание на то, частью какого периода является этот отрезок: предшествующего, последующего или совпадающего со временем исходного события. При определении же времени по грамматической системе имеется в виду только второй из этих двух моментов, т. е. указание на то, к какому периоду времени относительно времени акта коммуникации относится совершение действия: к прошедшему (т. е. к периоду времени, предшествовавшему времени акта коммуникации), будущему (т. е. к периоду

³⁷ Г. М. Милейковская. О соотношении объективного и грамматического времени. — „Вопросы языкознания“, 1956, № 5, стр. 76—77.

времени, следующему за временем акта коммуникации) или к настоящему (т. е. к периоду времени, совпадающему с временем акта коммуникации).

Грамматическая система отсчета времени отличается от календарной также и средствами выражения. Определение времени совершения действия по грамматической системе отсчета обычно выражается в речи с помощью глагольных форм, в то время как определение времени по календарной системе выражается с помощью неглагольных форм — всякого рода обстоятельственных слов и словосочетаний.

Как в календарной системе можно определять время совершения события опосредствованно, через соотнесение с событием, дата совершения которого для говорящих очевидна, так и в грамматической системе отсчета можно определять время совершения действия опосредствованно, через действие, период времени совершения которого уже определен относительно акта коммуникации или очевиден для говорящих из ситуации высказывания в целом.

Чисто условно первый способ определения времени совершения действия путем непосредственного соотнесения с актом коммуникации принято называть абсолютной грамматической системой отсчета времени, а второй — опосредствованного определения времени совершения действия — относительной грамматической системой отсчета времени.

Таким образом, можно говорить об абсолютной и относительной грамматической хронологии действий подобно тому, как мы говорим об абсолютной и относительной хронологии событий.

Относительная грамматическая хронология действий может выражаться или только глагольными формами, или сочетанием глагольных форм с другими грамматическими и лексическими средствами.

Общепринято, например, говорить о том, что деепричастия и причастия, неспрягаемые формы глагола, являются глагольными формами, выражающими значение относительной одновременности или предшествования. Так, в русском языке ими обычно обозначаются второстепенные действия, упоминаемые в связи с главным, выраженным спрягаемой формой, выступающей в предложении в качестве сказуемого: 1. *Усевшись поудобнее, он закурил и стал читать газету*; 2. *Проходя мимо окна, он помахал на прощанье платком*.

Те же отношения относительного предшествования и одновременности могут быть выражены в русском языке и другими языковыми средствами. Например: 1. *Когда он уселся поудобнее, он закурил и стал читать газету*; 2. *Когда он проходил мимо окна, он помахал на прощанье платком*.

В данном случае относительная грамматическая хронология выражается не только глагольными формами, но и особой синтаксической конструкцией, соотносящей во времени действие, выраженное сказуемым придаточного предложения, с действием, выраженным сказуемым главного предложения. В качестве показателя относительной временной соотнесенности выступает здесь союз *когда*.

Относительная грамматическая хронология действий может быть выражена и лексическими средствами. Например: 1. *Он учился в институте и одновременно давал уроки русского языка*; 2. *Мы успели сдать вещи в багаж до прихода поезда*.

Ср.: 1. *Когда он учился в институте, он давал уроки русского языка*; 2. *Когда поезд пришел, мы уже успели сдать вещи в багаж*.

Есть, однако, среди современных славянских языков такие языки, в которых относительная грамматическая хронология действий может быть выражена и особыми спрягаемыми формами времени глагола.

В качестве такой формы, не вызывающей, как будто, ни у кого из исследователей сомнения, можно, например, назвать плюсквамперфект, являющийся одним из относительных времен в болгарском языке и известный в качестве факультативной формы в таких современных западнославянских языках, как чешский и польский; эта форма засвидетельствована в древнюю пору и для других славянских языков.

Таким образом, относительная грамматическая хронология действий может выражаться как глагольными формами, так и другими языковыми средствами, грамматическими и лексическими. В данном случае, однако, важно подчеркнуть, что среди глагольных форм, выражающих относительную грамматическую хронологию действий, находим и спрягаемые и неспрягаемые формы глагола — деепричастия и причастия, которые следует поэтому включить в систему грамматических форм, выражающих хронологические отношения действий. Как известно, эти формы в системе времен обычно не рассматриваются на том основании, что они „своего времени“ не имеют.

Следует отдать себе отчет в том, что имеется в виду под выражением „свое время“. Обычно под этим разумеют, что деепричастные и причастные формы не определяют времени действия относительно „момента речи“³⁸, т. е. не определяют

³⁸ О неудобстве этого термина см. в названной выше статье Г. М. Милейковской, стр. 77.

его относительно исходного события грамматической системы отсчета.

Но всегда ли указывают на этот момент спрягаемые формы времени?

Нам представляется, что этого нельзя сказать о спрягаемых формах времени в таких языках, как современный русский и другие славянские языки, которые утратили старые формы прошедшего времени и вместо них пользуются одной формой прошедшего времени.

В самом деле, если, как мы видели на примерах из русского языка, спрягаемыми формами могут обозначаться действия, хронология которых определяется по абсолютной системе отсчета, а также действия, хронология которых определяется по относительной системе, то естественно заключить, что сами формы времени в этих языках на систему отсчета не указывают и в этом смысле так же, как и деепричастия, „своего времени“ не имеют. Этот момент присутствует в содержании этих форм в той мере, в какой, как мы уже говорили, формами времени вообще может обозначаться грамматическая, а не календарная хронология действий (см. подробнее в разделах об абсолютных временах).

Другое дело в современном болгарском или вообще в славянских языках древней поры, где указание на систему отсчета является функцией самих форм времени, поскольку там есть особые формы для обозначения действий, хронология которых определяется по относительной системе отсчета.

Такие формы, как плюсквамперфект, „относительность“ которого как будто бы не ставится под сомнение, или имперфект, относительный характер которого признают лишь некоторые исследователи, представляют, как выражается проф. Л. Андрейчин, „двойное отношение во времени“, т. е. они указывают и на „момент речи“, как, скажем, аорист, но указывают опосредствованно, через какой-то момент прошлого, о котором идет речь. В отличие от причастий и деепричастий, которыми может быть обозначена одновременность или предшествование любому действию — и прошедшему, и настоящему, и будущему, — эти формы могут обозначать одновременность или предшествование только в плане прошлого. Так обычно и определяют плюсквамперфект, называя его „предпрошедшим“.

В связи с вышесказанным уместно поставить вопрос: справедливо ли получившее широкое распространение определение глагольных форм времени как такой категории, которой выражается время протекания действия относительно „момента речи“, для всех временных систем в славянских языках. Нам представляется, что содержание этой категории на протяжении истории славянских языков менялось и не

одинаково в таких современных языках, как русский и болгарский.

Если указание на систему отсчета в болгарском языке является обязательным, то в русском языке глагольные формы времени вообще не указывают на систему отсчета. Это обстоятельство имеет принципиальное значение не только для уяснения истории развития временной системы в славянских языках, но и для установления действительного различия категории вида и категории времени. Дело в том, что когда пытаются определить это различие, то прежде всего указывают на признак соотнесенности с „моментом речи“, который признается обязательным для категории времени в отличие от категории вида. Между тем этот признак является обязательным не для всех глагольных форм времени, например для неспрягаемых форм — причастия и деепричастий. Кроме того, он не всегда является обязательным и для спрягаемых форм времени, в частности в таких временных системах, в которых отсутствует категория относительных времен.

Поэтому существенным для категории времени является указание не на систему отсчета — „момент речи“, а указание на отнесенность действия к тому или иному „грамматическому“ периоду времени.

Выше уже говорилось, что грамматическая система отсчета обязательно предполагает указание на то, в какой период времени — прошедший, настоящий или будущий относительно времени акта коммуникации или относительно действия, уже хронологически определенного, — происходило действие, хронологию которого надлежит определить. Названные периоды представляют собой те единственные три возможности членения времени, которые действительны для любой из возможных систем отсчета, что и находит себе выражение в языке в наличии трех частных категорий времени: категории настоящего времени, категории прошедшего времени и категории будущего времени.

Так, специфическим значением категории настоящего времени является отнесенность действия к периоду времени, совпадающему с временем исходного события, категория прошедшего времени указывает на его отнесенность к периоду, предшествовавшему времени исходного события, и, наконец, категория будущего времени указывает на отнесенность события к периоду, следующему за временем исходного события.

§ 4. В литературе о видах славянского глагола значение категории вида определяется по-разному³⁹. Нам представ-

³⁹ См. обстоятельный обзор всех имеющихся в литературе определений вида в указанной работе А. Достала.

ляется наиболее плодотворным то определение, в котором в основу видовой корреляции положен признак завершенности действия.

В корреляции совершенного — несовершенного вида в качестве отмеченного члена мы рассматриваем категорию совершенного вида, указывающую на завершенность (законченность) действия; соответственно категория несовершенного вида рассматривается как неотмеченная, обозначающая „незаконченное действие“, т. е. действие, не характеризованное относительно законченности.

Именно в сфере обозначения законченности действия намечаются точки соприкосновения категории вида с категорией времени. Формы прошедшего времени обозначают отнесенность действия к прошедшему периоду, т. е. к периоду, закончившемуся, истекшему к моменту, взятому за систему отсчета.

Может показаться, что, относя действие к закончившемуся, истекшему периоду времени, мы тем самым характеризуем и законченность самого действия. Однако это не так. Если мы и характеризуем законченность действия таким способом, то только косвенно. Можно себе представить, например, такой случай, — и таких будет большинство, — когда период прошлого, к которому относится действие, окажется значительно продолжительнее того отрезка времени, в течение которого совершалось действие, так что отношения периода времени, к которому относится действие, и отрезка времени, потребовавшегося на его совершение, можно будет характеризовать как отношение части к целому. Обратное положение встречается относительно редко и представляет собой случайное совпадение периода прошлого с тем отрезком времени, в течение которого совершалось действие.

Таким образом, мы приходим к необходимости четко различать два очень важных понятия — понятие „периода времени совершения действия“ и понятие „времени действия“. Под первым мы будем иметь в виду отрезок времени, которым датируется действие по грамматической системе отсчета. Второе понятие — „время действия“ — включает в себя представление о том отрезке времени, в течение которого совершалось действие.

Из вышесказанного следует, что формы прошедшего времени будут характеризовать законченность времени действия лишь тогда, когда „время действия“ будет равно „периоду времени совершения действия“.

Таким образом, формы прошедшего времени не указывают на законченность или незаконченность самого действия и в этом смысле выступают в корреляции с категорией совер-

шенного ряда как неотмеченный член, в отличие от категории совершенного вида, которая как раз служит грамматическим средством прямого указания на законченность времени действия или, как обычно говорят, на законченность действия.

Законченность времени действия определяется разными способами: указанием на исчерпанность объекта действия (*съесть хлеб, прочесть книгу, написать доклад, спеть песню* и т. п. результативные глаголы, а также так называемые глаголы „полного охвата действия“), указанием на исчерпанность пространства, в пределах которого распространяется действие (*приехать, подъехать, прикрепить* и т. п. так называемые предельные глаголы), указанием на исчерпанность одного из этапов, начального или конечного, развития действия (*запеть, допеть* и другие начинательные и „окончательные“ глаголы), указанием на законченность перехода из одного состояния в другое (*заболеть, постареть, заснуть* и т. п.) и т. д.

Способы завершения действия, выражаемые приставками (Actiionsarten), представляются нам комбинаторными вариантами видовой завершенности, указанием на которую является факт соединения приставки с первообразной основой несовершенного вида.

Лишь у незначительной, по сравнению с общей массой, группы глаголов значение законченности времени действия выражается другим грамматическим средством, а именно — соответствующим суффиксом (например, в русском языке: *махнуть, шагнуть*).

Таким образом, видовая законченность есть законченность времени действия, она определяется вне грамматической системы отсчета времени.

Законченность временная есть законченность периода времени совершения действия, датированного по грамматической системе отсчета времени.

Всякое действие (состояние) можно рассматривать как с качественной, так и с количественной стороны.

Качественное многообразие действия находит себе выражение прежде всего в лексическом многообразии глаголов.

Однако известные качества, свойственные ряду действий, могут фиксироваться и грамматическими средствами. Так, например, некоторые действия могут характеризоваться направлением. Именно это качество является признаком, лежащим в основе корреляции так называемых определенно-моторных и неопределенно-моторных глаголов: *нести—носить, вести—водить* и т. п.

Корреляции, построенные на признаках, связанных с качественной характеристикой действия, видимо, всегда лексически ограничены. Так, глаголы *спать*, *лежать*, естественно, не входят в названную корреляцию, поскольку действия, ими обозначенные, не могут характеризоваться этим признаком.

С количественной характеристикой действия мы имеем дело тогда, когда исчисляем длительность совершения действия, или, лучше сказать, длительность проявления действия во времени или когда исчисляем повторяемость проявлений действия во времени.

Таким образом, количественная характеристика касается проявления действия во времени. Именно в этой сфере мы имеем дело с признаками, охватывающими все глаголы. Принципиально каждое действие (независимо от его качества), проявляющееся во времени, может быть характеризовано со стороны своей длительности. С повторяемостью действия мы также сталкиваемся на каждом шагу, и она, как и длительность, не зависит от качества действия.

Однако не всегда в речи мы имеем дело с действиями, проявляющимися во времени, или, как обычно говорят, с конкретными или реальными действиями.

„Глагол как слого, называя в контексте то или иное действие, отнюдь не связан сам по себе с указанием на реальность действий, то есть на их действительное существование во времени“⁴⁰.

Пригодившуюся выше фразу *я читаю стихи* можно понять двояко: в ответе на вопрос *что ты делаешь?* глаголом будет обозначено реальное действие, в контексте же, предполагающем умение декламировать, отнюдь не реальное действие, а способность к действию.

Такого рода нереальные действия, которыми определяется круг привычек, занятий, обязанностей, способностей и т. п. действующего лица, могут быть характеризованы во времени только со стороны сочетаемости с субъектом действия, но этого достаточно для того, чтобы нереальное действие, как и реальное, можно было бы датировать, в том числе и по грамматической системе отсчета, например: *раньше он пел в опере, а теперь поет в оперетте*.

С формированием категории совершенности—несовершенности в славянских языках было грамматически фиксировано двоякое представление о действии.

⁴⁰ Ю. С. Мартеньянов. Об установлении системно-грамматического значения форм личного глагола в современном французском языке.— „Вестник Московского университета“. Историко-филологическая серия, 1957, № 2, стр. 178.

Закончившееся действие, которое обозначается глаголом совершенного вида, это всегда действие, проявившееся во времени. Вот почему законченность времени действия может выступать в качестве признака проявляемости действия во времени. В этом смысле корреляцию совершенного—несовершенного вида можно было бы назвать корреляцией проявления (действия) во времени.

Глаголы несовершенного вида в качестве неотмеченного члена корреляции могут обозначать как проявившиеся, так и не проявившиеся во времени действия. Они выступают в качестве форм, не сигнализирующих о законченности действия, т. е. как формы, обозначающие „не-законченное“ действие.

§ 5. Общераспространенная теория развития видо-временной системы в славянских языках основана на взаимозамещаемости категорий вида и времени в историческом процессе. Эта теория объясняет формирование видо-временной системы лишь для известной группы славянских языков, утративших прежнюю систему времен (в основном восточно- и западнославянские языки), и неизбежно предполагает наличие особого объяснения для языков, сохраняющих старые формы времени (болгарский, сербский).

Предлагаемая нами интерпретация значений категорий вида и времени позволяет объяснить возможность сосуществования этих категорий в пределах одной языковой системы. Такое понимание взаимоотношений, связи этих категорий, со своей стороны, дает возможность единого подхода к объяснению процесса формирования видо-временной системы обеих указанных групп языков.

Развитие временной системы в славянских языках не было обусловлено системой видов и шло по двум направлениям: старому и новому.

В рамках старой временной системы, дополняя ее недостающими звеньями, развивался болгарский язык.

В остальных славянских языках произошли существенные изменения, которые состояли в изменении способа представления грамматической хронологии действий.

Раньше это производилось путем указания и на отнесенность действия к одному из трех известных периодов времени, и на систему отсчета, но затем функция указания на систему отсчета была перенесена отчасти на синтаксические конструкции (имеются в виду разного рода придаточные времени), отчасти на контекст.

В результате этого оказалось возможным выразить все отношения действий в рамках грамматической хронологии с помощью трех форм времени (настоящего, прошедшего и

будущего), соответствующих трём возможным типам хронологических отношений вообще.

Исчезновение старых форм объясняется тенденцией к унификации, которая состоит в устранении излишних форм, если их существование не может быть оправдано новым употреблением, благодаря чему между планом выражения и планом содержания устанавливается в языке известное соответствие, которое до этого было нарушено.

В сербохорватских и серболужицких говорах, повторяющих полностью в развитии временной системы путь восточных и западных славянских языков, процесс унификации шел столь же интенсивно, так что теперь в них старые формы или уже совсем не употребляются, или употребляются спорадически, исчисляясь единицами случаев. В литературных же языках — и в сербохорватском, и в лужицких — процесс унификации шел, в силу местных условий, менее интенсивно, так что они остановились на стадии, зафиксированной для таких языков, как чешский и русский, памятниками XIII—XIV вв.

I

1. К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ВИДОВОЙ СИСТЕМЫ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 6. Вопрос о степени развитости в памятниках древнейшей славянской письменности противопоставления глаголов по признаку совершенности—несовершенности в литературе о славянском глаголе продолжает оставаться дискуссионным.

Существует два противоположных взгляда по этому вопросу.

Одни исследователи считают, что противопоставление глаголов по виду сложилось еще в праславянскую эпоху развития славянских языков, т. е. до появления письменности у славян. Соответственно они констатируют наличие видовой дифференциации и для старославянского глагола. „Старославянская видовая система, — пишет А. Достал, — является вполне совершенной (разрядка наша. — И. Б.) и служит блестящим орудием языка в первых переводах, так что она помогла выразить все тонкости оттенка греческого оригинала, а во многих случаях даже более пластично, чем в греческих оригиналах, могла выразить глагольное действие“¹.

Другие исследователи упрекают первых в излишней модернизации видовой системы старославянского языка и считают, что „противопоставление несовершенного и совершенного вида, характерное для современных славянских языков (и в том числе для русского языка), в эпоху древнейших славянских памятников (старославянских, дрегнерусских) еще только намечалось (разрядка наша. — И. Б.)“². Согласно этому

¹ A. Dostál. Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954, стр. 623.

² П. С. Кузнецов. Примечания к русскому переводу книги А. Мейе „Общеславянский язык“. М., 1951, стр. 441. См. также: N. Wen Wijk. Sur l'origine des aspects du verbe slave. — RES, t. IX (1929), fasc. 3—4, стр. 242—243 („Система видов ... судя по данным древних текстов и к началу письменного периода еще не находилась в фазе своего окончательного развития...“).

утверждению, для старославянского глагола характерна „недифференцированность видов“. Признать видовую систему старославянского языка установившейся и достаточно совершенной этим исследователям мешает наличие в старославянском языке глаголов с колеблющимся видовым значением.

Все исследователи, придерживающиеся и той, и другой точки зрения на состояние видовой системы в старославянском языке, признают, что такого рода образования есть среди старославянских простых, бесприставочных глаголов, хотя одни насчитывают незначительное количество таких глаголов, другие — несколько большее.

Расхождения у исследователей старославянского глагола по этому вопросу не носят принципиального характера, — что важно подчеркнуть, а касаются лишь интерпретации отдельных глаголов. Все признают, что среди бесприставочных глаголов в старославянских памятниках есть такие глаголы, которые употребляются в одних случаях с несовершенным значением, в других — с совершенным, например: *видѣти*, *къжати*, *каати*.

Что касается приставочных глаголов, то здесь взгляды ученых расходятся принципиально. Те из них, которые признают старославянскую систему видов достаточно сложившейся, отрицают наличие среди приставочных глаголов старославянского языка глаголов с колеблющимся видовым значением.

Так, еще Ф. Ф. Фортунатов, признав в основном верным взгляд Г. К. Ульянова на два типа префиксальных глагольных основ в литовском и латышском языках, возражал против такого разделения в славянских языках. Он писал: „Итак, автор, я думаю, вовсе не доказал того, что в старославянском языке или некогда вообще в славянских языках сложные глагольные основы, заключавшие в себе приставки с «реальным» (предложным) значением, соединяли видовые значения — перфективное и имперфективное в отличие от других сложных основ, имевших лишь перфективное значение; и те, и другие глагольные основы в славянских языках являются одинаково глаголами перфективными, т. е. основами совершенного вида... (разрядка наша. — И. Б.)“³.

Глаголы, зачисленные Г. К. Ульяновым в разряд двувидовых, Ф. Ф. Фортунатов почти все перевел (иногда, правда, без достаточных оснований) в разряд одновидовых перфективных, объяснив употребление оставшихся в имперфективном значении особыми условиями.

³ Ф. Ф. Фортунатов. Разбор сочинения Г. К. Ульянова ... — Сб. ОРЯС, т. 64, СПб., 1899, стр. 113.

По пути отрицания двувидовости в приставочных глаголах старославянского языка идет теперь А. Достал, который, как справедливо указывает в своей рецензии Ю. С. Маслов, не всегда достаточно убедительно интерпретирует употребление именно такого рода глаголов.⁴

Видимо, следует признать наличие таких глаголов в старославянском языке, поскольку неоднократные попытки одновидовой интерпретации глаголов, подводимых под рубрику глаголов с колеблющимся видовым значением, являются явно неудовлетворительными. Другое дело, как объяснить их существование в старославянском языке. Являются ли они, вместе с простыми глаголами, достаточным свидетельством меньшей степени развитости видовой системы в старославянском языке, ее несовершенства, или нет?

Что касается простых глаголов с колеблющимся видовым значением, то их наличие в старославянском языке не может служить признаком неразвитости старославянской видовой системы, поскольку такие глаголы есть и в современных славянских языках, развитость видовой системы которых не вызывает сомнения, кажется, ни у кого из исследователей.

Но приставочных глаголов с колеблющимся видовым значением в современных славянских языках, видимо, все-таки нет, — во всяком случае, нет никаких указаний на это в соответствующей литературе, и таким образом их наличие в старославянском языке как будто бы должно свидетельствовать об известной неразвитости старославянской системы видов. Именно так расценивают этот факт сторонники позднего развития видов в славянских языках.

Исходя из того, что наличие двувидовых приставочных глаголов в какой бы то ни было видовой системе должно якобы свидетельствовать о ее неразвитости, А. Достал, отстаивающий тезис о совершенстве старославянской системы видов, не решается признать факт существования такого рода глаголов для старославянского языка.

Однако факт присутствия в старославянском языке глаголов с колеблющимся видовым значением — как простых, так и приставочных — ни в коей мере не может быть использован, как увидим ниже, в числе аргументов в пользу неразвитости видов.

Пока остановимся еще на одном моменте, который дает основание исследователям настаивать на „несколько большей, сравнительно с современными славянскими языками“⁵, недиф-

⁴ Ю. С. Маслов. Рецензия: A. Dostál. Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954. — „Вопросы языкознания“, 1956, № 3, стр. 119, 121.

ференцированности старославянских видов. Речь пойдет о квалификации и понимании содержания самого явления колебания в виде.

Глаголы с колеблющимся видовым значением называют то „двувидовыми“, то „безвидовыми“. И это не случайно.

Г. К. Ульянов говорил о „двойственности видового значения“ таких глаголов⁶. Ф. Ф. Фортунатов выступил против такого понимания глаголов с колеблющимся видовым значением. Он писал:

„В литовских и латышских простых глагольных основах, не имеющих форм вида, так же как и образованных от них сложных основах 1-го рода, нет различий в видовом значении, потому нет и видового значения (разрядка наша. — И. Б.)“⁷.

Того же взгляда, кажется независимо от Ф. Ф. Фортунатова, придерживался и А. А. Потебня, который считал, что „язык вообще не выражает в этом случае различия между видом (разрядка наша. — И. Б.) совершенным и несовершенным“⁸ и что „эта обоюдность (имеется в виду двувидовость. — И. Б.) есть остаток полного отсутствия этих категорий“⁹.

Именно так рассматривает эти глаголы и большинство современных исследователей, в частности Ю. С. Маслов, который считает, что существует принципиальное различие между глаголами с колеблющимся видовым значением в современных славянских языках и в старославянском языке в характере их двувидовости¹⁰.

В современных славянских языках с развитой системой вида глаголы с колеблющимся видовым значением рассматриваются как действительно „двувидовые“, т. е. такие, у которых видовая противопоставленность не находит себе морфологического выражения. „Здесь двувидовость, — пишет Ю. С. Маслов, — является, так сказать, видовой омонимией“¹¹.

В рамках старославянской системы глаголы с колеблющимся видовым значением расцениваются им как остатки

⁵ П. С. Кузнецов. Из истории сказуемого употребления страдательных причастий в русском языке. Докторская диссертация, стр. 394 (машинопись).

⁶ Г. К. Ульянов. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II. Варшава, 1895, стр. 138—139, 218 и др.

⁷ Ф. Ф. Фортунатов. Указ. соч., стр. 119.

⁸ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 55.

⁹ Там же, стр. 159.

¹⁰ Ю. С. Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках. — „Вопросы славянского языкознания“, вып. 1. М., 1954, стр. 135.

¹¹ Ю. С. Маслов. Указ. рецензия, стр. 120.

„первоначальной видовой недифференцированности“, или, иначе, „безвидовости“¹².

Такое заключение является закономерным выводом из предположения о постепенном развитии вида, которое, как справедливо замечает Ю. С. Маслов, „все признают“¹³.

Согласно с этим предположением процесс видообразования в истории славянских языков охватывает достаточно продолжительный период, хронологические рамки которого определяются исследователями по-разному.

Одни исследователи связывают появление видовых образований с основами настоящего времени, другие — с основами прошедшего времени.

В соответствии с этим в процессе видообразования различают обычно два периода.

Решающая роль в этом процессе отводится приставкам, утратившим свое „реальное“ значение. „Перфективное значение развивается прежде всего там, — пишет Ван Вейк, — где приставка, потеряв свое чистое значение, указывает только на исполнение действия“¹⁴. Затем различие видов было распространено на другие приставочные образования. „Дольше, чем другие глаголы, сохранял употребление одной основы для выражения обоих видов“¹⁵ класс так называемых определенных глаголов: *идти*, *бежать* и т. п. Устранение их „безвидовости“ было „последним актом“¹⁶ в процессе формирования видов в славянских языках. Так представляется обычно процесс распространения категории вида, процесс фиксации видового значения глаголов.

Наряду с признанием особой роли так называемых „пустых“ приставок, придают обычно большое значение и лексическому фактору, в частности при объяснении фиксации вида в простых (бесприставочных) глаголах. Известно, что большая часть таких глаголов выступает в славянских языках со значением несовершенного вида и значительно меньшая — со значением совершенного вида. Это значение последних и связывается с особой предрасположенностью лексического значения этих глаголов к совершенному виду.

Некоторые исследователи придают лексическому фактору решающее значение. Так, А. Достал рассматривает процесс формирования под углом зрения именно этого фактора¹⁷.

¹² Ю. С. Маслов. Указ. рецензия, стр. 120.

¹³ Там же.

¹⁴ N. W a n W i j k. Sur l'origine des aspects du verbe slave. — RÉS, t. IX (1929), fasc. 3, 4, стр. 243.

¹⁵ Там же, стр. 243.

¹⁶ Там же, стр. 246.

¹⁷ A. D o s t á l. Указ. соч., стр. 254, 262.

Однако какому бы фактору ни придавалась решающая роль, процесс формирования видов, действительно, рисуется всеми исследователями как постепенный: категория вида распространяется не сразу на все глаголы, а постепенно, охватывая сначала одну группу глаголов, потом другую.

При таком понимании процесса формирования видов возможность колебания в виде у глаголов как будто бы объясняется тем, что данные глаголы еще не охвачены категорией вида, т. е. тем, что они — безвидовые.

Возникает, однако, вопрос: когда же глаголы с колеблющимся видовым значением из разряда „безвидовых“ переходят в разряд „двувидовых“? Естественно предположить, что это происходит тогда, когда они попадают в орбиту действия вида, т. е. когда и на них распространяется категория вида. Но в этом случае возникает новый вопрос: почему большинство глаголов, попадая в орбиту вида, становятся одновидовыми и лишь незначительное меньшинство — двувидовыми. Объясняют это опять-таки особым семантическим содержанием, в силу которого глаголы оказываются как бы на границе между значением совершенности и несовершенности. Так, например, объясняет двувидовость А. Достал.

Такое объяснение представляется неубедительным, если учесть принципиальную возможность „реализовать двойственно и противопоставленно по виду“ любое лексическое содержание, что признает и А. Достал, который к тому же справедливо замечает, что подобного рода объяснения превращают категорию вида из грамматической в лексико-семантическую¹⁸. А это совсем не вяжется с утвердившимся уже в науке представлением о категории вида как грамматической категории. Таким образом, обнаруживается противоречие, которое в рамках данной теории оказывается неразрешимым.

Никакой принципиальной разницы в характере двувидовости у глаголов с колеблющимся видовым значением в старославянском языке и в современных славянских языках, по нашему мнению, нет: и те, и другие являются глаголами, у которых видовая противопоставленность оказывается морфологически не выраженной; и там, и здесь двувидовость — результат видовой омонимии.

В таком понимании старославянских глаголов нет ничего невозможного. Ведь „для того, чтобы слово при тождестве звуковой стороны могло представлять собою названия различных соотносимых между собой предметов мысли, т. е. иметь соотносимые значения..., — писал еще Ф. Ф. Фортунатов, — необходимо, чтобы в языке существовало уже в других слу-

¹⁸ А. Dostál. Указ. соч., стр. 22.

чаях обозначение этого различия в различных названиях или в известном различии названия, вследствие чего значение такого слова могло ассоциироваться с существующим уже в языке обозначением известного различия в других однородных предметах мысли"¹⁹.

Такому требованию отвечает не только состояние современных славянских языков, но и состояние старославянского языка.

Большинство исследователей, даже из числа тех, которые усматривают различие в степени развитости вида между этими языками, признают, что уже в эпоху древнейших славянских переводов „совершенный и несовершенный виды различались достаточно определенно“²⁰, что „подавляющее большинство глаголов, встречающихся в древнейших письменных памятниках славянских языков, выступает уже с вполне определенным видовым значением либо совершенного, либо несовершенного вида“²¹.

Что касается постепенности распространения видов, то в этом процессе следует, как во всяком языковом явлении, более четко различать два плана: план содержания и план выражения. В плане содержания этот процесс был, если так можно выразиться, одноактным. Он был одноактным в том смысле, что, раз возникнув, эта категория сразу распространилась на все глаголы — и приставочные, и бесприставочные, а не охватывала их постепенно, группа за группой. На такое заключение наталкивает всеобъемлющий характер глагольного признака, легшего в основу видового противопоставления.

В плане выражения этот процесс действительно был длительным и, так сказать, многоактным. Противопоставление по совершенности—несовершенности первоначально нашло себе морфологическое выражение лишь в части глаголов — в каких именно глаголах и каким способом, в данном случае неважно; но как только противопоставление по виду получило морфологическое выражение в этих глаголах, все прочие глаголы стали из безвидовых двувидовыми. Дальнейшая история категории вида состояла в изыскании морфологических средств для раскрытия, оформления двувидовости этих глаголов. Именно этот процесс был действительно длительным: начавшись в праславянский период, он продолжался еще известное время и в эпоху самостоятельного развития славянских языков²². Этим объясняется, с одной стороны, то единство со-

¹⁹ Ф. Ф. Фортунатов. Указ. соч., стр. 85—86.

²⁰ П. С. Кузнецов. Указ. диссертация, стр. 23.

²¹ Ю. С. Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках, стр. 124.

²² См. Г. К. Ульянов. Указ. соч., стр. 218.

держания категории вида, которое наблюдается во всех славянских языках, с другой — те различия в плане выражения видового противопоставления, которые имеются между отдельными славянскими языками.

Таким образом, в давнем споре Ф. Ф. Фортунатова с Г. К. Ульяновым по поводу глаголов с колеблющимся видовым значением в славянских языках, а также вообще о путях развития категории вида был прав, с нашей точки зрения, Г. К. Ульянов.

В связи с вышесказанным наблюдения Г. К. Ульянова представляются необычайно ценными, а путь объяснения, избранный им, несмотря на всю его кажущуюся сложность²³, — единственно приемлемым.

„Вопрос, по-моему, — писал Г. К. Ульянов, — не заключается в том, существовало ли в старославянском вообще строгое различие между *verba imperfectiva* и *perfectiva*, — это различие, несомненно, существовало, — а в том, являлись ли здесь простые основы перфективными в сложении со всякими приставками (разрядка наша. — И. Б.)“²⁴.

Обращение к сравнению с балтийскими языками было очень плодотворным для выяснения видовой роли приставок и развития категории вида в целом. Г. К. Ульянов несколько преувеличил число двувидовых приставочных глаголов в старославянских памятниках, как справедливо заметил Ф. Ф. Фортунатов. Но эта ошибка не столь существенна. Гораздо важнее то, что он указал на принципиальную возможность такого рода образований в славянских языках, подтвердив ее сравнением с балтийскими языками, где двувидовость широко представлена и в простых, и в сложных глаголах.

Таким образом, стало ясно, что балтийские языки представляют в развитии категории вида более раннюю ступень по сравнению со славянскими²⁵.

Различие между этими языками, как и различие между старославянским и современными славянскими языками в отношении категории вида, состоит не в степени развитости видового признака (видимо, это имеют в виду, когда говорят об „усилении видов“) ²⁶, а в способах морфологического выражения видового противопоставления по признаку совершенности — несовершенности, с одной стороны, и в степени распространения видовой парности и ее унифицированности, с другой.

²³ См. А. Dostál. Указ. соч., стр. 59.

²⁴ Г. К. Ульянов. Указ. соч., стр. 138—139.

²⁵ См. П. С. Кузнецов. Указ. диссертация, стр. 15—16.

²⁶ См. там же, стр. 33—34.

§ 7. Изучению морфологии вида старославянского глагола исследователи уделяли довольно много внимания и в общих курсах, и в специальных исследованиях. Хорошо изучены как способы перфективации, так и способы имперфективации.

Установление номенклатуры морфологических средств хотя и безусловно необходимо, но составляет лишь первый этап в характеристике системы средств выражения видовой противопоставленности.

Дело в том, что „никаких внешних особенностей, характеризующих глаголы совершенного и несовершенного вида, — нет“, как отмечал еще в своей грамматике старославянского языка Ст. Слоньский²⁷.

Об известной независимости морфологической структуры вида писал и А. Достал²⁸. Так, глаголы *бѣсти*, *сѣдѣти* являются глаголами одного, а именно — несовершенного вида, глаголы же *бѣсти*, *пѣсти* — глаголами разных видов: глагол *бѣсти* — несовершенного вида, глагол *пѣсти* — совершенного, хотя структура у них одинаковая.

А. Достал отмечал в связи с этим также постоянную конкуренцию префиксации и деривации в выражении видов: ни один из этих способов не является единственным ни при образовании глаголов совершенных, ни при образовании глаголов несовершенных.

Таким образом, различие в морфологической структуре не может быть достаточным критерием для определения вида.

Вследствие этого большое значение приобретает, по нашему мнению, изучение морфологических средств выражения видовых значений не самих по себе, а под углом зрения установления типов видовых пар, характерных для данной системы видов.

Надежные критерии для определения вида глаголов, которые давно ищут исследователи без определенного успеха, видимо, все-таки можно выработать в рамках грамматики, идя именно этим путем. Наличие парного глагола может служить, как нам представляется, достаточным признаком морфологической выраженности противопоставления глаголов по виду.

При оценке степени морфологической выраженности противопоставления глаголов по признаку совершенности — несовершенности важно учитывать два момента: 1) широту распространения видовой парности и 2) унифицированность морфологического выражения видовой парности.

²⁷ St. Słoński. Gramatyka języka starosłowiańskiego (starobułgarskiego), § 176. Warszawa, 1950, стр. 151.

²⁸ См. А. Dostał. Указ. соч., стр. 23.

Широту распространения видовой парности можно характеризовать указанием на продуктивные типы видовых пар. Скажем, для балтийских языков характерен следующий тип видовой пары: простой глагол (несов. в.) — сложный с формальной приставкой (сов. в.). Господством этого типа видовой пары определяется широта распространения парности, которой оказывается охвачена сравнительно небольшая группа глаголов, в то время как у остальных двувидовость остается невыраженной.

В этом отношении старославянская система вида ушла значительно дальше. Она характеризуется наличием четырех возможных типов видовых пар, известных также и в современных славянских языках: I) простой глагол (несов.) — сложный глагол с формальной приставкой, например: хѣлѣти — похѣлѣти, творити — сътворити, дѣлати — съдѣлати, мѣрити — измѣрити; II) сложный глагол с суф. -л- (сов.) — сложный глагол с суф. -а-, -ја- (несов.), например: крикнѣти — кричати, коснѣти — касати, тѣкнѣти — тѣкати; III) сложный глагол с реальной приставкой (сов.) — производный приставочный глагол (несов.), например: изкѣкнѣти — изкакнѣти, кѣзискѣти — кѣзискѣти; IV) простой глагол (сов.) — производный бесприставочный глагол (несов.), например: лишиги — лишати, прѣстиги — прѣшгати, поустѣги — поустгати.

Нетрудно заметить, что все четыре типа видовых пар, встречающиеся в старославянском, представлены и в современных славянских языках, в частности в современном русском. Различие в морфологическом выражении видового противопоставления между этими языками будет касаться уже не состава типов видовых пар, как это было, когда мы сравнивали старославянский с балтийскими языками, но лишь степени продуктивности того или иного типа видовых пар и распространенности тех или иных формальных средств, используемых для оформления видовой парности. Так, например, русский язык, как известно, широко использует для оформления производного несовершенного, или, как обычно говорят, вторичного несовершенного, суффикс -ива- (-ыва-), который в таком своем звуковом виде старославянскому почти не известен. В старославянском языке находим, например, следующую пару глаголов: крѣстити — крѣштати. Форма крѣстити выступает в старославянских памятниках то с совершенным видовым значением, то с несовершенным; форма же крѣштати всегда выступает с несовершенным значением.

В таком случае обычно говорят или об отсутствии фиксации вида²⁹ у глагола крѣстити, т. е. об отсутствии вида, или

²⁹ См. П. С. Кузнецов. Указ. диссертация, стр. 25.

о колебании вида у этого глагола³⁰, иначе — о его „двувидовости“.

Нам представляется, что этот случай следует интерпретировать иначе. В глаголе *красити* мы не видим ни „двувидовости“, ни тем более „безвидовости“. Наличие вторичного несовершенного *красити* обязывает нас расценивать его как глагол одновидовый, совершенный. То обстоятельство, что форма *красити* может выступать и с несовершенным значением, свидетельствует лишь о неунифицированности морфологического выражения второго члена данной видовой пары, что можно выразить такой формулой:

красити (сов.) — *красити/красити* (несов.)³¹.

Таким образом, с нашей точки зрения, следует говорить не о нефиксированности или колебании в виде глагола *красити*, а о неунифицированности, дублетности в морфологическом выражении второго члена видовой пары.

Такое положение, видимо, является первым необходимым этапом в процессе оформления видовой парности, который завершается устранением из употребления дублета *красити*.

То обстоятельство, что в старославянских памятниках такая дублетность встречается сравнительно редко, свидетельствует о том, что видовая система старославянского языка была близка к завершению унификации в морфологическом выражении видовой парности, а это, в свою очередь, может служить еще одним аргументом против тезиса о „недоразвитости“, „несовершенстве“ старославянской системы видов.

³⁰ См. А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 357.

³¹ Ср. следующие примеры — Мр. X 38: *нѣ рѣчи нма. нѣ вѣста сѣ чо просаша. можита ли пити чашѣ ѡже азѣ пнѣ. ли краснѣмѣ нмѣже азѣ краситѣ сѣ красити сѣ* (несов.); Мр. I 9: *И крѣста въ данн тѣ. приде нѣ отъ назарѣта галаилскаго. и крѣсти сѣ* (сов.) *отъ ноана въ иорданѣ. и акѣ въсхода отъ воды. и видѣ разводѣша сѣ нѣса. и дѣхѣ ѣко голѣхѣ съходѣшѣ на нѣ.*

Ср. также оформление парности глаголов: *родити* — *родити/рождати* в следующих примерах — Лк. XXIII 29: *Блаженѣ неплодѣи и чрѣва ѣже не родиша* (несов.) *и съсѣци нѣже не донѣша; Ио. XVI 21: жена егда раждаѣтъ* (несов.) *печѣлѣ имѣтъ. ѣко приде годѣ ѡн. егда же родитѣ* (сов.) *отроѣа къ томоу не помнитѣ скръѣи за радостѣ ѣко роди сѣ* (сов.) *чѣвѣа въ мирѣ.*

Следующие примеры иллюстрируют оформление видовой парности глаголов *слышати* (несов.) — *слышати/оуслышати* (сов.) — Лк. VII 22: *и отѣвѣшта ѣсѣ рѣчи нма. шѣдѣша възвѣстѣти ноанѣи. ѣже видѣста и слышѣста* (несов.). *ѣко сѣбѣни прозирѣхѣ. хрѣомни ходѣтъ. проказѣни очнѣхѣ сѣ; Ио VII 32: слышѣша* (сов.) *же фарѣсѣи народѣ рѣпѣхѣшѣ о немѣ сѣ. и послаша архѣрен и фарѣси слоуѣти да нмѣхѣ* i; Ио. IV 1—2: *Егда же оуѣвѣдѣ гѣ ѣко оуслѣшѣша* (сов.) *фарѣсѣи. ѣко нѣхѣ мѣножанѣша оученикѣи творѣтъ. и красѣхѣтъ нѣже ноанѣ. . . остави нѣдѣж.*

2. СОСТАВ ФОРМ ВРЕМЕНИ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 8. Формы времени старославянского глагола уже давно тщательно описаны, и тем не менее их состав не является установленным. Не вызывают сомнения простые формы прошедших времен: имперфект и аорист. Все исследователи включают их в состав форм времени старославянского глагола в качестве самостоятельных грамматических единиц. Что касается формы настоящего времени, которая, как и формы аориста и имперфекта, образуется флективным путем, то ее также включают в этот состав, однако с оговоркой, что данная форма служит для выражения не только настоящего, но и будущего времени, из чего делается вывод, что в старославянском языке „настоящее время не дифференцировалось от будущего“³².

Сомнения и споры вызывают такие словосочетания, как еста + причастие на -л, кѣхъ + причастие на -лз, кѣдѣхъ + причастие на -лз, хощѣхъ + инфинитив, хощѣхъхъ + инфинитив, имамъ + инфинитив и начамъ (кѣчамъ) + инфинитив, которые, как и названные выше простые формы времени, употребляются в старославянском языке для выражения временных отношений. Перечисленные словосочетания вызывают сомнения в двух отношениях.

Во-первых, остается нерешенным вопрос о том, являются ли данные словосочетания сложившимися глагольными формами времени. Так, А. Х. Востоков включил все названные словосочетания в состав форм времени старославянского языка, насчитав в нем десять времен³³, Н. Т. Трубецкой же не считал эти словосочетания самостоятельными формами времени и поэтому не назвал их в составе времен старославянского языка.

Например, по поводу перфекта он писал: „Кажется, что эта форма не является окончательно установившейся глагольной формой, она скорее представляет свободную связь двух слов, которые существуют автономно рядом друг с другом (разрядка наша. — И. Б.)... Только в форме условного наклонения связь с глаголом имела особое значение и это сочетание ощущалось действительно как сложная форма“³⁴.

³² П. С. Кузнецов. Указ. диссертация, стр. 18.

³³ А. Х. Востоков. Грамматика церковно-славянского языка. СПб., 1863, стр. 59.

³⁴ N. S. Trubezkoy. Altkirchenslavische Grammatik. Wien, 1954, стр. 180.

Большинство авторов многочисленных грамматик старославянского языка придерживается третьего решения. Они обычно делают формы времени по способу образования на простые (или флективные) и сложные (или аналитические) и включают в состав простых форм формы настоящего времени, имперфекта и аориста, а в состав сложных форм — формы перфекта, плюсквамперфекта, *futurum exactum*. Тем самым они молчаливо признают, что указанные словосочетания, за исключением тех из них, которые в современных славянских языках соответствуют формам будущего времени, являются такими же вполне установившимися формами, как и простые формы времени старославянского глагола.

Во-вторых, известные сомнения внушают исследователям рассматриваемые здесь словосочетания со стороны своего содержания. Возникает вопрос, все ли эти словосочетания являются самостоятельными грамматическими единицами, нет ли среди них семантических дублетов? Серьезные опасения в этом плане были высказаны по поводу словосочетаний, именуемых перфектом. Существует теория, которая утверждает грамматическое тождество этих форм с формами аориста. Остановимся на ней несколько подробнее.

§ 9. Статистические подсчеты, проводившиеся в литературе о старославянском глаголе, показывают, что формы времени, встречающиеся в старославянских памятниках, резко отличаются между собой по степени употребительности. Это касается, в частности, и форм прошедших времен. Нам уже приходилось говорить о том, что редкими являются формы аориста от глаголов несовершенного вида и формы имперфекта от глаголов совершенного вида, и о том, что именно эти данные послужили основанием для ложного заключения об аномальности этих форм времени от указанных глаголов.

Редко встречаются в старославянских памятниках также формы перфекта и плюсквамперфекта: число случаев употребления форм аориста округленно выражается в тысячах, число же случаев употребления форм перфекта и плюсквамперфекта — лишь в нескольких десятках. В связи с этим возникали сомнения в грамматической полноценности этих форм, сомнения в том, являются ли эти формы такими же самостоятельными грамматическими единицами, как имперфект и аорист, противопоставленность которых и по форме, и по содержанию для всех исследователей является очевидной. Так, некоторые ученые считают невозможным рассматривать старославянский перфект в качестве самостоятельного грамматического времени, усматривая в значении форм перфекта и аориста определенное тождество.

О совпадении значений форм перфекта и аориста писал еще А. Х. Востоков³⁵. О тождестве значений этих форм говорит в своей грамматике старославянского языка Я. Лось³⁶.

Имеются и специальные работы, посвященные этому вопросу. Назовем здесь заметку В. Погорелова об употреблении форм прошедшего сложного в тексте евангелия³⁷ и обстоятельную статью Ст. Слоньского³⁸, широко использовавшего данные об употреблении форм прошедших времен не только в старославянских памятниках, но и в более поздних текстах различных славянских языков. Эти работы совпадают по своим выводам.

Еще Ф. Миклошич указал, что греческие аорист и перфект, по форме представляющие собой флективные образования, обычно передаются в славянском переводе аористом, представляющим собой также флективные формы, и лишь в редких случаях формами сложного времени — славянским перфектом.

Подвергнув еще раз анализу случаи замены греческих форм прошедших времен славянскими формами перфекта, В. Погорелов усмотрел в преобладании в славянском переводе евангелия простых форм над сложными определенное стремление переводчиков следовать греческому оригиналу, в котором употребляются только простые формы. В случаях же перевода греческих форм прошедших времен славянскими формами перфекта он соответственно увидел отклонения от этого стремления следовать оригиналу, которые были вызваны, по его мнению, особыми причинами. В. Погорелов обратил внимание на то, что большинство случаев замены греческих форм прошедших времен славянскими формами перфекта падает на 2-е лицо единственного числа, и в этом увидел ключ к объяснению этих замен. Он писал: „Причина такого предпочтительного употребления формы прошедшего сложного (2-е л. ед. ч.) вместо формы аориста заключается, очевидно, в том, что форма 2-го л. ед. ч. аориста была в славянских языках тождественной с формой 3-го л. ед. ч.

³⁵ А. Х. Востоков. Указ. соч., стр. 109: „Время прошедшее простое... и прошедшее сложное... употребляются одно вместо другого и одно подле другого, без различия...“.

³⁶ J. Łoś. Gramatyka starosłowiańska. Lwów—Warszawa—Kraków, 1922, стр. 184.

³⁷ В. Погорелов. Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы. — „Sborník filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě“, ročn. III, číslo 32 (6), Bratislava, 1925, стр. 217—224.

³⁸ St. Słoniński. Tak zwane perfectum w językach słowiańskich. — PF, t. X, 1926, стр. 1—33.

аориста и потому употребление ее могло часто приводить к недоразумениям — она не являлась достаточно ясной³⁹.

Опираясь на статистический анализ употребления форм прошедших времен в славянских языках, Ст. Слоньский рисует широкую картину истории сложных форм прошедшего времени — славянского перфекта и плюсквамперфекта, однако все его основные построения выведены, главным образом, из наблюдений над употреблением форм перфекта, что, как увидим дальше, представляет собой одно из уязвимых мест его теории вообще.

Наблюдения Ст. Слоньского над старославянским материалом совпадают в основном с наблюдениями В. Погорелова. Ст. Слоньский приходит к выводу, что в громадном большинстве случаев никакой разницы в значении между формами аориста и перфекта установить невозможно. Он также отмечает неравномерность в употреблении отдельных личных форм перфекта в старославянских памятниках, в частности преобладание форм 2-го лица единственного числа, и объясняет это звуковым совпадением форм аориста 2-го и 3-го лица единственного числа⁴⁰.

Это обстоятельство и малая употребительность форм перфекта и плюсквамперфекта, по сравнению с „нормальными, наиболее часто употребляющимися“ формами аориста и имперфекта, привели его к выводу, что перфект и плюсквамперфект в период создания первых переводов были в македонско-солунском говоре „новообразованиями“, только что входившими в употребление, и потому не получили широкого доступа „в архаизованный язык переводов священного писания, сделанных учеными теологами“⁴¹. С этой идеей как будто бы согласуется и тот факт, что славянские формы перфекта и плюсквамперфекта по типу образования являются формами, неизвестными в индоевропейском праязыке⁴².

Наконец, это положение, по мнению Ст. Слоньского, подтверждается и всей дальнейшей историей форм перфекта в славянских языках: получая все более широкое распространение, сложная форма, наконец, вытесняет простые формы прошедших времен, как это произошло, например, в восточ-

³⁹ В. Погорелов. Указ. статья, стр. 221.

⁴⁰ St. Słoński. Указ. статья, стр. 20—21, 25—26. — Об идентичности значений форм аориста и перфекта, употребляемых в старославянских памятниках, Ст. Слоньский писал также позже, в своей „Грамматике старославянского языка“ („Gramatyka języka starosłowiańskiego (starobułgarskiego)“. Warszawa, 1950, стр. 116).

⁴¹ Там же, стр. 26.

⁴² W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, Bd. II. Göttingen, 1908, стр. 279.

нославянских или западнославянских языках, кроме серболужицких.

Вытеснение форм аориста и имперфекта формами перфекта в этих языках — факт очевидный, однако нет оснований считать, что формы перфекта возникли с самого начала для замены неразличавшихся форм аориста. Теоретически вполне допустимо такое положение, при котором первоначально различавшиеся по значению формы, в данном случае перфект и аорист, переставая различаться, вытесняют одна другую как избыточную. Именно так, с нашей точки зрения, и обстоит дело с формами прошедших времен в большинстве славянских языков, утративших формы простых прошедших времен.

Что касается возможности возникновения форм перфекта в связи с утратой „выразительности“ некоторыми формами аориста, то здесь возникают следующие сомнения.

Во-первых, „невыразительностью“ отличались в старославянском языке не только формы аориста, но и формы имперфекта, которые, однако, как отмечает и сам Ст. Слоньский, никогда не заменялись формами перфекта или какими-либо другими особыми формами⁴³.

Во-вторых, известно, что в современном болгарском языке, как и в старославянском, формы 2-го и 3-го лица ни у аориста, ни у имперфекта не различаются. Более того, у значительной части болгарских глаголов формы аориста и имперфекта, кроме именно форм 2-го и 3-го лица единственного числа, вообще совпали, например у глаголов так называемого нового III спряжения с основой на -а-. Однако, несмотря на это, в болгарском языке эти формы не были вытеснены формами перфекта, последние продолжают употребляться в своем особом значении.

В-третьих, малоупотребительность форм перфекта и плюсквамперфекта, как и отсутствие или преобладание каких-либо отдельных их форм, сами по себе не могут свидетельствовать о новизне этих времен. Следует заметить, что и в современном болгарском языке, до сих пор сохраняющем в употреблении формы простых и сложных времен и различающем эти формы, наиболее часто встречающимися формами являются так же, как и в старославянском, аорист и имперфект, перфект и плюсквамперфект встречаются относительно редко. А если учесть то обстоятельство, что в старославянском языке мы имеем дело с весьма однообразным по содержанию и тематике материалом, то редкость этих форм, как и отсутствие некоторых форм в старославянских памятниках, уже

⁴³ St. Słomski. Указ. статья, стр. 25.

не представляется аномалией, требующей особого объяснения⁴⁴.

В-четвертых, хотя способ образования форм перфекта и плюсквамперфекта действительно свидетельствует о том, что эти времена, по сравнению с праиндоевропейскими формами, являются в славянских языках новообразованиями, однако это не дает никаких оснований полагать, что эти формы вошли в употребление в славянских языках незадолго до появления славянской письменности: на основании только этих данных нельзя вообще судить о времени возникновения перфекта или плюсквамперфекта.

Оспаривая семантическое тождество перфекта и аориста в старославянском языке, обратим прежде всего внимание на то, что заключение Ст. Слоньского, как уже отметил А. Достал, „опирается преимущественно на материал Синайской псалтыри и *Euchologium Sinaiticum*“ и „для остальных текстов не является столь безусловным“⁴⁵. Кроме того, сам Ст. Слоньский, как, впрочем, и В. Погорелов, считает необходимым отметить особое значение форм перфекта не только в болгарском языке, но и для ряда случаев их употребления в старославянских памятниках.

Правда, Ст. Слоньский и В. Погорелов несколько расходятся в определении значения перфекта, но в данном случае это несущественно. Гораздо важнее то, что это особое значение перфекта Ст. Слоньский рассматривает как „вторичную функцию“⁴⁶ и ссылается при этом на факты современного польского языка, где формы прошедшего времени могут иметь такое же значение.

Сами факты польского языка не могут быть поставлены под сомнение, но ссылаться на эти факты при интерпретации значения форм перфекта в старославянском языке неправомерно, потому что формы прошедшего времени в польском, русском и других подобных им славянских языках хотя и

⁴⁴ О значении тематики и содержания старославянских текстов при объяснении неравномерности распространения в них форм перфекта см. у А. Достала: „То, что 2-е л. ед. ч. особенно распространено в Синайской псалтыри и *Euchologium*, в значительной мере обусловлено тематикой текста: там довольно часто идет речь о 2-м л. ед. ч. и вместе с тем часто является потребность выразить результативное действие“ (Указ. соч., стр. 606). „Если бы сохранились (и вообще были бы написаны) тексты другого тематического содержания, например такие произведения, которые приближались бы больше к разговорному старославянскому языку, то перфект в них был бы формой еще более распространенной, чем на это указывают эпические произведения духовного содержания. На основании Синайской псалтыри можем предполагать, что разговорная речь имела эти формы в большем количестве“ (Указ. соч., стр. 607).

⁴⁵ A. Dostál. Указ. соч., стр. 606.

⁴⁶ St. Słoiński. Указ. статья, стр. 27.

представляют по своему происхождению то же самое, что и старославянские формы перфекта, и вследствие этого частично или полностью совпадают с ним по форме, однако они резко различаются функционально.

Еще А. А. Потебня предупреждал, что в развитии форм перфекта следует различать два периода: первый — древний период, когда формы перфекта отличались по значению от других форм прошедших времен, в частности от аориста, и второй, более поздний, когда формы перфекта и аориста совпали в своем значении, в результате чего простые формы прошедших времен были вытеснены формами перфекта⁴⁷. Таким образом, для А. А. Потебни различие перфекта и аориста в славянских языках есть факт первичный, а их функциональное отождествление — факт вторичный.

Такое понимание соотношения форм прошедших времен в славянских языках дает возможность осмыслить процесс развития славянской временной системы в целом: от множественной системы времен к трехвременной системе.

Здесь предположение о том, что перфект вошел в употребление в связи с „невыразительностью“ некоторых форм аориста, объясняет лишь один момент в этом процессе, а именно — вытеснение форм аориста. При этом остаются совершенно необъясненными причины и пути утраты форм имперфекта и плюсквамперфекта.

Что касается болгарского языка, то хотя история форм времени в нем изучена еще недостаточно, однако общие тенденции развития временной системы болгарского языка очевидны: в пределах индикатива она развивалась в русле старославянской системы времен. Во всех грамматиках современного болгарского языка констатируется факт различения форм прошедших времен, в том числе и форм перфекта.

Более того, некоторые ученые определенно говорят о сходстве значений форм прошедших времен в болгарском языке и соответствующих форм в старославянских памятниках, на что имеются, с нашей точки зрения, все основания⁴⁸.

Вытеснение форм аориста формами перфекта не отмечается ни в современном болгарском языке, ни в болгарских памятниках других исторических эпох⁴⁹. Даже при самом бег-

⁴⁷ См. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 254, 257—258.

⁴⁸ См., например: К. Мирчев. Историческата граматика на българския език. София, 1953, стр. 123—124, 127.

⁴⁹ Известные сомнения в этом отношении были высказаны Ст. Слоньским: „Есть ли в современном разговорном болгарском языке тенденция заменять 2-е л. ед. ч. формами прошедшего сложного — не имею возможности констатировать...“ (Указ. статья, стр. 28).

лом сравнении болгарских памятников с русскими становится очевидным, что болгарский язык никогда не переживал того процесса утраты форм времени, который знаменовался постепенным нарастанием в русских памятниках форм перфекта и убыванием других форм прошедших времен. Нарастание форм перфекта наблюдается и в болгарских памятниках, но гораздо более позднего периода, и, что особенно важно, оно не сопровождается уменьшением употребления форм аориста или каких-либо других прошедших времен. Это нарастание форм перфекта не имеет там никакого отношения к формам времени болгарского индикатива и целиком связано с формированием в болгарском языке так называемых пересказывательных времен.

Таким образом, мы видим, что и при объяснении развития временной системы болгарского языка также нет никакой необходимости в предположении о первичной тождественности форм аориста и перфекта, наоборот, такое предположение воздвигает на пути исследователя только лишние преграды.

Из всего вышесказанного следует, что тезис о семантической тождественности форм аориста и перфекта в славянских языках эпохи создания первых славянских переводов церковных книг представляется недостаточно обоснованным и по существу ошибочным, а те случаи употребления перфекта в болгарском евангелии и в старославянских памятниках, в которых Ст. Слоньский и В. Погорелов увидели замену форм аориста, требуют иного истолкования.

§ 10. Считая возможным рассматривать все перечисленные выше словосочетания, кроме сочетаний *начати* (*взачати*) + инфинитив, в качестве особых грамматических форм времени, напомним ту аргументацию, которая приводилась в литературе в пользу такого понимания этих словосочетаний.

Основным критерием грамматического характера такого рода словосочетаний А. А. Потебня считал утрату глаголами *быти*, *хотѣти*, *имати* в этих словосочетаниях своего лексического значения⁵⁰. Он говорил об „идеальном“, „вспомогательном значении“ этих глаголов в тех случаях, когда словосочетания, в которые входят их формы, используются в древних славянских языках для выражения временных отношений.

Отсутствие значения „существования“ в формах времени глагола *быти*, входящих в состав перфекта, плюсквамперфекта и *futurum exactum*, не вызывает, как будто бы, ни у кого сомнений, поэтому мы не будем останавливаться на

⁵⁰ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 262.

этом вопросе. Менее ясными в этом отношении представляются словосочетания, в состав которых входят формы времени глаголов хотѣти, имати, начати (взачати). Одни исследователи, как А. А. Потебня, видят в них чисто временные формы, другие, как В. Н. Щепкин, расценивают их как „известного рода модальные формы“⁵¹, в которых глаголы хотѣти, имати, начати сохраняют свое вещественное значение.

Выяснение грамматического характера этих словосочетаний имеет принципиальное значение для решения вопроса о категории будущего времени в старославянском языке, поэтому остановимся на этом ниже несколько подробнее. Здесь же отметим еще один момент, который необходимо учитывать при выяснении грамматического характера этих словосочетаний. А. А. Потебня обращал внимание также и на то, что вспомогательные глаголы, входящие в состав сложных форм времени, утрачивают не только свое лексическое значение, но и свое первоначальное грамматическое значение времени. Анализируя формы плюсквамперфекта, в состав которых входят формы имперфекта глагола кѣти, А. А. Потебня заметил, что значение одновременности, которое связывается с этой формой имперфекта, в одних случаях употребления плюсквамперфекта „может быть безразлично, но в других — дает ложный смысл“⁵².

А. А. Потебня приводит следующий пример из Остромирова Евангелия: ... и видѣ дѣла ангела к кѣлахъ сѣдѣща... идеже кѣ лежало тѣло искусоуко (Ио. XX 12) и комментирует его так: „В то время, когда он увидал ангелов, тело уже там не лежало; оно только было в то время лежавшим прежде. Бѣ имеет одно только идеальное значение, над которым вещественность причастия берет перевес“⁵³.

То, что А. А. Потебня констатировал в отношении вспомогательного глагола в плюсквамперфекте, целиком можно отнести, как увидим ниже, и к другим словосочетаниям с глаголами кѣти, хотѣти, имати.

Формы времени этих глаголов также утрачивают свое лексическое и грамматическое значение, и, собственно, именно благодаря этому словосочетания, в состав которых входят эти глаголы, и могут выражать какие-то иные временные отношения, чем те, которые связываются с каждым из элементов данного словосочетания в отдельности.

⁵¹ В. Н. Щепкин. Конспект лекций по старославянскому языку (на правах рукописи). Лекции, читанные на Высших женских курсах, 1914—1915. М., стр. 104—105.

⁵² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 261.

⁵³ Там же.

Наконец, в качестве доказательства грамматического характера рассматриваемых здесь словосочетаний указывалось на то, что эти словосочетания хотя и представляют собой сочетание отдельных слов, тем не менее обладают единством смысла. Вот, что, например, писал А. Мейе о формах перфекта и плюсквамперфекта: „... несомненно, что сложные формы являются подлинными грамматическими формами, имеющими единство значения подобно отрицанию *ne... pas* во французском языке, так как причастие типа *нелъз* изолированно почти не встречается, и названные сочетания имеют единый смысл“⁵⁴.

Анализ функционирования словосочетаний с глаголами *бъти*, *хотѣти*, *имати*, утратившими свое лексическое значение, дается ниже, в соответствующих главах настоящей работы. Здесь укажем лишь, что основной вывод, к которому мы пришли в результате нашего анализа, сводится к тому, что эти словосочетания находятся в определенных системных отношениях с простыми формами времени, выступая при этом, действительно, как единое семантически неразложимое целое.

Таким образом, утрата вспомогательным глаголом лексического и первоначального грамматического значения времени, с одной стороны, а с другой стороны, единство смысла всего словосочетания — вот что указывалось в литературе в качестве достаточных оснований для зачисления данного словосочетания в состав временных форм.

Рассмотрим теперь, удовлетворяют ли этим требованиям словосочетания с глаголами *имати*, *хотѣти*, *начати*.

§ 11. Морфологическую недифференцированность будущего и настоящего времени в старославянском языке видят в том, что эти значения могут передаваться одними и теми же средствами. Так, форма настоящего времени от несовершенных глаголов употребляется здесь и для обозначения будущего времени. Ср., например:

Лк. V 30: и *рѣпѣтаахъ* книжници ихъ и фарисѣи. къ оученикомъ его глаголюще. по чѣто *сѣ* мзгари и грѣшникзи *ѣсте* и *пьете*;

Мф. XXVI 29: *глаголю* же вамъ. *ѣко* не *имамъ* пити иже *отъ* сего *плода* лознаго. до того *дане* егда *пью*. *сѣ* вами *новъ* въ *црѣстни* *отца* моего.

Значение настоящего и будущего времени может быть выражено и формами настоящего времени от глаголов совершенного вида. Например:

Лк. V 37—38: и никтоже не *взикаа*тъ вина *носа* въ *мѣху* *вечѣху*. аще ли же ни *проедѣ*тъ вино *новое* *мѣху*. и *то* *про-*

⁵⁴ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 212.

лѣтъ сѧ и мѣси погзиѣхъ. нѧ вино нокѧ кѧ мѣхъ новѧ кѧн-
вати. і окое събѣудѣтъ сѧ;

Мр. XVI 3: і гладохъ кѧ себѣ. кто отъвалитъ намѧ камена
отъ дварей грока.

Настоящее время выражается всегда только формами на-
стоящего времени, для выражения же будущего времени,
наряду с формами настоящего времени, в старославянских
памятниках употребляются и другие средства, а именно —
словосочетания форм настоящего времени от глагола имѣти
с инфинитивом другого глагола как несовершенного, так и
совершенного вида. Ср., например:

а) формы от глаголов несовершенного вида:

Мр. II 19—20: і рече имѧ исѧ. ... елико крѣма сѧ сокож имѧтъ
женихѧ. не имѧтъ постиги сѧ. придѧтъ же данѧ. егда отъиметъ
сѧ отъ нихъ женихъ. і тѧгда постѧтъ сѧ кѧ тѧ даннѧ;

Мф. XXVI 29: глѧже камѧ. ѣко не имамъ пити нже отъ
сего плода лознааго. до того данѧ егда пѧж сѧ камнѧ...;

б) формы от глаголов совершенного вида:

Ио. XI 56: і гладохъ же кѧ себѣ кѧ цркви стоѧште. что сѧ
мачитъ камѧ. ѣко не имѧтъ ли прити кѧ праздникѧ;

Ио. VII 41—42: ... дрѣвѧни гладохъ сѧ естѧ хъ. Ови
гладохъ еда отъ галилѧ хъ придетъ. не кѧнигѧ ли рѣша. ѣко
отъ сѧмене двѧ придетъ хъ.

В тех случаях, когда эти сочетания употребляются для
выражения будущего времени, форма имамъ имеет „чисто
вспомогательное значение“⁵⁵. Ср., например, следующие
примеры:

Мр. X 21: ... и рече емоу... аште хощѧши събрѧшенъ кѧти.
иди елико имѧши продаждѧ и даждѧ ништѧмъ. і имѣти имѧши
съкрокиште нѧсе;

Ио. XIX 10: ... власта имамъ пропати тѧ.

Таким образом, для выражения будущего времени имеется
особый способ, отличный от формы настоящего времени.
Правда, гораздо более распространенным является передача
значения будущего времени формой настоящего времени, но
об этом несколько позже. Сейчас важно узнать, что, несмо-
тря на свою редкость, сочетание имамъ + инфинитив является
в данном случае словосочетанием грамматического порядка,
или „морфологическим словосочетанием“, как называет такого
рода словосочетания М. И. Стеблин-Каменский⁵⁶.

⁵⁵ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 355.

⁵⁶ М. И. Стеблин-Каменский. Грамматика норвежского языка.
М., 1957, стр. 21, 111.

Что касается сочетаний формы настоящего времени глагола *хотѣти* с инфинитивом, которые называют обычно в числе способов выражения будущего времени в старославянском языке, то следует сказать, что вывод, к которому пришла В. В. Бородич, писавшая о том, что в древнейших славянских памятниках „нет ни одного примера, который представлял бы глагол *хощѣ* в качестве вспомогательного глагола для образования будущего времени“⁵⁷ справедлив лишь отчасти.

Сочетания *хощѣ* + инфинитив действительно не употребляются в древнейших славянских кодексах в качестве дублета сочетания *имамѣ* + инфинитив, т. е. в качестве формы, выражающей абсолютное будущее. Однако некоторые примеры позволяют думать, что глагол *хотѣти* мог выступать в старославянском языке, как и глагол *имѣти*, в качестве показателя будущего времени, но он употреблялся, в отличие от глагола *имѣти*, только для оформления относительных будущих времен: „будущего в настоящем“, складывавшегося из формы настоящего времени *хощѣ* и инфинитива, и „будущего в прошедшем“, представлявшего собой сочетание формы имперфекта глагола *хотѣти* с инфинитивом.

В тех случаях, где глагол *хотѣти* выступает в сочетании с инфинитивом в качестве показателя будущего относительного времени, он, как и глагол *имѣти*, не имеет уже ни своего лексического, ни грамматического значения настоящего времени. Ср. следующие примеры:

Ио. XII 21: ꙗко хощемъ ѿца видѣти;

Лк. XIX 11: мѣстахъ ꙗко аще хощетъ цѣрѣкѣе вѣсти сѧ;

Лк. XV 28: ... разгнѣка же сѧ и не хотѣаше вѣстити;

Мр. X 32: ꙗко поемъ ѿз пакы оубо на десѣте. начатъ имѣти. еже хотѣаше быти емоу.

Во втором и четвертом примерах мы имеем дело с такого же рода грамматикализированными сочетаниями, как и в случае с сочетаниями *имамѣ* + инфинитив, употребляющимися для обозначения будущих действий.

Указанные сочетания с глаголом *хотѣти* в древнейших славянских памятниках встречаются очень редко и потому обычно не называются в грамматиках старославянского языка, хотя об их существовании писал еще А. Х. Востоков, который называл „будущее в настоящем“ — „будущим наступа-

⁵⁷ В. В. Бородич. К истории форм настоящего времени глаголов совершенного вида в древнеболгарском языке. — „Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР“, т. III. М., 1951, стр. 382.

ющим⁵⁸, а „будущее в прошедшем“ — „прошедшим наступавшим“⁵⁹. Как увидим далее, обе названные формы времени занимают совершенно определенное место в системе противопоставлений временных форм старославянского глагола.

§ 12. Нам представляется совершенно ошибочным называть в числе средств, служащих для выражения будущего времени, сочетания форм настоящего времени от глаголов начать, начать с инфинитивом. Эти глаголы в старославянском языке так же, как и в современных славянских языках, всегда сохраняют свое лексическое значение, которое состоит в указании на начальный этап действия. И в этом отношении имеется как раз определенная преемственность между древними и современными славянскими языками, хотя А. А. Потебня и сомневался в этом⁶⁰. Ср., например:

Мр. XIV 72: і помѣнѣхъ петръ гдѣ ниже рече емоу и҃схъ... і начати плакати сѧ;

Мр. XIII 24—25: Нѣ къ тѣмъ дѣни по скръзѣи твоѣмъ сланице помрачѣи сѧ. і соуна не дастъ свѣта своего. і звѣзды начѣнутъ падати сѧ нисе.

Примеры из евангельских текстов на сочетания начать + инфинитив, в которых А. А. Потебня увидел формальный характер глагола начать, относятся к числу тех, которым в греческом оригинале соответствует не сочетание соответствующего греческого глагола *ἄρχομαι* с инфинитивом, что имеет место в других случаях, а просто форма будущего времени. Собственно только это несоответствие и дало повод А. А. Потебне для заключения о формальном характере глагола начать в этих примерах. Вместе с тем, как и в других случаях, этот глагол сохраняет здесь свое лексическое значение, а значение будущего времени им передается в той мере, в какой вообще в старославянском языке оно могло передаваться формами настоящего времени глаголов совершенного вида. См., например:

Мф. VI 24: никѣи же раба можетъ двѣма господама работати. ли ко единому вѣззенакидитъ. а другого вѣззѣнитъ. ли единого держитъ сѧ а о другому не родити начнетъ. не можете воу работати. и мамонѣ.

Обратим внимание на то, что здесь глагол *неродити* употребляется в ряду глаголов совершенного вида с приставкой

⁵⁸ См.: А. Х. Востоков. Грамматика церковно-словенского языка. СПб., 1863, стр. 92.

⁵⁹ Там же, стр. 91.

⁶⁰ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 362.

кѣз-, имеющей „начинательное значение“. Отсутствием соответствующего приставочного глагола вызвано использование при глаголе *нѣродити* глагола *начати*, который другим способом передавал это начинательное значение. Этим же объясняется, по нашему мнению, то несоответствие между греческим оригиналом и славянским переводом, которое А. А. Потебня отметил в других случаях (Мф. XVIII 17, Лк. XVI 13). Таким же образом следует объяснить, с нашей точки зрения, и пример из Саввиной книги, в котором В. В. Бородич видит доказательство того, что „писец Савва знал формы сложного будущего с глаголом *начанѣ* и умел их употреблять“:

Мф. XXIV 10 (стр. 29): и *самѣ* *са* *прѣдѣдѣ* *и* *нѣнѣидѣти* *са* *начанѣтъ*⁶¹.

То обстоятельство, что в соответствующем стихе других древнейших славянских кодексов находим на месте сочетания *нѣнѣидѣти са начанѣтъ* глагол *кѣзнѣнѣидити*, свидетельствует лишь о том, что в старославянском языке, как и в современных славянских языках, было два способа передачи „начинательного значения“ в глаголах: лексический и грамматический.

Во всех рассмотренных примерах глагол *начати* служит средством выражения значения будущего времени в той мере, в какой в старославянском языке вообще могли служить этому формы настоящего времени глаголов совершенного вида.

Напротив, сочетания с глаголами *имати* и *хотѣти*, как мы видели, утратили свое лексическое значение и выступают в качестве показателей будущего времени. Именно в силу этого словосочетания подобного рода не могут употребляться и действительно не употребляются для обозначения „настоящих“ действий.

В связи с вышесказанным весьма распространенная версия о существовании в старославянском языке описательного будущего, образуемого с помощью формы настоящего времени глагола *начати*, представляется нам не соответствующей действительности.

Таким образом, для выражения настоящего времени в старославянском языке есть только одно средство — форма настоящего времени, для выражения будущего абсолютного — форма настоящего времени и сочетание формы настоящего времени от глагола *имати* + инфинитив, которое можно рассматривать в качестве сложной грамматической формы времени, поскольку глагол *имати* в этих словосочетаниях утратил свое лексическое и грамматическое значение настоящего времени

⁶¹ В. В. Бородич. К истории форм настоящего времени глаголов совершенного вида в древнеболгарском языке, стр. 383.

и выступает в качестве грамматического показателя лица и будущего времени.

То обстоятельство, что в древнейших старославянских памятниках имеется особая форма для обозначения будущего времени, в частности сложная форма с глаголом *имамъ*, позволяет говорить, как нам представляется, о наличии категории будущего времени в славянских языках уже в древнейшую пору их письменной истории. Употребление рядом с этой формой формы настоящего времени нисколько не противоречит этому утверждению. Оно лишь свидетельствует о том, что выделение этой категории времени произошло сравнительно недавно, вследствие чего выражение ее формами настоящего времени встречается в силу традиции еще чаще, чем передача ее с помощью названных выше сложных форм.

Таким образом, здесь мы опять сталкиваемся с явлением дублетности, о котором нам приходилось уже говорить в связи с рассмотрением в старославянском языке оформления видовой противопоставленности глаголов по признаку совершенности—несовершенности. Употребление формы настоящего времени для обозначения и „настоящих“ и „будущих“ действий при наличии сложной формы будущего времени, пусть еще редко употребляемой, не может служить доказательством отсутствия морфологической дифференцированности настоящего и будущего времени. Оно лишь свидетельствует о том, что в корреляции „настоящее время—будущее время“ второй член, вследствие неунифицированности, имеет двойное внешнее выражение, что можно выразить следующей формулой:

пиж (наст. вр.) — *пиж/имамъ* *пити* (буд. вр.)

Если признать независимость перфекта и плюсквамперфекта от аориста не только в плане выражения, но и в плане содержания, для чего, как мы пытались выше показать, есть больше оснований, чем для утверждения обратного, и если также признать оформленность в старославянском языке таких времен, как будущее абсолютное, „будущее в прошедшем“ и „будущее в настоящем“, то можно констатировать известную закономерность в отношении использования вспомогательных глаголов при образовании форм времени в старославянском языке.

Так, для образования форм относительных времен используются два глагола: *бѣти* и *хотѣти*. При этом формы времени вспомогательных глаголов, утратив свое и лексическое, и грамматическое значения, выступают здесь в качестве показателей системы отсчета и в этом отношении являются

таким же неотъемлемым элементом, как суффикс *-tāχ-* в имперфекте⁶².

Возьмем глагол *кзгти*. Он входит в состав трех относительных времен: перфекта, плюсквамперфекта и *futurum exactum*, которые имеют в своем составе один общий элемент — причастие прошедшего времени на *-lъ*, что соответствует их известному тождеству и в плане семантики: все три времени указывают на отнесенность действий к прошедшему периоду. Но перфект выражает прошедшее по отношению к действиям, определяемым говорящим как „настоящее“; плюсквамперфект выражает действие, которое является прошедшим по отношению к другим прошедшим действиям; наконец, *futurum exactum* указывает на отнесенность действия к прошедшему периоду, являющемуся таковым по отношению к будущим действиям.

Различия в системе отсчета между этими временами и выражаются формами времени глагола *кзгти*, входящими в состав данных времен. В состав перфекта входит форма настоящего времени глагола *кзгти*, в состав плюсквамперфекта — форма имперфекта этого глагола, в состав *futurum exactum* — форма будущего времени.

То же можно констатировать и в отношении форм, образующихся с глаголом *хотгти*. С помощью форм времени этого глагола образуются такие относительные времена, которые указывают на отнесенность действия к будущему периоду. Но „будущее в прошедшем“, в состав которого входит форма имперфекта глагола *хотгти*, выражает отнесенность действия к будущему периоду относительно прошедших действий, а „будущее в настоящем“, в состав которого входит форма настоящего времени этого глагола, — отнесенность действия к такому будущему периоду, который является таковым по отношению к действиям, определяемым говорящим как „настоящие“.

В отличие от глагола *кзгти*, входящего в состав форм прошедших относительных времен, в глаголе *хотгти* совмещаются два грамматических значения: он выступает здесь и в каче-

⁶² См. у М. И. Стеблина-Каменского по поводу роли служебных слов: „Для всякого служебного слова характерно наличие одного или нескольких грамматических значений при отсутствии лексического значения. Поэтому служебное слово, в собственном смысле, не может быть самостоятельным элементом речи. По своему значению оно может быть лишь связующим звеном между самостоятельными элементами или, если оно относится только к одному самостоятельному элементу речи, его составной частью (разрядка наша. — И. Б.). В последнем случае служебное слово по своему значению может быть совершенно тождественно составной части знаменательного слова“ (М. И. Стеблин-Каменский. Грамматика норвежского языка. М. — Л., 1957, стр. 19).

стве показателя системы отсчета, и в качестве показателя отнесенности к будущему периоду, поскольку второй элемент, входящий в состав будущих относительных времен, является во временном отношении нейтральным. Отсюда понятно, почему для образования будущего абсолютного в старославянском языке используется уже другой глагол — *имамъ*.

В целом состав форм времени старославянского глагола представляется нам в следующем виде:

1. Формы абсолютных времен:

1. Прошедшее, представленное двумя вариантами: а) аорист сигматический, б) аорист асигматический.

2. Настоящее.

3. Будущее, представленное двумя вариантами: а) будущее простое, совпадающее по форме с настоящим; б) будущее сложное: *имамъ* + инфинитив.

II. Формы относительных времен:

1. Прошедшее:

перфект: *есмъ* + причастие на -*лъ*,
плюсквамперфект: *ѣхъ* + причастие на -*лъ*,
futurum exatum: *ѣхъ* + причастие на -*лъ*.

2. Настоящее: имперфект.

3. Будущее:

„будущее в настоящем“: *хощѣ* + инфинитив,

„будущее в прошедшем“: *хотѣхъ* + инфинитив.

3. О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЙ „АБСОЛЮТНЫЕ ВРЕМЕНА“ И „ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ВРЕМЕНА“ И О ПРАВОМЕРНОСТИ ИХ ПРИЛОЖЕНИЯ К ФАКТАМ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

§ 13. При анализе значений форм времени старославянского глагола исследователи обычно специально оговаривают случаи, где те или другие формы употребляются, с их точки зрения, для обозначения относительной хронологии действий. Так, общепризнанным, по сути дела, положением является возможность обозначения формами имперфекта прошедших действий, сопровождающих другие прошедшие действия, или возможность обозначения формами плюсквамперфекта прошедших действий, предшествующих другим прошедшим действиям. Эти факты отмечаются во всех грамматиках и специальных исследованиях по старославянскому языку. Некоторые исследователи, например П. С. Кузнецов, Ю. С. Маслов, счи-

тают возможным называть такие формы времени, как плюсквамперфект и *futurum exactum*, „относительными временами“, хотя, правда, с некоторыми оговорками, на которых мы остановимся ниже⁶³.

Эти факты признают и сторонники видовой интерпретации множественности времен старославянского глагола и их противники. Таким образом, спор начинается тогда, когда встает вопрос о том, являются ли указанные значения той основой, на которую опирается различение времен в старославянском языке.

Последовательные сторонники видовой интерпретации отказываются видеть в указанных значениях признак, существенный для форм времени старославянского глагола, и категорически заявляют: „В основе старославянских временных форм, несомненно, лежат видовые отношения. Не подлежит сомнению, что системы относительных времен в старославянском языке не было, как их нет и в болгарском языке (разрядка наша. — И. Б.). Если же в старославянских памятниках встречаются описательные формы, которые называют „перфектом“ и „плюсквамперфектом“, то в большинстве случаев они не выражают того, что понимают под этими словами, употребление их в евангельских кодексах эпизодично, они являются новообразованиями, развившимися позже в особую группу неопределенных времен на почве болгарского языка“⁶⁴.

Что же мешает признать этим исследователям относительное значение за такими формами времени, как имперфект, плюсквамперфект?

Обычно относительное значение этих форм времени ставится в связь с употреблением их в придаточном предложении. Так, например, П. С. Кузнецов пишет по поводу форм плюсквамперфекта и *futurum exactum* (по его терминологии, „давнопрошедшего“ и „преждебудущего“) следующее: „Оба эти времени были временами относительными, по терминологии Grasserie, т. е. такими, точка отсчета которых лежит в другом времени... Давнопрошедшее время употреблялось обычно в придаточном предложении для обозначения действия, предшествующего другому действию (разрядка наша. — И. Б.)“⁶⁵.

⁶³ См. П. С. Кузнецов. Указ. диссертация, стр. 21, 36, 38; Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 12—13.

⁶⁴ В. В. Бородич. К вопросу о значении аориста и имперфекта в старославянском языке, — сб. „Славянская филология“. М., Изд-во МГУ, 1951, стр. 24—25. См. также А. Мейе: „... славянский не имел средств для обозначения относительных времен...“ (A. Meillet. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*. Paris, 1902, стр. 85).

⁶⁵ П. С. Кузнецов. Указ. диссертация, стр. 21, 36—37.

Дальше констатации этих фактов обычно не идут, но уже простое сопоставление дает основание для заключения, что эти факты ставятся в известную связь. Некоторые же, например Б. Гавранек, определяют характер этой связи как причинную зависимость. То обстоятельство, что „имперфект чаще всего встречается в придаточном предложении“, Б. Гавранек объясняет именно тем, что „имперфект выражает факт или действие, сопровождающее другой факт или действие“⁶⁶.

Из признания такого рода обусловленности легко сделать заключение, что употребление данной формы вне придаточного предложения может служить признаком отсутствия у нее относительного значения, о чем пишет П. С. Кузнецов применительно к формам плюсквамперфекта: „... давнопрошедшее могло иметь не только относительное значение, но употреблялось и в самостоятельных предложениях для обозначения чего-то действительно давнего (разрядка наша. — И. Б.)“⁶⁷.

Однако такое заключение не отражает действительного положения. Укажем здесь хотя бы на такой факт. Ведь формы аориста, абсолютное значение которых никем не оспаривается, употребляются как в простых предложениях, так и в любой части сложного предложения: и в главном предложении, и в придаточном. Употребление форм аориста в придаточном предложении никак не отражается на их значении: они везде выступают как формы, указывающие на действия, время совершения которых определяется как прошедшее относительно времени акта высказывания, т. е. как формы „абсолютного времени“.

Выше мы уже говорили, что значение форм времени никак не отражается на их употреблении в том или ином типе предложения. Принципиально любая форма времени может быть употреблена и в простом самостоятельном предложении, и в любом придаточном. Относительное значение форм времени нельзя сводить к употреблению в придаточном предложении. Обозначение действия формой относительного или абсолютного времени определяется не конструкцией предложения, а тем, какое место данное действие занимает в высказывании в целом.

Исследователи старославянского глагола уже отмечали известную иерархию действий в повествовании. Так, В. Вондрак писал о неравноценности действий, обозначенных формами аориста и имперфекта. В его „Древнецерковнославянском синтаксисе“ читаем: „... имперфектум в рассказе наибо-

⁶⁶ В. Наврaнeк. Указ. статья, стр. 227.

⁶⁷ П. С. Кузнецов. Указ. диссертация, стр. 38.

лее приличествует второстепенным действиям (разрядка наша. — *И. Б.*), он рисует обычаи, нравы и т. п. (на вопрос: „что было?“); аорист, напротив, — для выражения действия главного (на вопрос: „что случилось?“)⁶⁸.

Говоря о функции причастия, В. Вондрак замечает, что „оно обыкновенно стоит в каком-либо отношении к главному действию“⁶⁹.

Важно отметить, что понятия „второстепенного“ и „главного“ действий В. Вондрак не ставит ни в какую связь с понятиями „самостоятельного“ и „несамостоятельного“, т. е. главного и придаточного, предложений.

Сходные мысли развивал А. А. Потебня в отношении аппозитивного употребления причастий в древнерусском языке, когда писал о двух возможных видах сказуемого: „первостепенного“, выраженного личной формой глагола, и „второстепенного“, выраженного причастной формой. А. А. Потебня подчеркивал, что имеется определенная связь, „зависимость“ между действием, выраженным „первостепенным“ сказуемым, и действием, выраженным „второстепенным“ сказуемым: „... в сказуемых второстепенных, зависимых, причастие само по себе есть именно средство обозначения их зависимости“⁷⁰.

Понятие „основной линии“ повествования использует в своей диссертации и Ю. С. Маслов.

Идея иерархии действий и существующей между ними определенной зависимости, будучи положена в основу объяснения противопоставлений форм времени, с неизбежностью приводит к заключению о существовании в языках с системой более трех времен двух рядов глагольных форм времени: форм „относительных времен“ и форм „абсолютных времен“.

Во всяком более или менее развернутом высказывании сообщается, помимо основной идеи, ряд других фактов, соотносенных с основной идеей. Факты, непосредственно выражающие эту идею, представляются как основные, главные, а вернее — „независимые“. Соотнесение их во времени с „актом коммуникации“, который, как правило, не является содержанием высказывания, а потому нейтрален по отношению к нему, дает возможность говорящему выразить идею независимого действия.

⁶⁸ В. Вондрак. Древнецерковнославянский синтаксис. Перевод Н. Петровского. Казань, 1915, стр. 5—6.

⁶⁹ Там же, стр. 31.

⁷⁰ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 220.

Факты, привлекаемые в связи с изложением основной идеи, соответственно квалифицируются как второстепенные; упоминание о них находится в зависимости от основной идеи. Эта зависимость во временном плане может быть выражена тем, что данный факт определяется во времени двояко: не только относительно исходной точки отсчета, в данном случае — „времени акта коммуникации“, но и относительно времени потока фактов, выражающих основную идею высказывания. Ср. в исторической хронологии датирование события не по общепринятому календарю, а относительно какой-либо важной, уже установленной даты (см. стр. 18).

Поскольку факты, выражающие основную идею высказывания, могут быть определены как относящиеся к периоду настоящего, прошедшего и будущего, постольку имеется соответствующее число возможностей для определения времени фактов второстепенных — действий „зависимых“. Так, например, „зависимые“ действия, упоминаемые в связи с действиями периода прошлого, могут относиться к тому же периоду прошлого, или же к такому периоду прошлого, который предшествовал этому периоду, или, наконец, к тому периоду прошлого, который следовал за ним.

Таким образом, имеются три возможности, с которыми мы столкнемся и тогда, когда будем рассматривать определение времени „зависимого“ действия относительно действий периода настоящего и периода будущего.

Отсюда становится очевидной принципиальная возможность языковых систем с количеством времен более трех тогда, когда формами времени выражаются не видо-временные, а чисто временные отношения действий. Другой вопрос: можно ли так объяснять множественность времен, констатируемую для древнейшего этапа развития славянских языков?

Нам представляется, что старославянская система времен может получить последовательное истолкование только в таком чисто временном аспекте, который, как мы видели, с неизбежностью предполагает необходимость признания категории „зависимых“ и „не-зависимых“ действий, что находит свое выражение в наличии двух рядов форм времени: форм „относительных времен“ и форм „абсолютных времен“.

Формы времени, обозначающие „зависимые“ действия, будем называть упрощенно, сохраняя старую терминологию, „относительными“ временами; соответственно формы времени, обозначающие „не-зависимые действия“, будем называть „абсолютными временами“.

Те многочисленные возможности временной характеристики действия, о которых мы говорили выше, далеко не всегда реализуются с помощью грамматических средств даже в таком

языке, которому вообще известно противопоставление действий по признаку „зависимости“ („связанности“).

В старославянском языке мы как раз сталкиваемся с таким случаем. Ему известны все три формы времени из возможных абсолютных: прошедшее, настоящее и будущее, но только шесть из девяти возможных относительных: имперфект, плюсквамперфект, перфект, *futurum exactum*, „будущее в прошедшем“, „будущее в настоящем“.

К „относительным“ временам примыкают и причастия как обозначающие тоже „зависимые“ действия, но вместе с тем они составляют особый, третий, ряд форм, находящийся в определенном отношении к первым двум, названным выше.

Формы „относительных“ и „абсолютных“ времен находятся в коррелятивных отношениях. При этом формы „относительных“ времен выступают в качестве отмеченного члена корреляции. Это значит, что они всегда указывают на наличие в действии, ими обозначенном, определенного признака. В качестве такового выступает, как мы видели выше, „связанность“, „зависимость“ действия.

Таким образом, формы „относительных“ времен всегда указывают на то, что действие, ими обозначенное, упоминается говорящими лишь в связи с какими-то еще действиями, т. е. всегда указывают на „связанное“, „зависимое“ действие.

Из этого следует, что формами „относительных“ времен не может быть обозначено „главное“ действие из основного плана, которое называется говорящим вне связи с каким-либо действием, а как самоцель.

Формы „абсолютных“ времен, выступая в качестве неотмеченного члена корреляции, сами по себе не указывают на признак „зависимости“, „связанности“, поэтому ими могут быть обозначены как действия „главные“, упоминаемые вне связи с другими действиями, так и действия „второстепенные“.

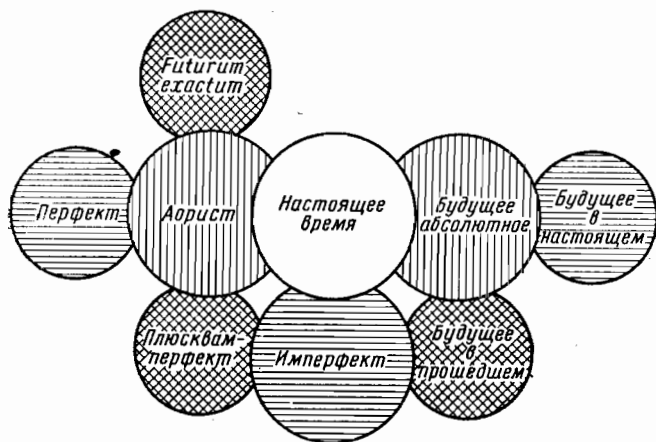
Заметим, что в выборе форм „относительного“ и „абсолютного времени“ говорящий оказывается строго регламентированным при обозначении „главного“ действия (он всегда будет вынужден обозначать его одной из форм абсолютных времен) и относительно свободен в выборе при обозначении „второстепенных“ действий: к обозначению „второстепенных“ действий формами „относительных“ времен он прибегнет лишь тогда, когда у него будет потребность акцентировать, выразить специально „зависимость“, „связанность“, „несамостоятельность“ каких-либо из второстепенных действий.

Но, раз предпочтя „абсолютным“ временам „относительные“, говорящий оказывается снова в рамках строгой регламентации при выборе того или иного относительного времени. В этом случае выбор формы времени будет определяться тем,

к какому периоду времени (относительно „времени акта коммуникации“) относит говорящий „главные“ действия „основного плана“ высказывания, в связи с которыми упоминается данное „второстепенное“ действие.

Представим себе, что это „второстепенное“ действие относится к периоду времени, предшествующему периоду времени совершения „главных“ действий высказывания. В системе времен старославянского глагола имеются три формы, с помощью которых можно обозначить такое действие: плюсквамперфект, перфект и *futurum exactum*. Если действия „основного плана“, с которыми ставится в связь данное второстепенное действие, говорящий относит к периоду прошлого, то он должен будет выбрать плюсквамперфект; если действия „основного плана“ относятся им к периоду настоящего, то он должен будет выбрать перфект; наконец, если действия „основного плана“ относятся им к периоду будущего, то — *futurum exactum*.

В тех случаях, когда характер временных отношений „второстепенного“ действия с „главными“ действиями в ходе изложения оказывается для говорящего несущественным, „второстепенное“ действие обозначается соответствующей формой абсолютного времени; в нашем примере его следовало бы обозначить формой аориста. В общем схема времен старославянского глагола представляется нам в следующем виде:

Примечание. Формы, обозначенные частично совпадающими кругами, находятся в коррелятивных отношениях, причем неотмеченный член корреляции обозначается кругом, находящимся сверху.

Дальнейшее изложение, посвященное рассмотрению конкретного материала, ведется в соответствии с этой схемой.

II

1. ПЕРФЕКТ

§ 14. В тех случаях, где смысл евангельского текста, в котором употребляется форма перфекта, достаточно ясен, особое значение перфекта, отличающее его от аориста, представляется очевидным. Таких примеров большинство; затруднения возникают лишь в отдельных случаях. Это и дает основание рассматривать перфект как особое время, „дополняющее состав старославянских *praeterita*“¹.

Имея в виду отличие перфекта от аориста, большинство исследователей говорит о результативном значении форм перфекта, вкладывая, однако, в это понятие не всегда одно и то же содержание.

Так, А. Мейе отмечает в значении форм перфекта только один момент. Комментируя примеры: *отроковица нѣтъ оумрѣла нъ спитъ* (Мр. V 39), *нѣтъ оумрѣла дѣвица нъ спитъ* (Лк. VIII 52), — он пишет, что формы перфекта „выражали состояние, явившееся следствием какого-либо совершившегося действия“².

На этом моменте в значении перфекта фиксирует внимание и П. С. Кузнецов, который пишет: „Перфект выражает действие, законченное в прошлом, результат которого продолжается в настоящем, или, точнее, состояние, являющееся результатом действия, законченного в прошлом; оно имеет отношение как к настоящему, так и к прошедшему...“³.

В тех случаях, где Ст. Слоньский считает возможным говорить о специальном оттенке значения форм перфекта

¹ A. Dostál. Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954, стр. 606.

² A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902, стр. 91. — Такое же определение перфекта дает А. Мейе и в книге „Общеславянский язык“ (М., 1951, стр. 212).

³ П. С. Кузнецов. Указ. диссертация, стр. 21.

в старославянском языке, он тоже определяет его как „длящееся состояние, явившееся результатом предшествовавшего действия“⁴.

Другие исследователи указывают на то, что результат действия может проявляться двояко: „или как состояние субъекта или также может сказываться на объекте, испытывающем воздействие субъекта“⁵.

Эти оттенки значения учитывает и А. Достал, когда определяет перфект „как форму, которой выражается результат деятельности или состояние, вытекающее из деятельности“⁶.

Ю. С. Маслов предложил для этих оттенков значения перфекта особые термины: он говорит об „акциональном“ и „статальном“ значениях форм болгарского перфекта⁷. Такое понимание форм перфекта, господствующее до настоящего времени в работах по старославянскому глаголу, неоднократно подвергалось критике разными исследователями с разных позиций.

Так, Ст. Слоньский писал о том, что результативное значение, как его понимают А. Мейе и другие ученые, невозможно усмотреть во всех случаях употребления форм перфекта в старославянском языке. Он считал, что „это — вторичная функция, вытекающая из значения самих глаголов“⁸. О справедливости этого заключения свидетельствуют, с одной стороны, возможные в старославянском языке формы перфекта от глаголов несовершенного вида, для которых заключение о результативном значении, действительно, представляется „неправдоподобным“⁹; с другой стороны, об этом также свидетельствуют формы аориста и других форм времени от определенных групп глаголов совершенного вида, которые тоже, как и формы перфекта от этих глаголов, имеют результативное значение¹⁰.

Но эти, в основе своей правильные наблюдения в работе Ст. Слоньского получили ошибочное истолкование: они были им использованы в качестве одного из аргументов в пользу тезиса о тождестве значений форм аориста и перфекта в старославянском языке; о неправомоности такого утвер-

⁴ St. Słowski. Указ. статья, стр. 27.

⁵ W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, Bd. II. Göttingen, 1908, стр. 279.

⁶ A. Dostál. Указ. соч., стр. 606.

⁷ Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 301.

⁸ St. Słowski. Указ. статья, стр. 27.

⁹ Там же.

¹⁰ Так, Ю. С. Маслов в диссертации пишет: „... совершенный аорист (как и другие совершенные формы) результативных глаголов обозначает действие, достигшее своего результата“ (стр. 319).

ждения мы уже говорили выше. Ст. Слоньский не придавал должного значения одному, с нашей точки зрения весьма существенному, моменту в значении форм перфекта, на который указывал еще А. А. Потебня, а именно — „значению двойственности времени“¹¹. „Как глагол, так и причастие, — писал А. А. Потебня по поводу древнеславянских форм перфекта, — вносят в мысль свой оттенок времени: глагол — значение настоящего, причастие — прошедшего“¹². Считая, что древнейшее значение перфекта следует выводить из его строения, А. А. Потебня определял это время как форму, в которой „первоначально изображалось событие прошедшее (прич.) по отношению к настоящему (глагол)“¹³.

Он решительно возражал „против латинского названия форм *сѣмѣ + -лѣ* — *perfectum*“, так как оно, по его словам, „не показывает отношения“ этих форм „к другим славянским сочетаниям и временам“¹⁴.

Известно, что латинское название „*perfectum*“ было дано славянскому сложному времени *сѣмѣ + -лѣ* Ф. Миклошичем не случайно. Он назвал эти формы так потому, что увидел в них то результативное значение, о котором мы говорили выше и которое обычно приписывается индоевропейцами праиндоевропейскому перфекту. Недаром некоторые составители грамматик старославянского языка считают возможным не давать развернутого определения значения этих форм и ограничиваются лишь присвоением им названия „перфект“¹⁵. Для них это название уже содержит в себе указание на результативное значение и поэтому не требует никаких дополнительных разъяснений. Отсюда становится понятным резкий протест против этого термина А. А. Потебни, который основное в значении этих форм связывал не с результативностью, как мы видели выше, а с двойкой временной характеристикой действий, ими обозначаемых.

Двойственность временной характеристики действий, обозначаемых формами перфекта, отмечают также некоторые из тех исследователей, которые считают результативное значение в этих формах основным. Указание на этот момент можно найти в работах П. С. Кузнецова, А. Достала, Ю. С. Маслова¹⁶.

¹¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 257.

¹² Там же, стр. 256.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 255.

¹⁵ См., например, С. М. Кульбакин. Древне-церковно-славянский язык. Харьков, 1917, стр. 163.

¹⁶ П. С. Кузнецов. Указ. диссертация, стр. 21; А. Dostál. Указ. соч., стр. 628; Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 12—13.

Остановимся более подробно на понимании значения перфекта в последней работе Ю. С. Маслова, поскольку он, в отличие от других авторов, дает достаточно развернутую аргументацию.

Ю. С. Маслов полагает, что для перфекта существенно результативное значение, которое он понимает как „актуальность последствий выраженного действия для более позднего временного плана“¹⁷.

„Ясно, что значение актуальности последствий, — пишет далее Ю. С. Маслов, — предполагает временную «двухплановость» интересующих нас форм (само действие лежит в одном плане, его последствия — в другом). Это в известной мере оправдывает трактовку рассматриваемых форм, по крайней мере плюсквамперфекта и будущего предварительного, как «относительных времен предшества» (включение перфекта в число «относительных времен» затрудняется тем, что здесь «посредствующий ориентационный момент» лежит в настоящем, т. е. практически совпадает с моментом речи)... Можно думать, что для перфекта существенна именно актуальность последствий, так как чисто хронологическое предшествование настоящему моменту ничуть не хуже выражают формы аориста или имперфекта (разрядка наша. — И. Б.)“¹⁸.

Употребление терминов „момент речи“ и „настоящий момент“ в литературе о славянском глаголе весьма неопределенно. Некоторые авторы, как и Ю. С. Маслов, употребляют их для обозначения одного и того же понятия, а именно — для обозначения того отрезка времени, который занимает акт коммуникации, или короче — для обозначения времени акта коммуникации. Иногда же термин „настоящий момент“ употребляется в особом смысле: уже не для обозначения самого времени акта коммуникации, а для обозначения времени действий, одновременных с актом коммуникации, что имеет, с нашей точки зрения, определенное основание.

Выше, во введении, мы уже говорили о том, что необходимо отличать понятие „времени действия“ от понятия „периода совершения действия“.

Имея это в виду, отметим, во-первых, что время действия, обозначенного формой настоящего времени, следует отличать от „настоящего момента“, т. е. от периода совершения этого действия, который совпадает с „моментом речи“ и именно потому так и называется; заметим, во-вторых, что

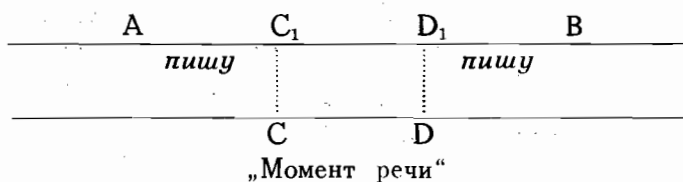
¹⁷ Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 12—13.

¹⁸ Там же, стр. 13.

совпадение с „моментом речи“ „настоящего момента“, а лучше „данного периода настоящего“, носит относительный характер; оно не всегда является полным и предполагает лишь обязательное частичное совпадение.

Убедиться в последнем можно, рассмотрев те случаи употребления форм настоящего времени, где ими обозначаются действия, фактически не совпадающие по времени с „моментом речи“. Так, например, при ответе на вопрос *что вы делаете?* — пишу книгу — легко себе представить такую ситуацию, когда отвечающий в момент произнесения фразы: пишу книгу писанием книги вовсе не занимается, скажем, в случае, если этот диалог происходит между знакомыми людьми, встретившимися на улице.

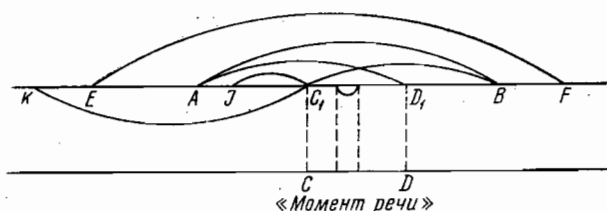
Совершенно очевидно, что период совершения действия пишу в таком случае будет гораздо шире „момента речи“. Графически данная временная ситуация может быть выражена следующим образом:

Отрезком C₁D₁ обозначается время, в течение которого действие пишу заведомо не совершается и которое равно „моменту речи“, т. е. отрезку CD. Отрезками же AC₁, D₁B обозначается время, в течение которого это действие могло совершаться. Более точное графическое изображение потребовало бы дальнейших уточнений, что для нас, однако, в данном случае не важно. Важнее сейчас констатировать следующее: действие определяется грамматически как действие, совершающееся в „настоящий момент“, только в силу того, что отрезки времени AC₁ и D₁B, в течение которых совершается фактически это действие, хотя сами и не совпадают с „моментом речи“, но в данной ситуации рассматриваются говорящими в качестве составных частей отрезка AB, включающего в себя, наряду с ними, и „момент речи“, т. е. являются частями „настоящего момента“. В противном случае это действие следовало бы обозначить или формой прошедшего времени, если бы речь шла о его совершении в отрезок времени AC₁, который предшествует „моменту речи“, или формой будущего времени, если бы речь шла о его осуществлении в отрезок времени D₁B, который следует после „момента речи“.

Таким образом, мы видим, что понятие „время акта коммуникации“ и понятие „период времени действий, одновременных акту коммуникации“, не тождественны и потому термины, их обозначающие, — „момент речи“ и „настоящий момент“ — также не следует смешивать: очень часто из-за терминологической путаницы (что имеет место и в данном случае) происходит смешение, неоправданное отождествление неотождествимых, по сути дела, понятий.

Мы рассмотрели лишь один из возможных случаев несовпадения этих понятий. В действительности они буквально неисчислимы, поскольку под понятие „настоящего момента“ может быть подведен любой отрезок времени, который будет так или иначе, частично или полностью, совпадать с „моментом речи“. Некоторые из возможных вариантов можно себе представить на основании следующего графического изображения:

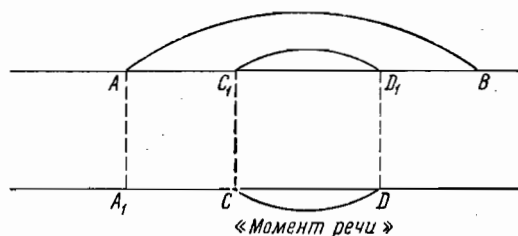

Отрезками C_1D_1 , AD_1 , C_1B , AB , EF здесь обозначены такие отрезки времени, которые, в отличие от отрезков KC_1 , JS_1 , включают в себя отрезок времени CD — „момент речи“, и только один из них, а именно отрезок C_1D_1 , равен ему.

В литературе нигде нет указаний на то, что формы перфекта могут употребляться только при формах настоящего времени, обозначающих такие действия, которые относятся к периоду времени, полностью совпадающему с „моментом речи“, да, видимо, и сам Ю. С. Маслов не предполагает этого. А если употребление перфекта возможно и при формах настоящего времени, обозначающих также действия, относимые к периодам времени, лишь частично совпадающим с „моментом речи“, то очевидно, что и для перфекта, как и для других „времен относительного предшествования“, ни о каком совпадении „ориентационного момента“ с „моментом речи“ говорить не приходится. Далее, из всего вышесказанного следует также, что далеко не всякое действие, совершившееся в период, предшествовавший „моменту речи“, может быть обозначено формой перфекта, поскольку „ориен-

тационный момент“, как мы видели, не всегда совпадает с „моментом речи“.

Рассмотрим один из таких случаев, графически представленный на следующем чертеже:

Отрезком АВ обозначается период времени, действия которого выражены презентными формами. Эти действия составляют основную линию сообщения.

Все действия, которые не вошли в эту основную линию, но совершились до отрезка времени CD, включая и действия отрезка времени A_1C , могли быть обозначены говорящим формами аориста как совершившиеся до „момента речи“. Но не все из этих действий могут быть обозначены формами перфекта, и не только потому, что не все из этих действий, естественно, будут такими, что последствия их станут актуальными для „настоящего момента“, а по чисто хронологическим причинам.

Так, совершенно очевидно, что действия, совершившиеся в отрезок времени A_1C , формами перфекта обозначены быть не могут, хотя они и совершились до „момента речи“, по той простой причине, что они не являются прошедшими по отношению к действиям отрезка времени АВ, поскольку отрезок времени A_1C ($=AC_1$) является составной частью отрезка времени АВ.

Таким образом, не всякое действие, прошедшее по отношению к „моменту речи“, является прошедшим и по отношению к действиям „настоящего момента“.

Лишь действия, совершившиеся до момента $A_1(=A)$, будут прошедшими и по отношению к акту коммуникации и по отношению к действиям „настоящего момента“, т. е. отрезка АВ.

Таким образом, формой перфекта может быть обозначено не всякое действие, предшествующее „моменту речи“, как полагает Ю. С. Маслов, но лишь такое, которое может быть охарактеризовано как „преднастоящее“, т. е. как такое, которое произошло и до „момента речи“, и до „настоящего момента“. Это свидетельствует о том, что затруднение, которое Ю. С. Маслову мешает отнести перфект к „относи-

тельными временам предшества", является, по сути дела, мнимым.

Выведенное выше условие для обозначения прошедшего действия формой перфекта хотя и является обязательным, но, видимо, не является достаточным, поскольку оно не препятствует, как мы выше говорили, обозначению „преднастоящего“ действия, как совершившегося до „момента речи“, и формой аориста.

Обратим внимание на то, что формы перфекта, как такие формы времени, которые обозначают действия, происходившие обязательно до „момента речи“, всегда могут быть заменены формами аориста. Однако обратная замена, как следует из вышесказанного, возможна далеко не всегда.

§ 15. Вследствие каких решающих обстоятельств говорящий при выборе формы времени между аористом и перфектом отдает предпочтение последнему?

Ю. С. Маслов считает, что таким решающим моментом является возникающая у говорящего необходимость отметить „актуальность последствий“ таких действий для „настоящего момента“.

Заменив термин „результативность“ термином „последствия“, Ю. С. Маслов значительно расширил число случаев употребления форм перфекта, которые могли бы быть подведены под такое объяснение, но остаются все-таки примеры, для которых такое объяснение является неудовлетворительным.

В них вообще невозможно увидеть сообщение о каких-либо последствиях действий, обозначенных формами перфекта, если только под термином „последствия“ не понимать ту логическую связь действий, которая всегда присутствует в связанном тексте, какими бы формами времени они ни были обозначены, в том числе и формами аориста.

Такие случаи приведены и в работе Ю. С. Маслова¹⁹, они имеются и среди примеров, взятых из древнейших старославянских кодексов. Так, ни один из примеров на формы перфекта несовершенного вида из Марииинского евангелия не дает повода для заключения о наличии каких-либо последствий действий, обозначенных формами перфекта. Например:

Лк. XIII 23, 26—28: онъ же рече къ нимъ.... тогда начнете гдѣти. ꙗко прѣдъ тоу же и пихомъ. и на распятыхъ нашихъ оучитъ еси и речетъ гдѣжъ вамъ. не ꙗко васъ отъ каждоу есте. отъсѣжите отъ мене ꙗко дѣлаете неправдѣ. тоу вѣдетъ плачъ и скръжетъ зѣбома;

¹⁹ Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 313—314.

Мф. XXV 24—26: пристѣпа же и приемы единъ талантъ рече ги. вѣдѣхъ та ꙗко жестока еси чакъ. жана идеже нѣси сѣлъ и сѣвраща идоуже не растоуа ꙗко оубоѣвъ са шедъ сѣкрѣхъ талантъ твои въ земли. се имашаи твое. отвѣштакъ же гъ его рече...;

Мф. XXIV 4... 20—21: и отвѣштакъ ие рече имъ... Молите же са да не бѣдетъ вѣстоко в ашезимѣ ни въ сокоутѣ. Бѣдетъ бо тогда скръба велиѣ. ꙗже нѣсть была от начала вѣсего мира до сѣлъ. ни иматъ вѣити...;

Лк. VI 1—4: Бзистъ же въ сокоутъ вѣгородъ прѣвѣжъ. ꙗко емоу сѣкоуѣ сѣаниѣ. и вѣстрѣздохъ оученици его класъ. и вѣдѣхъ истираѣште рѣкама. едини же отъ фарисѣи рѣша имъ. что творите егоче не достоитъ творити въ сокоутѣ. и отвѣштакъ иеъ рече къ нимъ. ни ли сего есте чѣли еже сѣтвори дѣдъ егда вѣзала са сама. и иже съ нимъ вѣдохъ како вѣиде... (см. также: Мр. II 25, Мф. XII 3, 5, Мр. XII 10, 26, Мф. XXII 31, Мф. XXI, 42, Мф. XIX 4).

Кроме того, есть такие примеры, которые, хотя в них и употребляются формы перфекта от результативных глаголов, не могут быть также интерпретированы с точки зрения „актуальности последствий“ действий, обозначенных этими формами. Например: Мр. VIII 1—4: Въ тѣ дни пакъ многоу сѣштоу народу. и не имѣштемъ чѣго вѣити. призавъ оученикъ своѣ иеъ. гдъ имъ. мѣлъ ми естъ народоса. ꙗко юже три дни пристѣдатъ манѣ. и не имѣтъ чѣго вѣити. и аште отъпоуцѣ ꙗ не вѣдѣша въ домъ своѣ ослѣвѣжѣ на пѣти. дроусни бо ихъ издалече сѣтъ пришѣли. и отвѣштакъ емоу оученици его. отъ кѣдоу сѣла мѣжетъ кѣто (сѣде) насѣтити хлѣвъ на поустѣни.

Совершенно очевидно, что в данном контексте оказывается существенным констатирование не того, что народ (дроусни) в настоящий момент присутствует, т. е. не результата действия (сѣтъ пришѣли), а тех обстоятельств, при которых совершалось это прошедшее действие, — то, что народ пришел издалека (издалече).

Мф. XXI 15—17: Видѣвъше же драхѣрен и книжаници чюдеса ꙗже сѣтвори. отрокъ зовѣща въ цркве. и глѣшѣа. Усѣнна сѣнови дѣвоу. негодоваша и рѣша емоу. сѣзѣшиши ли что сѣи глѣжѣа. ие же рече имъ. еи. нѣсте ли чѣли николѣже. ꙗко из оустъ мѣдѣнѣа и сѣсѣшѣхъ сѣвѣрѣшилъ еси хлѣвъ. и оставѣа ꙗ изиде вѣна из града...

Здесь также логическое ударение падает не на результат действия (сѣвѣрѣшилъ еси), а на то, каким способом было осуществлено это действие (из оустъ мѣдѣнѣа и сѣсѣшѣхъ).

Такое же смещение логического ударения (на обстоятельства действия) наблюдается и в следующих примерах:

Ио. IX 30, 32—34: отвѣшта чакъ и рече имъ. о семъ во
двѣно естъ. ꙗко взи не вѣсте отъ кждоу естъ... отъ вѣка нѣстъ
сзвѣдано. ꙗко кто отврззе очи слѣпоу рожденю. аште не ви отъ
бѣ взиавъ сз. не могаз ви творити ничежо. отвѣшташа и
рѣша емоу. вѣ грѣсѣхъ ты родилъ сѣ еси всѣ. і тѣи ли нзи
оучиши. і изгнаша и вѣнз;

Ио. III 2—3: сз приде къ немуу ноштитѣ. и рече емоу равваки
къма ꙗко отъ бѣ пришелъ еси оучителъ. никтоже во не мо
жетъ знамени снхъ творити. ꙗже тѣи твориши. аште не вѣ
детъ вѣ сз нимъ. отвѣща нсз и рече емоу...

Лк. XXIII 33... 35: і егда приде на мѣсто нарицаемое кра
нико. тоу пропаде и. і злодѣа... і стоѣахъ людие зараште.
подрѣжаахъ же и и вѣнзаша глѣже сз ними. нзи естъ сѣсѣлъ
да спетъ и сѣ. аште сѣ естъ хъ снъ вѣнз извранъ (см. также:
Мф. VIII 29, Лк. IV 34, Мр. I 28, Мр. X 6, Лк. XX 24,
Ио. XVI 30, Лк. XVI 25).

Есть все основания полагать, что для ситуации, описы-
ваемой в последнем примере, говорящему важно было кон-
статировать не столько то, что результаты действия имелись
налицо в момент, о котором здесь идет речь (для него это —
„настоящий момент“), сколько то, что данное действие когда-
то вообще имело положительный результат, как это следует
из предыдущего изложения. Это факт, в котором говорящий
хотя и недостаточно уверен, но понимает, что если он дей-
ствительно имел место, то он может иметь своим послед-
ствием то, что Христос спасает себя от смерти, как спасал
других. Таковы мотивы и повод упоминания факта нзи естъ
сзпѣлъ, результаты которого хотя и отсутствуют в „настоящий
момент“, но отношение которого к ситуации этого момента
совершенно очевидно. Естественно, что момент связи с си-
туацией настоящего периода обязательно присутствует в зна-
чении перфекта в том случае, когда формой перфекта обозна-
чаются действия, последствия которых действительно оказы-
ваются актуальными для этой ситуации. Например:

Мр. V 21—23, 35—36, 38—39, 41—42: і къ при мори
(имеется в виду Христос. — И. Б.). і се приде единъ отъ архи
суднагозъ... і видѣвъ і паде на ногоу его. і молѣше и мзного
гла. ꙗко дзшти моѣ на кончинѣ естъ. да пришедъ вѣзложи на
нѣ рѣцѣ. да спѣна вѣдетъ и оживетъ. і иде сз нимъ... і еште
глѣштелу емоу приде отъ архисуднаго глѣште. ꙗко дзшти
тѣоу сумарѣтъ что движеши оучителъ. нсз же бие сзвѣдъ.
слово глѣмое. гла архисуднагозѣ не вон сѣ. тѣкмо вѣроуи...
і приде въ домъ архисуднагозѣ. і видѣ мѣлѣж и плачущѣ сѣ.

і кричаща мно́го. і вше́дъ гла́ имъ. что́ мѣкше и плаче́тъ са. отрокови́ца нѣтъ оумръла́ изъ спитъ. . . і емъ за рѣжъ строкви́ж гла́ еи. . . дѣви́це тебѣ́ гла́жъ кзѣтани і деи́е кзѣта́ дѣвица́ и хожда́ше (см. также: Лк. VIII 52).

Этот пример стал хрестоматийным. Его приводят в качестве классического проявления результативного значения перфекта А. Мейе и другие исследователи.

В приведенном отрывке текста, как отмечает А. Мейе, одно и то же действие упоминается дважды: один раз оно обозначено аористом оумрътѣ, другой — перфектом нѣтъ оумръла. Заметим между прочим также, что и та, и другая форма употребляются в прямой речи: первый раз в речи слуги архисинагога, второй — в речи Христа.

А. Мейе пишет о том, что в первом случае при обозначении действия формой аориста рассматривается самый факт совершения действия (добавим от себя: факт совершения действия в прошлом, что существенно, поскольку констатация факта может быть осуществлена в отношении не только прошедших, но и настоящих и будущих событий), во втором — это действие рассматривается как „достигнутое состояние“.

С таким противопоставлением форм оумрътѣ и нѣтъ оумръла нельзя согласиться, потому что употребление как той, так и другой формы не исключает из конкретного содержания действия, ими обозначаемого, ни одного из моментов, указанных А. Мейе. В самом деле, ведь оттого, что во втором случае это действие обозначается не аористом, а перфектом, оно не перестает быть фактом прошлого, как не перестает оно быть „достигнутым состоянием“ оттого, что его в первом случае обозначили не перфектом, а аористом. Дело здесь все в том, что интересующее нас действие в первом случае находится в центре внимания говорящего и потому в качестве прошедшего главного несвязанного действия оно обозначается аористом, во втором же случае главным оказывается действие, обозначенное формой настоящего времени — спитъ, в связи с которым и упоминается интересующее нас действие, обозначенное здесь уже в качестве прошедшего преднастоящего действия не аористом, а перфектом. О побочном характере этого действия в данной ситуации косвенно свидетельствует возможность безболезненного для понимания смысла удаления формы нѣтъ оумръла из сообщения.

Напротив, удаление из сообщения формы аориста оумрътѣ, составляющей, наряду с формой движеши, основное содержание излагаемого во втором случае, оказывается невозможным.

В рассмотренном отрывке евангельского текста форму настоящего времени, в связи с действием которой упоми-

нается действие, обозначенное формой перфекта, находим в речи одного и того же действующего лица. См. еще: Ио. VIII 40, Мр. V 39, Лк. VIII 52, Лк. XXIV 29. Вполне возможны, однако, случаи, когда форма перфекта будет в речи одного лица, а форма настоящего времени — в речи другого лица. См., например, отрывки из евангельского текста: Мф. XXI 16, Лк. VI 3, Ио. XX 15.

В этих случаях для выяснения связанности действия, обозначенного перфектом, требуется выход за пределы одной реплики. Только в контексте окружающих реплик можно установить иерархию действий, обозначенных формами относительных и абсолютных времен.

§ 16. Заметим тут же, что характер действия, обозначенного формой настоящего времени, для употребления форм перфекта не имеет никакого значения. Они употребляются и в контексте так называемого конкретного настоящего, и в контексте так называемого обобщенного настоящего.

Во всех вышеприведенных текстах формами настоящего времени обозначались единичные проявления действия. Здесь приведем пример, единственный в евангельском тексте, на употребление формы перфекта в контексте форм настоящего времени, употребленных при описании типической ситуации; при этом формой перфекта также обозначается типическое действие:

Мф. XII 24—28: ...*И ариисе же слышавше рече. се не изгонитъ вѣсъ. тѣмко о вѣлѣхъ колѣхъ казаси вѣсъ. Вѣдѣи же мѣсли ихъ рече имъ. вѣсъко цѣлѣрѣтко раздѣлѣ се на се. запоустѣетъ і вѣсъко грядъ ли домъ раздѣлѣ се на се не станетъ. і аще сегона сегона изгонитъ. на се раздѣланъ се есть како оубо станетъ цѣлѣне его. і аще азъ о вѣлѣхъ колѣхъ изгонѣ вѣсъ. елике каши о комъ изгонѣтъ. сего радн ти кама вѣдѣтъ еднѣ. аще ли о доуѣхъ вѣжи. азъ изгонѣ вѣсъ.*

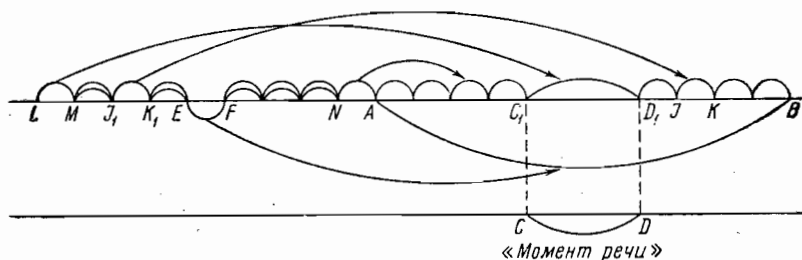
§ 17. Связь с „настоящим моментом“ не предполагает, однако, обязательного употребления перфекта в контексте с формами настоящего времени, как не обязательно употребление имперфекта в контексте с аористом (о чем см. в настоящей работе, стр. 123).

Мотивированность употребления формы перфекта можно выяснить, учтя не только содержание диалога в целом, но и описание в авторской речи тех обстоятельств, при которых совершался диалог, поскольку события, описываемые евангелистом как прошедшие, для участников этих событий являются совершающимися в настоящий момент. Например:

Мф. XXVI 47—48: *і еште глѣштитъ емоу. се юда еднѣ отъ окомъ на десѣте приде. і се нимъ народъ мнѣгъ... прѣдѣви же*

и дастъ имъ знаменіе гла. егже аште лобажж тѣ естѣ имѣте и. а бѣе прѣтѣпа къ нѣки рече емоу радуи са рабаки. а овасѣзѣа и. коуеъ же рече емоу. а роуже на неже еси пришеаъ. тагда прѣтѣпаше възасжиша рѣцѣ на нѣа и бѣа и (см. также примеры Ио. III 2, Лк. XXIII 35, приведенные выше, и Лк. II 31).

Таким образом, с нашей точки зрения, основным, определяющим моментом для говорящих при выборе форм перфекта, а не форм аориста будет стремление специально отметить, что данное прошедшее действие упоминается в связи с ситуацией данного периода настоящего или с его отдельными действиями, что графически можно выразить так:

Здесь отрезком АВ обозначается время действий основного плана повествования, которые определяются говорящим как относящиеся к „настоящему периоду“. В пределах отрезка АВ дужками обозначается время отдельных действий, которые говорящий обозначает формами настоящего времени. За пределами отрезка АВ двумя дужками обозначается время отдельных прошедших действий, которые передаются говорящим формами аориста, а одной дужкой — действия, которые он обозначает формами перфекта как сопрягающиеся, соотносимые с действиями настоящего периода. Соотнесенность их с этими действиями обозначена стрелками. Так, действие отрезка времени ЕF соотносится с ситуацией в целом, действие же отрезка времени J₁K₁ — с действием отрезка времени JK, а действие отрезка времени LM — с действием отрезка времени C₁D₁.

При этом время совершения действия, выраженное перфектом, может как непосредственно предшествовать периоду настоящего (на нашем чертеже действие, обозначенное дужкой NA), так и быть отделенным от него любым промежуток времени (действия, обозначенные дужками EF, J₁K₁, LM). См., например, следующие отрывки текста:

Лк. VII 40—44: ... отъѣхавъ же нѣа рече къ нему. си-
моне имамъ ти нѣчто рѣшѣти. онъ же отъѣхавъ рече сущи-

тєсѣмъ оуци. дѣла дѣлжаника вѣстє зачмодавѣцюу етерюу. единѣзъ вѣ
дѣлжѣнѣзъ патѣжъ сотѣ динѣра. а друугѣзѣ патѣжъ десѣтѣ. не имѣ-
ѣма же имѣ вѣздѣти оуѣма имѣ оуѣдѣ. которѣзѣ оуко еѣ пачѣ
вѣзѣмѣнѣтѣ-и. оуѣвѣштѣгѣвѣ же симонѣзъ рече. непѣштѣжъ тѣко еѣмоу же
вѣштѣ оуѣдѣ. онѣзъ же рече еѣмоу. правѣ сѣдѣнѣ еси. і оураштѣ
сѣ кѣ жѣнѣ рече симонюу...;

Мф. XXV 14—15, 19—21: Тѣкоже бо чѣлѣкѣ оуѣхода призѣва
сѣсѣа рѣвѣзѣ. і поѣдѣстѣ имѣ имѣнѣе сѣсѣе. і оукомоу же дѣстѣ патѣ
тѣла іѣтѣ. оукомоу же дѣла... по манозѣхѣзъ же вѣрѣменѣхѣзъ приде
гѣ рѣвѣзѣ тѣхѣзъ. і сѣтѣгазѣ сѣ сѣ нимѣ о словесѣ. і прѣстѣжа прѣимѣзѣ.
а тѣлачѣтѣзъ прѣнесѣ друугѣжѣ а тѣлачѣтѣзъ гѣла. гѣ патѣ тѣлачѣтѣзъ
ми еси прѣдѣлѣ. сѣ друугѣжѣ а тѣлачѣтѣзъ прѣверѣтѣзъ ими...

Только в результате прямого указания на установление
такой соотношенности действий J, K₁, EF, LM с настоящим
периодом, что и делает говорящий, употребляя форму пер-
фекта, эти действия могут быть охарактеризованы как „пред-
настоящие“.

Таким образом, формы перфекта в старославянском языке,
как и в болгарском, противопоставляются формам аориста
как формы времени, содержащие в себе указание на свя-
занность прошедшего действия с ситуацией данного периода
настоящего или его отдельных действий. Как и все прочие
относительные формы прошедшего времени, перфект высту-
пает в противопоставлении с аористом в качестве маркиро-
ванного члена, прямо, непосредственно указывающего на
признак связанности действия, но, в отличие от имперфекта,
плюсquamперфекта и „будущего в прошедшем“, он указывает
на связанность прошедшего действия не с ситуацией данного
периода прошлого, а с ситуацией „настоящего периода“ или
„настоящего момента“.

Характер этой связи столь разнообразен и индивидуален,
что заранее учесть все возможные поводы для употребления
форм перфекта, как вообще форм относительного времени,
нельзя. „Результативное значение“, которое обычно считают
основным значением форм перфекта,— это только один из воз-
можных случаев такой связи прошедшего действия с настоя-
щим, правда, довольно широко распространенный. Но какова
бы ни была по своим конкретным фактам ситуация, излагае-
мая говорящим, формой перфекта он обозначит только те
действия, которые потребуют прямого указания на связан-
ность с настоящим моментом.

Таким образом, „результативное значение“ перфекта —
это только одно из его комбинаторных значений, обуслов-
ленных прежде всего видовым значением глагольной
основы. Значение „актуальности последствий действия“ тоже

нельзя рассматривать, по нашему мнению, в качестве основного значения перфекта. Это также комбинаторное значение, которое, в отличие от „результативного значения“, может появляться в формах перфекта любого вида — и совершенного, и несовершенного, но далеко не во всех контекстах, где вообще возможен перфект.

§ 18. В евангельском тексте формы перфекта употребляются в прямой речи, и только один раз форма перфекта встречается в авторской речи. Это вполне естественно, поскольку жизнеописание Христа как относящееся к прошлому излагается евангелистами в формах прошедшего времени. Необходимость в употреблении перфекта могла возникать лишь при непосредственной передаче речи действующих лиц этого жизнеописания; в речи же автора подобная ситуация могла возникнуть лишь в результате отступления от основного повествования, что мы и видим в следующем отрывке текста, которым начинается евангелие Луки и в котором он объясняет, что заставило его обратиться к жизнеописанию Христа:

Лк. I 1—5: *Понеже сую мнози начаха чинити повѣста о извѣстоуванїхъ къ насъ вѣштєхъ. ꙗкоже прѣдаша намъ кѣзѣшени иконы самовидци і сѣсугѣи словесє. изволи сѧ и мѧнѣ хощѧшю иє прѣва по вѣстѣхъ. къ истинѣ по радѣ писати тебеѣ. славныи теофиле. да разсумѣши о нихъже научилъ сѧ еси словесєхъ сугверждение бысть къ дѧни ирода цѣсѣрт...*

Употребление перфекта в приведенном отрывке уместно и ничем не отличается от условий употребления его в прямой речи. Им обозначается действие явно побочное. Упоминается оно в связи с началом составления евангелистом Лукой жизнеописания Христа в момент, когда процесс написания для Луки был еще не прошедшей, а настоящей действительностью. Отсюда вполне оправданное употребление формы перфекта, а не плюсквамперфекта. Что касается употребления перфекта в прямой речи, то оно достаточно полно иллюстрируется примерами, приведенными в предыдущем параграфе. Такое исключительное употребление перфекта в прямой речи истолковывалось в литературе по-разному: одни выводили из этого несвойственность перфекта повествованию, другие видели в этом влияние устной речи на книжную.

Что касается первой версии, то следует заметить, во-первых, что перфект не свойствен лишь повествованию о прошедших событиях, основные действия которых излагаются говорящим в формах аориста; во-вторых, что в болгарском языке, которому известно историческое настоящее, перфект — закономерное явление и в повествовании о прошедших событиях, при этом не только в прямой речи, но и в речи автора.

В старославянском евангельском тексте повествование о главных действиях прошедших событий ведется исключительно в формах аориста. Этим и объясняется то обстоятельство, что формы перфекта здесь появляются или в авторских отступлениях, или в прямой речи, где события изображаются уже не с точки зрения автора — евангелиста, а с точки зрения действующего лица. Действия, обозначаемые в авторской речи формами аориста, естественно, представляются действующим лицам жизнеописания Христа не прошедшими, а настоящими, поэтому в прямой речи они обозначаются формами настоящего времени, например, в тексте Лк. VI 3, приведенном выше, в повествовании евангелиста употребляются формы *взыгъ* (см. стр. 70), *взыгъзъахъ*, *ѣдѣхъ*, *рѣша*, а в речи фарисеев формы *ткорите*, *достигъ* *ткорити* (см. также: Мф. XXV 20—22).

Точно так же ситуация, описываемая автором в качестве предполагаемой в формах будущего времени, для действующих лиц ситуации является „настоящей“, что также ведет к появлению форм настоящего времени в прямой речи. Это можно наблюдать в евангельском тексте Лк. XIII 26, где в качестве автора повествования выступает уже не евангелист, в сам Иисус Христос (см. стр. 69).

То же наблюдается и в косвенной речи (примеры см. в разделе о формах настоящего времени, стр. 146—159). Соответственно формы перфекта также можно встретить и в косвенной речи, и в придаточных дополнительных предложениях — при главных с глаголами „идеальной деятельности“ в качестве сказуемого. Например:

Ио. VII 31: *отъ народа же мѣноши кѣроаша ко нѣ. ꙗко глахъ ꙗко хъ егда придетъ. еда колыша знаменитъ сътворитъ. ꙗже съестъ сътворитъ.*

Таким образом, перфект возможен там, где возможно употребление форм настоящего времени, независимо от того, в какую форму будет облечено данное сообщение — диалогическую или повествовательную.

Наконец, в-третьих, на основании факта преимущественного употребления перфекта в прямой речи вообще нельзя делать вывода о несвойственности этой формы повествованию, потому что и в прямой речи возможно повествование. Известно, например, что в поучениях Христа широко используются в качестве иллюстративного материала всякого рода притчи, которые представляют собой не что иное, как повествование в прямой речи.

§ 19. Были, как мы уже говорили, попытки осмыслить факт почти исключительного употребления перфекта в пря-

мой речи с точки зрения взаимоотношений письменной и устной речи.

Так, некоторые исследователи рассматривали перфект как форму прошедшего времени, более свойственную разговорной речи. Однако об этом можно говорить с полным основанием лишь для более позднего периода развития славянских языков, и то только тех, в которых наблюдается замена старой системы времен новой трехвременной системой. В языках же старославянском и болгарском, где формы аориста и перфекта последовательно различаются, такого противопоставления форм перфекта формам аориста нет.

Дело в том, что аорист встречается в прямой речи несколько не реже форм перфекта, даже значительно чаще, причем и в повествовании, и в так называемых отдельных высказываниях. В этом можно легко убедиться, просмотрев с этой точки зрения любую из притч, приводимых евангелистами в изложении Христа. Закономерности употребления перфекта и для повествования евангелиста и для сообщения Христа, которое представляет собой прямую речь, одни и те же: там, где нужно обозначить прошедшее действие, связанное с настоящим моментом, употребляется перфект, так что авторскую речь, с этой точки зрения, можно рассматривать как своего рода прямую речь, не предусматривающую непосредственного немедленного ответа.

2. ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ

§ 20. Обычно, характеризуя значение форм плюсквамперфекта, говорят о том, что они указывают на предшествование одного прошедшего действия другому прошедшему действию²⁰.

Эта формулировка требует уточнения. Как мы уже неоднократно говорили, личные формы времен вообще не выражают хронологических отношений между отдельными действиями. Формы плюсквамперфекта, как и все прочие личные формы прошедших времен, указывают лишь на отнесенность действия к определенному периоду времени прошлого. И только.

О предшествовании действия, выраженного формой плюсквамперфекта, действию, выраженному формой аориста, можно судить лишь постольку, поскольку первое относится к периоду времени, предшествовавшему периоду совершения второго. В этом отношении все формы времен относительного предшествования, в том числе и формы плюсквамперфекта, принципи-

²⁰ См., например: W. Vondrák. *Vergleichende slavische Grammatik*, Bd. II. Göttingen, 1908, стр. 279; П. С. Кузнецов. Указ. диссертация, стр. 21; St. Słowski. *Gramatyka języka starosłowiańskiego (starobułgarskiego)*. Warszawa, 1950, стр. 116.

ально отличаются от причастий прошедшего времени, которые являются прямым грамматическим средством указания на хронологические отношения действия, ими обозначенного, к действию, обозначенному одной из личных форм времени, с которой данное причастие оказывается грамматически связанным.

Формы плюсквамперфекта обычно сравнивают с формами перфекта и находят между ними известное сходство. Плюсквамперфект часто называют „перфектом, перенесенным в прошлое“²¹.

В значении этих времен, действительно, имеется нечто общее: они являются временами „относительного предшествования“. Однако имеется и существенное различие. Они указывают на относительное предшествование в различных системах отсчета времени. Так, если перфект указывает на отнесенность действия, им обозначенного, к периоду времени, предшествующему данному периоду настоящего, то плюсквамперфект указывает на отнесенность действия к периоду времени, предшествующему данному периоду прошлого, т. е. характеризует действие как предпрошедшее в то время как перфект определяет действие как преднастоящее. Например:

Ио. VII 14—15, 30—32: А́бне же кѣ прѣполовѣниѣ праздни́ка. ка́зидѣ ис кѣ цр҃кѣ и оуча́ше и дивѣахѣ сѧ иудеи глаголю́щѣ... Иска́хѣ же ба́ти и. ꙗ́ никѣже не кѣзасѣи рѣкѣи на нѧ. ꙗ́ко не оу вѣ́ прише́лѣ годѣ его. ꙗ́ко отѣ наро́да же мѧнози вѣ́рова́ша ко нѧ. ꙗ́ глаахѣ. ꙗ́ко хѣ́ егда́ придетѣ. е́да бо́лѣша знаменѣ́ сътворѣ́тъ. ꙗ́же сѧ е́сть сътворѣ́тъ слы́шашѧ же фари́сѣи наро́да рѣпа́цихѣ́тъ о́ немѧ се. ꙗ́ по́слѧша архіе́рен и фари́сен сло́угѣи да имѣ́тъ ꙗ́ (см. также: Ио. XX 12).

В этом отрывке текста, представляющем собой определенное единство в смысловом отношении, представлены четыре из пяти возможных в старославянском языке прошедших времен. Действия, составляющие стержень эпизода, обозначаются здесь формами аориста: ... ка́зидѣ ис кѣ цр҃кѣ... ꙗ́ никѣже не кѣзасѣи рѣкѣи на нѧ... слы́шашѧ же фари́сѣи наро́да рѣпа́цихѣ́тъ о́ немѧ се ꙗ́ по́слѧша архіе́рен и фари́сен сло́угѣи да имѣ́тъ ꙗ́. Формами же имперфекта, плюсквамперфекта и перфекта обозначаются действия, выступающие в данном высказывании в качестве второстепенных фактов, раскрывающих дополнительно содержание излагаемого эпизода.

Заметим, что формами имперфекта здесь обозначаются такие второстепенные действия, которые происходили в тот же период времени, что и главные события, формами же перфекта и плюсквамперфекта — такие второстепенные действия,

²¹ W. Vondrák. Указ. соч., стр. 279. См. также: А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 213.

которые предшествовали этим событиям. Употребление в одном случае формы плюсквамперфекта, а в другом — формы перфекта для таких действий обусловлено сменой авторского лица: в первом случае речь ведется от лица евангелиста, во втором — от лица действующих лиц евангельской истории.

Сообщение этих дополнительных фактов, естественно, задерживает изложение основных событий, но зато делает их изложение более картинным, наглядным.

Таким образом, „живописующую“ роль в высказывании исполняет не только форма имперфекта, как это нередко отмечается в литературе, но и другие формы относительных времен, в частности формы перфекта и плюсквамперфекта. Эта роль определяется основным грамматическим значением относительных времен, а именно — тем, что они служат грамматическим средством указания на второстепенность действий, ими обозначенных, на то, что эти действия упоминаются лишь в связи с основными действиями данного сообщения.

В приведенном примере форма плюсквамперфекта *кѣ пришездѣ* употребляется в изложении, ведущемся от автора, форма перфекта — в косвенной речи.

Хотя такое употребление форм плюсквамперфекта является наиболее распространенным, тем не менее оно не исключает употребления этих форм и в прямой речи, что видно из следующего примера, представляющего собой отрывок из притчи о блудном сыне:

Лк. XV 22—24: ...рече же отъцѣ къ ракомѣ своимѣ. извѣстѣте одеждѣ прѣхѣхъ ...! привѣдѣше телецѣ оупитѣны заколите. и ѣдѣше да веселимѣ сѣ. ꙗко снѣ мой сѣ мрѣтъкѣ бѣ и оживе. изгнѣмѣ бѣ и обрѣте сѣ. и начасѣ веселити сѣ... (см. также: Лк. XV 32).

Значение форм плюсквамперфекта в прямой речи ничем не отличается от значения этих же форм, употребленных в авторской речи.

В только что приведенном примере формой плюсквамперфекта обозначается также действие периферийное, которое упоминается в связи с основными действиями высказывания, обозначенными аористом. Так, например, несомненно, что в центре внимания говорящего — отца — факт возвращения блудного сына, а не его бегства — отсюда форма аориста *окрѣте сѣ*; факт же его ухода из дому, расцениваемый отцом как его гибель, упоминается лишь в связи с главным событием и как относящийся к периоду, предшествующему времени этого главного события, обозначается не имперфектом, а плюсквамперфектом, — отсюда форма *изгнѣмѣ бѣ*.

Что касается значения актуальности последствий действия, то здесь мы имеем дело как раз с тем случаем, когда этого

значения в приведенной форме, несмотря на то, что она образована от результативного глагола, усмотреть невозможно, как невозможно усмотреть его и в нижеприводимых формах плюсквамперфекта, образованных от глаголов несовершенного вида. Например:

Ио. XX 10—13: идете же пакы кз сѣкѣ оученика. Марѣ же стоише оу гроба ванѣ плачущи са. ꙗко же плакааше са. причине кз гробѣ. и видѣ дѣва анѣла кз вѣлахѣ сѣдашгѣ. единого оу главы и единого оу ногоу. идеже вѣ лежало тѣло иско. и гласше еи она...;

Ио. IX 1, 6—12: и мимо иды иѣ видѣ ꙗка слѣпа. отъ рождастка... си рекъ планиж на землиж. и сѣтвори (п)крение отъ плино-вения. и помаза емоу очи врызнемѣ. и рече емоу иди сумзи са кз коупѣли силосумамѣ. еже сѣказаатъ са посланѣ. идеже и сумзи са и приде вида. сѣсѣди же и ниже и вѣлахъ видѣли прѣжде ꙗко слѣпа вѣ. гладохъ не са ли естѣ сѣдан и прога. ови гладохъ ꙗко са естѣ. онъ же глааше ꙗко азъ есмѣ. гладохъ же емоу. како ти са открьете очи. отъвѣшгѣ онъ и рече. члвкъ нарицаемъ иѣ. кра-нае сѣтвори. и помаза очи мои и рече ми. иди кз кжпѣлѣ силосумамѣ и сумзи са. шедъ же и сумзѣвъ са прозрѣхъ. рѣша же емоу кѣде тѣ естѣ. гла не вѣмѣ.

§ 21. Некоторые исследователи считают, что плюсквамперфект имеет относительное значение только в придаточных предложениях. Так, например, П. С. Кузнецов пишет: „...давнопрошедшее время могло иметь не только относительное значение, но употреблялось в самостоятельных предложениях для обозначения чего-либо действительно давнего...“²².

Следует заметить, что формы плюсквамперфекта значительно чаще встречаются в евангельском тексте в составе придаточного предложения. Однако в тех немногочисленных случаях, где эти формы находятся в составе независимого предложения (см.: Ио. VI 17, Ио. XI 19, Ио. XI 30, Лк. XV 24—32, Мр. I 33), они по значению ничем не отличаются от форм плюсквамперфекта придаточных предложений. Ср. приведенную выше интерпретацию примеров Ио. VII 30 (стр. 79), где форма плюсквамперфекта выступает в придаточном причины; и Лк. XV 24 (стр. 80), где форма плюсквамперфекта употребляется в качестве сказуемого независимого, так называемого слитного предложения. Ср. еще два следующих отрывка:

а) в придаточном определительном:

²² П. С. Кузнецов. Указ. диссертация, стр. 36—38.

Лк. V 17—18, 20—21: і вѣстѣ ка единѣ отъ днѣи. и тѣ
 бѣ оуча. і вѣахѣ сѣдашѣ фарисѣи. і законооучители. иже вѣахѣ
 пришѣли отъ вѣсѣкса вѣси. галилеискѣи и иудеискѣи. і отъ илѣма.
 і сила гнѣ бѣ цѣлѣти ѣа. і се мѣжи на одрѣ носашѣ члѣва иже
 бѣ ослабѣленѣ. і искаахѣ взнесѣти и и положити и прѣдѣ нимѣ...
 і видѣвѣ вѣрѣж (и хѣ) рече емоу. члѣве отъпоушѣгахѣ ти са грѣси
 твои и нача са помѣшѣлѣти кѣнижѣници и фарисѣи глѣшѣ. кѣто
 естѣ са. иже глѣстѣ вѣлѣфимѣиѣ. кто можетѣ отъпоушѣгати грѣхѣи
 тѣмѣо единѣ бѣ;

б) в независимом предложении:

Ио. X 40; XI 1, 6—7, 17—21: і іде пакѣи на онѣ полѣ нора-
 дана... Бѣ же единѣ бола лѣзѣра. отъ витѣниѣ грааѣца марѣниѣ.
 і мѣртѣи сѣстрѣи ѣа... егда же оуслѣшиѣ тѣко вѣсѣтѣ. тѣгда же
 прѣвѣстѣ на немаже бѣ мѣстѣ дѣва дѣни. по тѣмѣ же гла
 оученикомѣ. ідѣмѣ кѣ иудеѣ пакѣи ..пришѣдѣ иже иѣ кѣ витѣниѣ
 обрѣтѣ и четѣири дѣни юже имѣшѣтѣ кѣ грѣвѣ. бѣ же витѣниѣ
 вѣлизѣ илѣма. тѣко патѣ на десѣте стѣдѣни. і мѣноси отъ иудеѣ
 вѣахѣ пришѣли кѣ мѣртѣи и марѣниѣ. да оутѣшѣтѣи о бра-
 трѣ еѣ. мѣртѣи же егда оуслѣшиѣ тѣко иѣ грааѣтѣ. сѣрѣтѣ и. а мар-
 ниѣ дома сѣдѣашѣ. Рече же мѣртѣи кѣ иѣсоу.

В том и другом случае форма вѣахѣ пришѣ(а)ли обозначает
 предпрошедшее действие, результат которого, в отличие от
 форм плюсквамперфекта в приведенных выше отрывках Лк.
 XV 22—32, Ио. IX 8, Ио. XX 12, наличествует в момент
 совершения основных событий, излагаемых в этих эпизодах.

3. БУДУЩЕЕ В ПРОШЕДШЕМ

§ 22. Форма „будущее в прошедшем“ в грамматиках старо-
 славянского языка, да и в специальных исследованиях, по-
 священных старославянскому глаголу, обычно в числе форм
 времени не называется. Но те исследователи, которые уде-
 ляют ей внимание, трактуют содержание этой формы времени
 одинаково.

Обстоятельнее всех этим вопросом занимался А. А. По-
 тебня. Как и в формах перфекта и плюсквамперфекта, он
 подчеркивал в рассматриваемой здесь форме „двойственность
 моментов значения“. „Глагол своею грамматическою формою
 (имеется в виду форма имперфекта глагола хотѣти, которая
 входит в состав рассматриваемой формы в качестве вспомо-
 гательного глагола. — И. Б.), — писал А. А. Потебня, — ука-
 зывает на прошедшее, как на время, сравнительно с которым

определяется время события, означенного неопределенным, а своим вещественным значением относит это событие к будущему. Таким образом, здесь — будущее по отношению к прошедшему, тогда как хочется быть, если имеет значение будущего, есть будущее по отношению к настоящему, а будетъ быть, независимо от модального значения — прошедшее в будущем. В модальном отношении хотѣаше умерѣти есть чисто изъявительное (разрядка здесь и выше наша.— И. Б.), хотя на место его в других языках могут стоять дибитивные обороты, например в латышском (ему было умереть), серб. (ему нужно было — требовалось — умереть)²³.

Как „будущее с точки зрения прошедшего“ определяя содержание этой формы и Н. С. Трубедкой²⁴.

Понимание „будущего в прошедшем“ как относительного времени представляется соответствующим действительности, и в этом отношении нам остается только присоединиться к взглядам выше названных ученых на содержание этой формы. Рассмотрим, однако, некоторые примеры:

Ак. XIX 1—5: *и кшѣдз прохѣждааше иса кз ерихѣ. и се мжжз именема нарицаемз закахеи... и искааше кидѣти иса кз то естз. и не можааше народомз. ꙗко тѣло(в)мз малз бѣ. и прѣди текз възлѣзе на сукморниж. да кидитз и. ꙗко тѣдѣ хотѣаше минжти. и ꙗко(к) приде на мѣсто. кыздрѣвз иѣ кидѣ и. и рече кз немсу... сзлѣзи...*

В приведенном отрывке описывается два эпизода, следовавших один за другим. Стержнем первого эпизода является действие, обозначенное формой *кызлѣзе*, стержнем второго — действия, обозначенные формами *приде*, *кидѣ*, *рече*.

Формами имперфекта *прохѣждааше*, *искааше*, *можааше* обозначаются действия, относящиеся к тому же времени, что и действие *кызлѣзе*; ими характеризуются обстоятельства, при которых произошло это действие.

Формой же *хотѣаше минжти* обозначается действие, явно не происходившее в течение того отрезка времени, когда совершался первый эпизод: оно только должно было произойти в дальнейшем.

То же соотношение форм находим и в следующем примере:

Мр. IV 35—38: *и гла имз кз тз денз вечероу кзкшоу. прѣидѣмз на онз полз. и отзпоушгаше народз. поа сз и ꙗкоже бѣ*

²³ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 361—362.

²⁴ См. N. S. Trubezkoy. *Altkirchenslavische Grammatik*. Wien, 1954, стр. 180.

вѣз ладни. ꙗкоже ладни вѣзѣхъ съ ними. ꙗкоже вѣзѣхъ вѣзѣхъ
вѣзѣхъ. вѣзѣхъ же вѣзѣхъ съ вѣз ладни. ꙗкоже вѣзѣхъ
хотѣаше... ꙗкоже вѣзѣхъ и. ꙗкоже вѣзѣхъ сему учителю. не редиши
ли ꙗко вѣзѣхъ...

В данном эпизоде главные действия обозначаются формами гла, поа са, вѣзѣхъ, вѣзѣхъ, гла. Формами имперфекта кѣ, вѣзѣхъ, вѣзѣхъ са обозначаются действия, представляющие собой различные детали обстановки, при которой произошли основные события: они совпадают по времени с этими событиями. Формой же вѣзѣхъ хотѣаше обозначается действие, которое могло произойти лишь в дальнейшем в результате совершившегося в тот момент (вѣзѣхъ вѣзѣхъ).

Как видно из рассмотренных примеров, формой „будущего в прошедшем“ могут обозначаться и такие действия, которые в дальнейшем действительно совершались, и такие действия, которые были возможны, но не совершились. В этом отношении заключение А. Х. Востокова, который писал, что „будущим в прошедшем“ (по его терминологии „прошедшее наступавшее“) „обозначается действие, долженствовавшее неукоснительно совершиться“²⁵, является односторонним. Поэтому был прав А. А. Потебня, когда подчеркивал, что в модальном отношении сочетания, представляющие собой „будущее в прошедшем“, являются „чисто изъявительными“.

С этим, однако, несколько не вяжется его утверждение о том, что в этих сочетаниях глагол хотѣти своим вещественным значением относит действие, обозначаемое этим сочетанием, к будущему. Это заключение противоречит общему тезису А. А. Потебни об утрате вещественного значения как обязательного условия для возможности использования данного глагола в качестве чисто грамматического показателя, каким являются вспомогательные глаголы в сложных временах.

Вполне возможно, что в свое время вещественное значение сыграло известную роль в том отношении, что именно глагол хотѣти стал выступать в роли показателя будущего времени. Но ни о каком вещественном значении этого глагола в старославянском языке, в сочетании, служащем для выражения „будущего в прошедшем“, речи быть не может. Именно отсутствием вещественного значения и определяется тот факт, что данное сочетание может выступать в этой функции. Везде, где в данном сочетании глагол хотѣти сохраняет свое вещественное значение, он выступает в качестве

²⁵ А. Х. Востоков. Грамматика церковно-словенского языка, стр. 91.

имперфекта. Им обычно обозначается уже действие, относящееся не к тому отрезку времени, который следует за временем совершения основных событий, а к отрезку времени, в который совершались и основные события. Ср. следующие примеры с приведенными выше:

Ио. VII 43—44: ...распартъ же кзистъ кз народѣ его ради. еднии же отъ нихъ хотѣху и ѣти. нзъ никѣтоже не кзаслжи на на рѣкоу...;

Ио. VI 19—21: ...сугарѣша иса хедаца по морю... і оубоѣша сѧ. онъ же г. а имъ. азъ емъ не конте сѧ. хотѣху же и приѣти кз корабѧ. и абие кзистъ корабѧ на земли кз нѣже фдѣху ж;

Мф. XXVII 34: даша ему оцѣтъ пити сѧ зачыжъ смѣшанъ. і кзкоушъ не хотѣше ѣти.

По сути дела, глагол хотѣти в приведенных примерах не имеет никакого отношения к вспомогательному глаголу хотѣти в сочетаниях, представляющих собой „будущее в прошедшем“. Их следует рассматривать в качестве глаголов-омонимов.

Приведем еще один пример, в котором параллельно с рассматриваемыми формами употребляются формы будущего времени:

Мр. X 32—34: і посма иѣзъ пакы ока на дсѧте. начѧтъ ѣмъ гѧти. еже хотѣше быти ему. фко се кзсхсдимъ бѧмъ і ѣнѧ чѧкы прѣдѧчъ кѣдетъ архіерѧомъ и кзнѧжнѧкомъ. і осѣдѧтъ і на сѧм(р)ѧтѧ. і прѣдѧдѧтъ і ѧзкѧмъ. і порѣжѧтъ сѧ ему і оубѧнѧтъ і. и третѧи дѧна кѣспрѣснѣтъ.

Здесь формами хотѣше кѣти, осѣдѧтъ, порѣжѧтъ сѧ, оубѧнѧтъ, кѣспрѣснѣтъ обозначаются действия, относящиеся к одним и тем же предстоящим событиям. Смена форм времени в обозначении этих событий определяется сменой авторского лица. В первом случае речь ведется от лица евангелиста, в остальных случаях — от лица Христа, на что указывает форма кзсхсдимъ.

Таким образом, формами „будущего в прошедшем“, как и формами плюсквамперфекта, обозначаются действия, упоминаемые в связи с действиями, относимыми говорящим к прошлому и обозначаемые им формами аориста. Однако в отличие от плюсквамперфекта формы „будущего в прошедшем“ указывают на отнесенность такого действия не к предпрошедшему отрезку времени, а к такому отрезку прошлого, который следовал за временем совершения прошедших событий, в связи с которыми упоминаются действия, обозначаемые этими формами.

4. ИМПЕРФЕКТ (НАСТОЯЩЕЕ В ПРОШЕДШЕМ)

§ 23. В литературе о славянском глаголе формы имперфекта и аориста рассматривают обычно вместе.

Еще А. А. Потебня замечал, что аорист и имперфект „взаимно дополняют друг друга и построены относительно значения на одной и той же мысли языка, подобно тому, как они представляют сходство по форме“²⁶.

В плане морфологическом эти времена противопоставляются другим прошедшим временам — перфекту и плюсквамперфекту — как простые, флективные формы — сложным формам, образующимся аналитическим способом.

Дальнейшая судьба аориста и имперфекта в болгарском языке, сохраняющем их в живом употреблении, также свидетельствует об их интенсивном взаимодействии, в результате которого в современном болгарском языке у глаголов самого продуктивного III спряжения из шести лично-числовых форм в четырех имперфект и аорист совпали.

Словом, эти времена обнаруживают столь значительное сходство, что Ю. С. Маслов, настаивающий на видовой интерпретации семантических различий этих форм, счел возможным объединить их под одним термином „простого прошедшего времени“²⁷.

Многие авторы старых работ хотя и подчеркивали известное формальное сходство аориста и имперфекта, зачисляя их в одну группу простых прошедших времен, тем не менее при характеристике значений этих форм часто не стремились, в отличие от А. А. Потебни, исходить из какого-то общего основания, а определяли их значение порознь, без учета определения значения другой формы.

Однако постепенно в литературе о славянском глаголе утверждается взгляд на имперфект и аорист как на формы, грамматически противопоставленные одна другой.

Некоторые авторы, не давая специального анализа, пытались выразить противопоставленность этих форм терминологически. Так, например, В. Н. Щепкин имперфект называл прошедшим длительным, аорист — прошедшим недлительным²⁸.

Но многие исследователи занимались этой проблемой более углубленно, обнаружив при этом существенные расхождения в двух пунктах: в выборе исходного момента при определении

²⁶ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 157.

²⁷ Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 241.

²⁸ В. Н. Щепкин. Конспект лекций по старославянскому языку, стр. 114—115.

нии грамматической противопоставленности данных форм времени и в интерпретации семантического содержания этого противопоставления.

Одни исследователи исходят из анализа значения аориста, другие — из анализа значения имперфекта. Различие в исходных посылах, естественно, находит отражение и в интерпретации семантического признака противопоставления, хотя далеко не всегда расхождения в этом вопросе могут быть сведены только к этому.

В решении вопроса об интерпретации семантического содержания противопоставления форм имперфекта—аориста наметилось два направления, размежевание которых в конечном счете определяется различным решением основного вопроса о взаимоотношении категорий вида и времени. Если одно из них, вслед за Ю. С. Масловым, называть „хронологической теорией“²⁹, то второе можно было бы именовать „видовой теорией“.

Представители первой теории расценивают различие, имеющееся между аористом и имперфектом, как временное, представители второй — как видовое, при этом или отождествляют противопоставление имперфекта—аориста с противопоставлением глагольных основ по несовершенности—совершенности, или отличают его от этого противопоставления, но и в этом случае трактуют его как видовое, в частности как „видовое в широком смысле слова“.

По поводу неправомерности отождествления значений имперфекта и аориста со значением совершенного и несовершенного видов мы уже говорили во введении³⁰.

Основным аргументом, свидетельствующим против такого понимания значения этих форм времени является тот, теперь ставший очевидным факт, что любая форма времени, в том числе имперфект и аорист, может быть образована от глагола как совершенного, так и несовершенного вида.

Правда, именно в евангельском тексте мы встречаемся лишь с так называемыми мнимыми случаями имперфекта совершенного вида, „в которых глагол в действительности не является глаголом совершенного вида, хотя и кажется таковым с точки зрения нашего языкового чувства“³¹. Однако отсутствие форм имперфекта от глаголов совершенного вида

²⁹ Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 324.

³⁰ См. критику такого понимания противопоставления форм аориста и имперфекта в труде А. А. Потехни „Из записок по русской грамматике“ (т. IV, стр. 158) и в указанной статье Б. Гавранка „Aspect et temps...“ (стр. 226—227).

³¹ Ю. С. Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках, стр. 123.

может быть объяснено достаточно убедительно ограниченностью содержания евангельского текста.

Известно, что и в других старославянских памятниках форма имперфекта совершенного вида встречается редко; сравнительно редкой формой является она и в современном болгарском языке. Уже это свидетельствует о специфичности условий ее употребления (применения). И в самом деле, имперфект совершенного вида встречается только в особых, кратно-соотносительных, типах контекста³². В такого рода контекстах возможно также употребление имперфекта несовершенного вида. Употребление формы того или другого вида диктуется чисто стилистическими целями: если говорящий стремится передать многократно повторявшуюся цепь событий более картинно и конкретно, как бы на одном примере, то он выбирает форму совершенного вида. Существо, характер действия при этом не искажается, вот почему в современном болгарском языке, как отмечает Ю. С. Маслов, совершенный имперфект „во всех случаях может быть заменен несовершенным“³³.

В евангельском тексте дважды встречается употребление имперфекта в кратно-соотносительном контексте, но в обоих случаях употребляются формы от глаголов несовершенного вида:

Мр. VI 45, 53—56: *и абие субѣди оученикѣ съсѣа възнѣти въ корака. и вѣрѣти и на ономѣ полоу... и прѣтѣхъше приѣхъ на землѣхъ ѿенисаретъскѣхъ и пригаша. ишедъшема же имъ ис корабля абие позванѣа и. и прѣтѣша въсѣхъ странѣхъ тѣхъ. и начаса приносѣти на одръхъхъ колашѣа. идеже сѣзѣшаахъ и тѣко тоу естѣа. и тѣможе колиждо въхъждааше. въ вѣси ли въ градѣ ли въ селѣ. на распѣтихъхъ полагаахъ недѣжжѣнѣа. и моѣахъхъ и. да понѣ въскрѣни ризѣи его прикоснѣтѣа са. и елико аште прикасахъ са ема спасени въкаахъхъ;*

Ио. V 3—4: *въ тѣхъхъ лежааше множѣство колашѣтихъхъ. слѣпѣа хромѣа. соухъхъ. чаѣжѣнихъхъ движениѣ коѣтѣ. анѣла бо гна на въсѣхъхъ ачѣта съхъждааше въ кѣпѣла. и възмѣштааше коѣжъ. и иже прѣкѣтѣ вълажааше по възмѣштѣнии коѣзѣ. сздравѣа бывааше. кътѣма же недѣгомъ одрѣжимъхъ въкаааше.*

Заметим, что употребление имперфекта несовершенного вида в этих примерах ничем не отличается от употребления его в соответствующих примерах из более поздних старославянских памятников и из современного болгарского языка. Это, как и все вышесказанное, дает основание полагать, что

³² См. там же, стр. 91. См. также Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 289.

³³ Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 293.

отсутствие форм имперфекта совершенного вида в древнейших евангельских кодексах — явление случайное.

Наличие форм имперфекта совершенного вида в других старославянских памятниках (Клоцеевом сборнике, Супрасльской рукописи) только подтверждает правомерность такого объяснения.

Заметим в этой связи, что мы не видим „необходимости“ в допущении „некоторого разрыва во времени между возникновением совершенного вида и возникновением имперфекта совершенных глаголов“, о чем говорит Ю. С. Маслов в специальном исследовании, посвященном этой форме³⁴. Нет также необходимости предполагать изменение значения славянского имперфекта в связи с появившейся возможностью его образования от глагольных основ совершенного вида. Учитывая полярность категории вида, следовало бы в противном случае предположить изменение значения и форм имперфекта, образованных от несовершенных основ. Между тем вообще, видимо, нет никакой необходимости допускать какое-либо изменение значения форм времени в связи с возникновением видов, если, наконец, признать независимость категорий вида и времени, признать возможность образования любой формы времени от глагола любого вида. С этой точки зрения возникновение противопоставленности глаголов по признаку совершенности — несовершенности принципиально могло сказаться не на возможности образования от них тех или иных форм времени и не на значении этих форм, а лишь на частоте употребления отдельных видовых разновидностей этих форм, что связано опять не со значением самой формы времени, а с тем, что контексты, которые предполагают употребление той или иной видовой разновидности данной формы времени, могут иметь ограниченное распространение в речи. К числу таких контекстно ограниченных форм и относятся формы имперфекта совершенного вида, а также формы аориста несовершенного вида.

§ 24. Широкое распространение в работах представителей „видовой теории“ получило определение имперфекта как формы, обозначающей прошедшее „длительное действие“. Некоторые русские исследователи, стремясь избежать латинского термина, так и называют это время — „прошедшее длительное“. Понятие длительности действия, однако, до сих пор не получило сколько-нибудь точного определения в литературе о глагольных временах. Анализируя различные определения значения имперфекта и аориста, можно выявить

³⁴ Ю. С. Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках, стр. 137.

по крайней мере три возможных понимания длительности действия, которые обычно у отдельных авторов представлены в той или иной комбинации.

Во-первых, признак длительности понимается как известная протяженность действия во времени в противоположность „точечности“, „моментальности“. Ср., например, определение А. А. Потебни: „... прошедшее длительное означает известное пространство времени, заполненное непрерывным действием или состоянием (не момент — как аорист)“³⁵.

Во-вторых, длительность действия понимается как „незаконченность“ действия в противоположность понятию законченности действия, которое связывается с формами аориста. Ср., например, такую формулировку: „Если аорист всегда выражает действие законченное в прошлом, то имперфект, представляя действие, длившееся в прошлом, никогда не устанавливает его законченности“³⁶.

В-третьих, длительность действия понимается как указание на развитие действия, на его процессный характер. При этом противоположная форма — аорист — обозначает, как и во втором случае, законченное действие. Именно в этом смысле о двух видах длительности действия³⁷, обуславливающих различие имперфекта и аориста, говорит Г. К. Ульянов, когда пишет, что имперфект „обозначает отношение к прошедшему времени признака, представляемого в его развитии“, а аорист „обозначает отношение к прошедшему времени признака, представляемого только в его проявлении“³⁸.

На процессное значение имперфекта в противоположность аористу указывают и другие исследователи — А. Мейе, А. Вайан, П. С. Кузнецов, В. В. Бородич, Ю. С. Маслов³⁹.

В качестве примера, иллюстрирующего возможное наиболее типичное совмещение двух из указанных пониманий длительности действия в определении значений имперфекта и

³⁵ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 150.

³⁶ Е. И. Демина. Значение и употребление прошедших времен в памятниках болгарской письменности XVII—XVIII веков. Автореферат кандидатской диссертации. М., Ин-т славяноведения АН СССР, 1954, стр. 10.

³⁷ Г. К. Ульянов. Значения глагольных основ..., ч. II. Варшава, 1895, стр. 89.

³⁸ Там же, стр. 128.

³⁹ См.: А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 219—220; А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 380; П. С. Кузнецов. Указ. диссертация, стр. 17; В. В. Бородич. Видовые отношения старославянского глагола. Автореферат докторской диссертации, стр. 14; Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 297.

аориста, приведем определение В. Вондрака. „Аористом,— пишет он,— выражается действие точечное (моментальное), наступившее в прошлом, следовательно, он прежде всего констатирует факт, который совершился в прошлом... Когда рассказ ведется в имперфекте, то слушатель вынужден представлять себе течение (ход) отдельных действий, что не имеет места при употреблении аориста“⁴⁰.

Ни одно из приведенных пониманий длительности действия не дает основания, с нашей точки зрения, считать этот признак основным коррелятивным признаком форм имперфекта и аориста. И вот по каким соображениям.

Понимание длительности, представленное в определении значения интересующих нас форм у А. А. Потебни, предполагает наличие количественных различий в длительности действий, обозначаемых формами имперфекта и аориста. Нетрудно заметить, что такое разграничение провести невозможно не только для названных форм времени, но и для каких-либо других форм времени. Любой формой времени, в том числе и имперфектом, и аористом, могут быть обозначены как максимально краткие действия, так и действия самой различной продолжительности. Чтобы можно было судить о том, какой отрезок времени имеется в виду, говорящий должен обязательно дополнительно указать, в течение какого периода продолжалось данное действие. Это осуществляется обычно при помощи особых обстоятельств. В качестве таких обстоятельств могут выступать существительные, указывающие на ту или иную единицу времени в сочетании с числительным или без него (ср. в русск.: *год, день, час* и т. п.), или наречия и словосочетания, указывающие на приблизительную меру времени (ср. в русск.: *некоторое время, долго* и т. п.). Например:

Лк. I 24: *и тѣшѣ сѧ д мѧцѧ;*

Ио. V 6: *и разоумѣхъ. ꙗко многа лѣта ѡже имѣашѣ. гла ему.*...

Ио. VI 64: *вѣдѣашѣ бо искони истъ.*

При отсутствии же соответствующего обстоятельства, обозначающего количество времени, судить о продолжительности действия, выраженного формой имперфекта или аориста, как и вообще любой формой времени, не представляется возможным. Ср., например:

Мф. XXVI 58: *петръ же идѣашѣ по немѧ из далече. до двора архисеова. и вшедъ вънѣтра сѣдѣашѣ съ слугами. кидѣти коначинѧ.*

⁴⁰ W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, Bd. II, стр. 276.

Таким образом, значение степени длительности действия является сопутствующим, комбинаторным значением форм имперфекта, как и вообще всех прочих форм времени; оно обязательно регистрируется при употреблении формы имперфекта или какой-либо другой формы времени в сочетании с обстоятельствами количества времени и является факультативным во всех прочих контекстах.

Во втором случае при определении противопоставленности форм аориста—имперфекта за исходный момент берется значение аориста, который, с точки зрения автора этого определения, „всегда выражает действие, законченное в прошлом“. В противоположность аористу, имперфект характеризуется отрицательно, как такая форма времени, которая, „представляя действие, длившееся в прошлом, никогда не устанавливает его законченности“. Таким образом, здесь длительность действия понимается как нехарактеризованность действия со стороны его законченности. При таком понимании длительность действия нельзя считать признаком, характеризующим общее (основное) значение имперфекта.

Во-первых, аористом далеко не всегда, вопреки мнению автора, выражается законченное действие. Формы аориста совершенного вида, как, впрочем, и формы любого времени совершенного вида, действительно, всегда обозначают действия законченные, но формами аориста несовершенного вида могут обозначаться как законченные действия, так и действия, не характеризованные со стороны законченности. В следующих примерах формами аориста обозначаются действия законченные:

Лк. VII 22: ꙗзъвѣштакъ ѿзъ рече ѿма. шздѣша възвѣстѣи ѿновои. ꙗже видѣста и слышѣста;

Лк. XXII 71—XXIII 1: они же рѣша чѣто еште трѣбуемъ съвѣдѣтельства сами бо слышахомъ ѿзъ оустъ его. ꙗзъскаже възвѣмножаство ихъ. вѣса и кз пилатѣу (то же: Мр. XIV 64);

Лк. IX 38—40: ... ꙗ се мѣжъ изъ народа въззѣпи гла. сучи-тею можъ ти са призри на снъ мой... ꙗ молихъ са оученикомъ твоимъ да иждѣнѣтъ ꙗ. ꙗ не възмогъ (см. также—Ио. XVII 12: егда вѣхъ съ ними кз мирѣ. азъ съблѣдохъ ꙗ възъма твоѣ).

Наряду с этим мы располагаем примерами, в которых судить о законченности действий, обозначенных формами аориста, оказывается довольно затруднительно, потому что логическое ударение падает здесь не на протекание действия во времени, а на обстоятельства действия, или на производителя данного действия, или на качество действия и т. д.:

Ио. XVIII 20—21: Ѡтвѣшта емоу ѿс. азъ не окиноута са глахъ възмоу мироу. азъ възсѣгда оучихъ на снъмишти. ꙗ кз

црѣзвѣ(е) идеже вѣси нѣдѣи сѣнемажѣтъ сѣ. і таи не глѣхъ
ничесоже. Чѣто ма вѣпрашаешѣ. вѣпроси сѣзѣшавѣшаѣ. чѣто
глѣхъ имѣ. сѣ си вѣдаѣтъ еже рѣхъ азѣ;

Мр. I 8: азѣ оубо крѣстѣхъ вѣи водоѣ. а тѣ крѣстѣи тѣ вѣи
ахѣмѣ сѣзѣмѣ;

Мф. XXVII 57—58: Поздѣ же вѣзѣшѣ. приде чѣкъ богѣтъ
отѣ арѣмѣтъѣ. имѣнемѣ нѣсѣфѣ. іже и оучѣи сѣ оу нѣсѣ. сѣ при-
сѣжѣ кѣ пѣлатѣсу просѣи тѣла нѣка;

Ио. IV 38: азѣ посѣлахъ вѣи жѣтъ. идеже вѣи не трѣудѣи тѣ
сѣ. имѣи трѣудѣиша сѣ и вѣи вѣ трѣудѣи ихъ вѣнидѣтѣ;

Мр. XIV 23—24: і примѣи чѣшѣ хѣлажѣ вѣздаѣтъ дѣтъ имѣ. і
пѣиша отѣ нѣѣ вѣси. и рѣче имѣ сѣ еѣтъ крѣва моѣ нѣкаѣго
за(ва)ѣтъ. проликаѣма за мѣногѣи;

Мф. XXV 14—18: Ъкоже бо чѣкъ отѣхода призва сѣѣѣ
рѣзѣ. і прѣдѣтъ имѣ имѣнѣе сѣѣ... комоужѣдо прѣтивѣи сѣлѣ
сѣѣи ...шѣдѣ же приѣмѣи а тѣланѣтъ дѣла о нѣхъ. і при-
окрѣтѣ арѣсугѣжѣ а тѣланѣтъ... а приѣмѣи еѣдинѣ. шѣдѣ рѣскопѣ
зѣмажѣ. і сѣкрѣи сѣрѣкро гнѣ сѣѣѣго.

Во-вторых, формы имперфекта так же, как и формы аориста и любого другого времени, могут обозначать и действия законченные и действия, не характеризованные со стороны законченности. Значение законченности всегда можно констатировать в тех случаях, когда употребляется форма имперфекта от глагола совершенного вида⁴¹. В формах же имперфекта от глаголов несовершенного вида это значение является контекстно обусловленным.

Выше мы приводили примеры на употребление форм имперфекта несовершенного вида в кратно-соотносительном контексте, где этими формами обозначаются законченные действия. Законченные действия обозначают формы имперфекта несовершенного вида и в примере Мф. XXVI 58 (см. выше, стр. 91). То же наблюдается и в следующем примере:

Лк. XVIII 15: Приношаахъ же кѣ немѣсу и мѣладѣнца. да
ѣи сѣ ихъ кѣсѣжаѣ. вѣдѣѣѣше же оучѣнѣи прѣѣштаахъ имѣ.
іѣ же призва ѣа глѣ. не дѣѣте дѣѣѣи прѣхѣдѣѣѣи кѣ мѣнѣ.

Чаще, правда, формами имперфекта несовершенного вида обозначаются действия, не характеризованные со стороны своей законченности. Например:

Лк. XVII 26—30: і ѣкоже вѣзѣтъ вѣи дѣни нѣѣѣѣѣ. тако
ѣжѣдѣтъ і вѣи дѣни гнѣ чѣкѣкаѣго. ѣдѣѣахъ пѣѣѣхъ жѣнѣѣахъ сѣ

⁴¹ Примеры см. в работе Ю. С. Маслова „Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках“, стр. 99—100.

посагахъ. до негоже дане ваниде носъ въ ковачегъ. и приде погопъ и погоруи въса. такжеже и ꙗкоже взиетъ въ дани лотокъ. вѣдѣхъ и пиѣхъ. коуповахъ и продавахъ. саждахъ зѣдаахъ. въ наже дѣна изиде лотъ. отъ содомѣна. одъжди жупѣла и огнѣ съ нѣвѣ. і погоруи въса. по томоужде вѣдетъ и дѣна. въ наже снѣ чавчкѣзѣ вѣитъ са;

Ио. VI 6: се же глаголаше искоушаша ѿ. сама ко вѣдѣше что хота сътворити;

Лк. XXIII 17: потрѣбъ же имѣаше на въса праздници отъпоушгати имъ единого;

Мр. IX 30—31: і отъ тѣхъ ишедъше идѣхъ сквозѣ галилеѣ. і не хотѣаше да кѣто оукѣтъ. оучаше бо оученики своѣ и глаголаше имъ...

Итак, мы видим, что и формами имперфекта, и формами аориста могут обозначаться как действия законченные, так и действия незаконченные. Это свидетельствует о том, что оба времени характеризуются одинаково отсутствием указания на признак законченности и что вообще указание на признак законченности принадлежит не форме времени, а глагольной основе и, в частности, основе совершенного вида.

Там, где употребляются формы времени от глаголов совершенного вида, всегда можно констатировать значение законченного действия. При употреблении форм времени от глаголов несовершенного вида возможны такие случаи, когда речь идет о законченном действии, но вместе с тем возможны такие случаи, где будет очевидна незаконченность действия, и, наконец, такие случаи, где судить о законченности действия невозможно. Все это свидетельствует о том, что появление значения законченного действия в формах времени от глаголов несовершенного вида, в отличие от форм времени от глаголов совершенного вида, обуславливается не значением глагольной основы, а значением окружающих слов.

Таким образом, значение законченности действия, как и значение нехарактеризованности со стороны законченности, являются комбинаторными значениями форм имперфекта и аориста. Первое обязательно для этих форм, образованных от глаголов совершенного вида, второе возможно лишь в формах, образованных от глаголов несовершенного вида, и, в отличие от первого, является контекстно ограниченным.

Что касается третьего понимания длительности как указания на „процессность“ действия, то следует заметить, во-первых, что имперфектом вовсе не всегда обозначается „действие в процессе его протекания“. Этого значения нет,

с нашей точки зрения, в таких контекстах, где речь идет о так называемых обычных действиях, и вообще во всех контекстах, в которых нет речи о единичных (конкретных) действиях. Ср. следующие примеры:

Мр. XI 1—3, 7—9, 11: *И егда приближи сѧ въ ѿмѧ... къ горѣ елеонѡцѣ. пошла дѣва отъ ученикъ своихъ. и гла има. идѣтъ въ вѣсѧ... и акие възходящѧ въ нѣжѧ окрѡштѧ жертвенцѧ приказанъ... отръшзѧша и привѣдѣтъ... и прикѡстѧ жертвенцѧ къ нѣви. и казалѡщиѧ на нѧ ризѧ своиѧ. и вѣсѣде на нѧ. мѧноши же ризѧ свои постилаахъ по пѣти. а друзѡси кѣиѧ рѣзаахъ отъ дрѣва. и постилаахъ по пѣти. и рѣзаахъ ходаште и въ сѣдѡзъ ходаштеи въпиѣхъ глѡшѧте. Уланѡнна блѣкѡнѧ градѡи въ ѡмѧгнѣ... и вѡнде въ ерѣмѧ ѿѣ...*

Ио. XI 53: *Отъ того же дѡне сѣвѣшѧша да и къ оубиѧ. ѿ же къ томоу не авѣ хождѡше кѡи-иудеихъ. нѧ иде отъ тѣдоу въ странѣ близѧ поустѡиѧи въ ефремѧ нарицаемѧ градѡ;*

Лк. XVI 19: *Чѡвѣкъ же единъ кѣ когатѣ. и облачѡше сѧ въ порфирѣ. и кѡсонѧ...*

Ио. XI 38: *ѿ же пакѡи прѣтъ въ сѣкѣ приде къ грѡкоу. кѣ же пѣшѣ и каменѧ належалѡше на неѧ. гла ѿ вѣзѡмѣте каменѧ...*

В первом примере очень картинно описывается конкретное событие — въезд Иисуса Христа в Иерусалим. И здесь формами имперфекта *постилаахъ*, *рѣзаахъ*, *въпиѣхъ* действительно фиксируются действия в процессе их совершения.

Ошибочно, однако, как нам представляется, видеть какое-либо значение, „близкое к конкретно-процессному“⁴², в остальных приведенных нами примерах. Если и можно здесь говорить о значении процессности, то только в том смысле, в каком это значение приложимо ко всем глаголам в целом как особой части речи, в отличие от других частей речи и прежде всего имени прилагательного⁴³.

Во-вторых, обозначать „действие в процессе его протекания“ могут не только формы имперфекта, но и другие формы времени, в частности формы настоящего времени. Ср., например:

Лк. V 29—30: *и сѧ(твори) чѣждѡение велиѧ леваѣиѧ емоу. въ домоу своемъ. и вѣ народѡ мѧногѡ мѡгѧтарѧ. и инѣхъ иже вѣахъ сѧ нимѧ възлежалѣте, и рѡпѡтаахъ кѡнижѡници ихъ и фарисѣи. къ оученикомъ его глѡшѣе. по чѣто сѧ мѡгѧтари и грѣшѡнѡици*

⁴² Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 252.

⁴³ См. М. И. Стеблин-Каменский. Грамматика норвежского языка. М.—Л., 1957, § 41, стр. 98—99.

ѣсте и пѣсте (см. также — Мр. XI 5: что дѣла отъишѣхъ жрътвенъ).

Нетрудно заметить, что во всех приведенных здесь примерах на формы настоящего времени и имперфекта употребляются формы времени от глаголов несовершенного вида, что, конечно, не случайно: формами совершенного вида как указывающими на законченность действия, естественно, не могут обозначаться „действия в процессе их протекания“.

Все это свидетельствует о том, что способность обозначать „действие в процессе его протекания“ не является специфической особенностью имперфекта как формы времени.

„Конкретно-процессное значение“ — одно из комбинаторных значений имперфекта, которое встречается только в формах несовершенного вида и только в таких контекстах, где речь идет о единичных конкретных действиях.

Таким образом, признак длительности, какое бы понимание в него ни вкладывалось, нельзя признать коррелятивным признаком, лежащим в основе противопоставления форм имперфекта—аориста.

§ 25. В общих определениях значения имперфекта нередко в качестве характерного признака рядом с „длительностью“ называется „повторяемость“. Например: „Имперфект выражает действие, продолжающееся или повторяющееся в прошлом, в то время как аористом констатируется, что произошло или случилось (наступило) (разрядка наша. — И. Б.)“⁴⁴. На этот же момент указывается и в определении Ю. С. Маслова, приведенном выше.

В литературе о славянском глаголе нет, кажется, более запутанных и неясных терминов, чем термины „повторяемость“, „многократность“ и противоположные им термины „разовость“, „однократность“. Эти термины используются и при характеристике некоторых значений глагольных основ, например основ типа дѣи҃хъ҃ти — дѣи҃хъ҃ти, и при определении значений временных форм. Но каждый раз ими называются, по сути дела, разные вещи. К разным признакам прилагаются эти термины и при анализе значений временных форм. Так, говорят о „повторяющемся действии“ и тогда, когда рассматривают значение форм аориста в контексте с обстоятельствами, указывающими на повторяемость действия, и тогда, когда рассматривают значение форм имперфекта, употребленных при описании типичной ситуации в контексте с указанными обстоя-

⁴⁴ W. Vondrák Vergleichende slavische Grammatik, стр. 275; см. также: F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. IV. Syntax. Heidelberg, 1926, стр. 785; П. С. Кузнецов. Указ. диссертация, стр. 17.

ятельствами и без них. Такая терминологическая нерасчлененность, естественно, порождает определенную смысловую неясность. Не вдаваясь далее в разбор возможного использования указанных терминов в литературе о славянском глаголе, попытаемся сформулировать свое понимание содержания этих терминов.

Во-первых, „повторяемость“ (в частности „неограниченная повторяемость“) и „процессность“, по нашему мнению, не являются признаками, однородными или близкими, которые могут замещать друг друга, о чем можно заключить из общих определений значения имперфекта, в которых называются оба эти признака. При этом их обычно соединяют союзом *или*. Представляется, однако, что близость этих признаков состоит лишь в том, что и тот, и другой являются средством характеристики действия, но на этом сходство и кончается: этими признаками характеризуются совершенно разные стороны действия.

Во-вторых, повторяемость действия, как и длительность действия, не является, с нашей точки зрения, сферой собственных значений временных форм вообще, в том числе и форм имперфекта. Дело в том, что повторяемость действия, как и длительность, можно выразить только количественно, исчислив или приблизительно определив число случаев повторений, что невозможно осуществить с помощью глагольных форм времени. И в том, и в другом случае это передается в языке не глагольными формами, а специальными наречиями (ср. в русск.: *редко, часто, неоднократно* и т. п.) или сочетаниями количественных числительных с существительными, указывающими на единицу повторяемости (ср. в русск.: *один раз, два раза* и т. д.).

Имея в виду сказанное, полагаем, что о значении повторяемости в формах времени следует говорить лишь в тех случаях, когда они употребляются с обстоятельствами повторяемости. В этом смысле, но не больше, можно сказать, что в следующих примерах формами имперфекта и аориста обозначены действия повторяющиеся. Сопоставляемые формы времени в своем значении не отличаются одна от другой, как, впрочем, не отличаются они в этом и от форм других времен, употребленных в контексте с обстоятельством повторяемости. Например:

Мр. IX 17—18, 22: *и отавѣштавъ единъ отъ народа рече. оучителю приѣхъ ѿзъ мои къ тебѣ. имѣхъ дѣхъ нѣмъ. и иже аште количѣдо имѣтъ и. разкидаѣтъ и пѣны тѣштитъ. и скражаштетъ зѣбѣи ѿномн. и сѣпѣнѣатъ... и мѣнѣжицежъ и въ огна въврѣже. и въ водѣ да и би погоубилъ. нѣ аште что можешѣ помози н(а)мъ. милоградскавъ о нагъ;*

Ио. XXI 1, 13—14: По семь ѣви са пакы ис оученикомъ своимъ на мори такъ срѣдасѣмъ... Приде же ис. и примѣ хлѣба и даде имъ. и рече так(о)же. се кже трети(ници) ѣви са ис оученикомъ своимъ взставъ отъ мртвѣхъ;

Мр. XV 1, 6, 8—9: и абже на оутрѣ свѣтъ сътворише архиереи и стараци. и книжники и вса снемъ. свѣдѣше иса вѣса. и прѣдася и пилатови... на всѣхъ же праздни^{къ}хъ отъпустиаше имъ. единого свѣдѣ егже прсѣахъ... и взвнѣше начаса просити ѣкоже присно творѣше имъ. пилатъ же отвѣшта имъ гла...

В первых двух примерах формой времени обозначается единичный факт (конкретный), в третьем же — факт типичный, ежегодно совершавшийся римским прокуратором Иудей.

Обратим внимание на то, что если убрать обстоятельства повторяемости, то это представление о конкретности или типичности действий не изменится: они лишь окажутся не характеризованными со стороны признака повторяемости в указанном выше смысле.

Часто говорят о несочетаемости форм аориста с обстоятельствами повторяемости типа *часто, редко* и т. п. и, наоборот, подчеркивают характерность указанных обстоятельств для форм имперфекта. Отмеченный факт обычно ставят в связь со значением временных форм, в то время как его следует объяснять различиями в характере самих действий (единичного и типичного). Ведь имперфектом может быть обозначено не только типичное, но и единичное (конкретное) действие, и тогда при нем, как и при форме аориста, обозначающей единичное (конкретное) действие, не будут уже употребляться обстоятельства повторяемости *часто, редко* и им подобные. Например:

Ио. XVIII 2: Вѣдѣше же иуда иже и прѣдася мѣсто. ѣко мнозице сѣбраше са ис тоу сз оученикы своимъ;

Ио. IX 15:... пакы же въпрашахъ и фарисѣи како прозрѣ. онъ же рече имъ...

И, наоборот, при форме аориста, обозначающей обобщенное действие, может стоять такого рода обстоятельство повторяемости. Например:

Ио. XVIII 20: Отвѣшта емоу ис. азъ не овиноута са глахъ всемоу мироу. азъ всегда оучихъ на снзмишти. и вз цркъ(е) идеже вси юдѣ снemaхъ са. и таи не глахъ ниче оже.

Следовательно, употребление тех или иных обстоятельств повторяемости связано с характером действия, обозначаемого данной формой времени.

Повторяемость единичного (конкретного) действия всегда может быть при надобности исчислена точно; повторяемость же обобщенного действия не всегда поддается такому исчислению. Это связано с тем, что обобщенное действие может быть и регулярным и нерегулярным. Если это регулярное действие, то его повторяемость, так же как и повторяемость единичного действия, может быть при надобности выражена точно — путем указания количества повторений и периода времени, за который совершаются данные повторения. Например: *Я занимаюсь французским языком два раза в неделю.*

Ср. в болг.: *Настроението му рязко се менеше по няколко пъти на ден* (Ман., 318)⁴⁵.

В исследуемых старославянских текстах такие примеры не встретились.

Выше мы уже говорили, что удаление обстоятельств повторяемости не меняет нашего представления о характере действия: единичное (конкретное) действие остается единичным (конкретным), а типичное действие — типичным, но представление о повторяемости действия резко меняется. Если по удалении обстоятельств повторяемости и можно судить о ней, то уже лишь на основании косвенных данных, которые мы черпаем из широкого контекста, из содержания окружающих предложений. Часто, однако, обращение и к такому контексту ничего не дает для выяснения степени повторяемости действия.

Таким образом, повторяющимся, т. е. охарактеризованным со стороны повторяемости, можно назвать лишь действие, обозначенное формой времени, употребленной в сочетании с обстоятельством повторяемости, поскольку степень его повторяемости в этих контекстах никогда не вызывает никаких сомнений. В контекстах же, где действие обозначается формами времени, не сочетающимися с соответствующими обстоятельствами, и где вследствие этого далеко не во всех случаях оказывается возможным судить о его повторяемости, такое действие можно определить только как неповторяющееся, т. е. не характеризованное со стороны признака повторяемости. Между тем в литературе о славянском глаголе установилась традиция называть обобщенное (в нашей терминологии — типичное) действие „повторяющимся“ не только в контекстах, где есть личные обстоятельства повторяемости, но и в контекстах, где они отсутствуют.

Иногда, правда, делается известное различие. Так,

⁴⁵ Пример заимствован из докторской диссертации Ю. С. Маслова (стр. 253).

Ю. С. Маслов говорит о том, что в контекстах, где отсутствуют обстоятельства повторяемости, формами имперфекта обозначаются „действия неограниченной повторяемости“, в то время как в контекстах с обстоятельствами повторяемости эти формы „выражают своеобразное сочетание ограниченной и неограниченной повторяемости“⁴⁶.

Однако это различие, с нашей точки зрения, является мнимым. Ведь обстоятельства повторяемости вовсе не всегда указывают на „ограниченную повторяемость“ (ср. в русск.: *обыкновенно, постоянно, всегда* и т. п.). С другой стороны, формами имперфекта, употребленными без обстоятельств повторяемости, далеко не всегда обозначаются действия, повторяющиеся неограниченно. В примерах, приведенных выше на употребление имперфекта в кратно-соотносительном контексте, формами имперфекта как раз обозначаются действия, ограниченные в своей повторяемости.

Вместе с тем очень часто значение „неограниченной повторяемости“ ошибочно, по нашему мнению, видят в формах имперфекта, употребленных в таких контекстах, где говорящий лишь перечисляет типичные (обобщенные) действия, не останавливаясь вообще на обстоятельствах их совершения, как в следующем примере из современного болгарского языка, который приводит Ю. С. Маслов: *„Той поставяше капани, примки, капачи и вълчи трапове, хвърляше стръв и живееше с мечтани приходи от продадени кожи на неуловени вълци и мечки“* (Елин-Пелин, II, 89)⁴⁷.

Нам представляется, что действия, обозначенные здесь формами имперфекта, можно определить только как типичные действия, не характеризованные в отношении их повторяемости.

В противоположность типичному (обобщенному) действию, единичное (конкретное) действие в последнее время все чаще и чаще стали называть „разовым“, „однократным“ действием⁴⁸, что, по нашему мнению, тоже неверно.

Единичное (конкретное) действие, так же как и типичное действие, может быть многократным. И более того, его можно назвать однократным только в одном случае: именно тогда, когда оно обозначается формой времени, сочетающейся с обстоятельством повторяемости *один раз*. В других случаях, где будет употреблено обстоятельство повторяемости, оно всегда будет многократным. Что же касается контекстов, в которых обстоятельство повторяемости отсутствует, то

⁴⁶ Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 253.

⁴⁷ Пример Ю. С. Маслова (указ. диссертация, стр. 251).

⁴⁸ См., например, докторскую диссертацию Ю. С. Маслова, стр. 243, 278.

в них единичное действие, как и типичное действие, может быть определено только как не характеризованное в отношении признака повторяемости. В самом деле, если я говорю, что *он читал эту книгу*, то это вовсе не значит, что *он читал ее всего один раз*, и поэтому, если я хочу, чтобы у слушающего на этот счет было определенное представление, я обязательно употребляю соответствующее обстоятельство и скажу: *он читал эту книгу один раз*.

Таким образом, мы видели, что понятие типичного действия не совпадает с понятием повторяющегося действия, а понятие единичного (конкретного) действия — с понятием однократного действия. Поэтому и термины, их обозначающие, следует строго разграничить, а не смешивать, употребляя их в качестве взаимозамещающих синонимов, что стало обычным явлением в работах, посвященных исследованию глагольных форм вида и времени.

В чем же, собственно, состоит различие между единичным (конкретным) и типичным (обобщенным) действием? Выяснение этого вопроса не может ничего дать для установления принципа противопоставленности форм имперфекта и аориста. Тем не менее мы попытаемся сформулировать, в чем, по нашему мнению, следует видеть это различие, чтобы еще раз подчеркнуть неотожждественность признака повторяемости действия с признаком типичности (обобщенности) действия.

Обобщенные действия, которые используются в высказывании в качестве характеристичных, типичных черт обстановки, свойств, особенностей деятельности лица, его привычек, вкусов, по природе своей являются действительно „многократными“, „повторяющимися“. Ведь именно в силу повторения, причем единообразного повторения, они в большинстве своем могут быть использованы в качестве характеристичных признаков⁴⁹. И тем не менее, суть отличия таких действий от единичных действий не в повторяемости.

В понятиях типичного (обобщенного) и единичного (конкретного) действий существенно, видимо, различать другое.

Обратим внимание здесь на то, что с понятием „единичного действия“ у нас всегда связано представление о реально осуществившемся (или осуществляемом) действии или, так сказать, реализованном (или реализуемом) действии; в понятии же „типичного (обобщенного) действия“ действие представляется как наличествующие (или отсутствующие) свойство, качество, способность, характеристичная черта поведения, деятельности субъекта и т. п., отвлеченные от реального осуществления, от своей реализации; типичное (обобщенное) дей-

⁴⁹ См. А. Достál. Указ. соч., стр. 8.

нием глагольной основы (как, например, значение „действия в процессе его протекания“), либо характером ситуации — единичной или типичной (как, например, значение „единичного действия“), либо присутствием в предложении соответствующих обстоятельств, характеризующих протекание действия (как, например, значение „длительного действия“ или значение „повторяющегося действия“), либо, наконец, характером описываемой ситуации в целом (как, например, „конативное значение“) и т. д.

Интересно, что контекстную обусловленность значения длительности и значения повторяемости у форм имперфекта отмечают и авторы „видовой теории“. В частности, Ю. С. Маслов пишет: „Разграничиваются оба значения контекстом“⁵¹. Однако это не мешает Ю. С. Маслову рассматривать указанные значения в качестве спедифических или, как он говорит, „главных“ значений форм имперфекта⁵². Но совершенно очевидно, что нет принципиальной разницы между этими „главными“ значениями и такими неглавными, но тоже контекстно обусловленными значениями, как „конативное“, или „постоянно-непрерывное“. Их различие состоит лишь в том, что одни („главные“) встречаются чаще, другие („неглавные“) — реже.

Но в таком случае почему бы „неглавные“ значения не включить тоже в общее определение значения имперфекта, что и делает, с известной точки зрения более последовательно, В. В. Бородич, считающая возможным указать в общем определении такие, явно, с нашей точки зрения, определяющиеся лексикой глаголов значения, как значение состояния, которое она, видимо, считает основным, поскольку называет его прежде всего, или значение сложного действия, которое тоже, по нашему мнению, обусловлено лексикой глагола⁵³.

Таким образом, из анализа видовой интерпретации значения имперфекта можно сделать два теоретических вывода.

Один вывод сводится к тому, что формы имперфекта и в старославянском и в современном болгарском языке не имеют своего собственного грамматического значения, поскольку все видовые значения этих форм являются контекстно обусловленными.

Более правомерным, однако, с нашей точки зрения, будет другой вывод — о том, что собственное грамматическое значение форм имперфекта, как и форм аориста, лежит за пределами видовых значений, характеризующих протекание действия вне его связей с другими действиями, поскольку много-

⁵¹ Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 248.

⁵² Там же, стр. 251—252.

⁵³ В. В. Бородич. Видовые отношения старославянского глагола. Автореферат докторской диссертации. М., 1953, стр. 12.

численные поиски в этой области до сих пор не дали желаемого результата.

§ 27. Исследователи, придерживающиеся видовой интерпретации значений форм имперфекта и аориста, считают выражение ими хронологических отношений чем-то побочным для этих форм времени. Так именно и рассматривается этими исследователями значение одновременности в формах имперфекта, которое они обычно называют в ряду прочих видовых значений имперфекта⁵⁴.

Некоторые из этих исследователей указывают, что такое значение имперфекта встречается крайне редко, другие, наоборот, считают его даже типичным значением имперфекта, но тем не менее и они в конечном счете определяют имперфект, как и аорист, в хронологическом плане как прошедшее абсолютное время, т. е. как такое время, которое выражает действие, непосредственно соотнесенное с моментом речи.

Выражение хронологических отношений действий рассматривается обычно как вторичная функция и в других формах прошедшего времени: перфекта и плюсквамперфекта.

Выступая против зачисления имперфекта в число „абсолютных“ времен, обратим прежде всего внимание на один, с нашей точки зрения весьма существенный, момент, который показывает, что значение одновременности, отмечаемое в имперфекте, не может быть поставлено в ряд с видовыми значениями, а именно — на независимость значения одновременности от этих значений. Этот момент отмечает и Ю. С. Маслов. Он пишет: „В связном повествовании несовершенный имперфект, независимо от того, выступает ли он в конкретно-процессном, постоянно-непрерывном или ограниченно-кратном значении, используется для описания ситуаций, наличных в момент (или в период) времени, о котором идет речь в повествовании, для изображения сопутствующих обстоятельств, параллельных основной линии действий, т. е. одновременных тем или иным действиям этой линии (разрядка наша. — И. Б.)“⁵⁵.

Этот момент представляется весьма существенным, так как он указывает на то, что значение одновременности в формах имперфекта качественно иного порядка, чем значения

⁵⁴ Критикуя определение значения имперфекта Б. Гавранком, Ю. С. Маслов пишет: „Одновременность есть лишь частный случай (хотя и очень распространенный) более общего значения незаконченности действия в прошедшем“ („Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках“, стр. 72, 1-е примеч.).

⁵⁵ Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 253—254.

в других глагольных формах, т. е. это такое значение, которое не зависит от глагольной основы.

§ 28. Сторонники „хронологической теории“ видят основное различие форм времен, в частности форм имперфекта и аориста, в области выражения хронологических отношений действий. Формы имперфекта и аориста рассматриваются в качестве коррелирующих между собой форм времени.

При определении содержания противопоставления имперфект—аорист исходят обычно из значения имперфекта, который рассматривается в качестве отмеченного (маркированного) члена данного противопоставления.

Б. Гавранек пишет: „... аорист выражает просто прошедшее действие. Без всякого сомнения, имперфект тоже выражает прошедшее время, но он выражает и нечто другое, что и составляет его содержание... Эту мотивированность имперфекта, составляющую его содержание, следует искать в том, что он выражает факт, действие, сопровождающее другой факт или другое действие (разрядка наша. — И. Б.)“⁵⁶.

Аналогичное определение находим у Н. С. Трубецкого, который также придерживался „хронологической“ интерпретации значений рассматриваемых форм⁵⁷. Считая аорист, в отличие от имперфекта, „прошедшим абсолютным временем“, Трубецкой писал, что эти формы „обозначали действие как прошедшее, не указывая на отношение к другому действию (разрядка наша. — И. Б.)“⁵⁸.

Хронологическое содержание имперфекта в том виде, в каком оно сформулировано Б. Гавранком, ничем, по сути дела, не отличается от определения значения одновременности имперфекта, которое в некоторых случаях признают и сторонники „видовой“ интерпретации его значения.

Полностью принимая основные исходные положения, сформулированные в неоднократно называвшейся здесь статье Б. Гавранка, мы должны заметить, что его определение значения имперфекта нуждается в известных поправках. Если так определять содержание имперфекта, то следует признать справедливой критику, которая в последнее время усиленно ведется по поводу „хронологической“ интерпретации значения имперфекта.

В самом деле, относительное значение имперфекта в формуловке Б. Гавранка понимается очень узко, в результате чего функция имперфекта оказывается сведенной к функции

⁵⁶ B. Havránek. Aspect et temps... стр. 227.

⁵⁷ N. S. Trubezkoy. Altkirchenslavische Grammatik, стр. 155—156.

⁵⁸ Там же.

деепричастия, в частности деепричастия настоящего времени⁵⁹.

Такое употребление имперфекта в исследуемом евангельском кодексе встречается сравнительно редко (всего около 25 раз). Например:

Лк. VI 8: онъ же вѣдѣаше помзшлениѣ ихъ. ꙗже члѣткови имѣшггмоу соухъ рѣкѣ... (ср. Лк. VIII 53: ... ꙗже гаахъ сѧ емоу вѣдѣаше ꙗко оумарѣтъ);

Мр. VII 31—32; ...приде на море галилейско ... ꙗже привѣса къ немуу глауха гѣгзника. ꙗже молѣахъ и да възложитъ на на рѣкѣ... (ср. Лк. VII 3: слышавъ же о истъ. посла къ немуу старца иудейскы. мола и да приидеъ спсѣтъ раба его);

Мр. VI 7: ꙗже призвавъ оба на десѣте и начатъ сѧ сзлати дѣла нѣ дѣла. ꙗже дааше имъ властѣ на дѣхъ нечистыхъ...;

Лк. VI 11: они же испазниша сѧ безоумѣ. ꙗже глахъ другъ къ другуу. что биша сѣтворили ибѣи (ср. Лк. XXII 57: онъ же отвѣръже сѧ его гла. не знаѣхъ его жено).

Справедливо также указывают, что формами имперфекта могут обозначаться действия, не только одновременные с одним из действий основной линии повествования, обозначаемых аористом, но и такие действия, которые являются предшествующими по отношению к этим действиям; при этом они могут относиться как к тому же периоду времени, что и действия, обозначенные формами аориста, так и к периоду времени, который предшествовал периоду времени главных действий повествования.

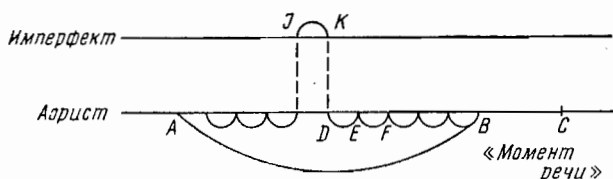
Примеры на такое употребление форм имперфекта редки, но они есть и в исследуемых текстах. Например:

Ио. VIII 9—10: они же слышавъше исхождаахъ единъ по единомуу... ꙗже оста исъ единъ и жена стоѣшти по срдѣ. възклаоъ же сѧ исъ сече еи... Ио. XX 11—12: Марѣ же стоѣше оу гроба ванѣ плачѣшти сѧ. ꙗже плакааше сѧ. причине възгъ. ꙗже видѣ дѣла анѣла...

Как и в примерах, приведенных выше, здесь формами имперфекта обозначены прошедшие действия, относящиеся к тому же периоду, что и действия, обозначенные формами аориста. Но если в тех примерах действие имперфекта совпадало по времени с действием аориста, то здесь формами исхождаахъ и стоѣше обозначаются дей-

⁵⁹ В данном случае термин „деепричастие“ понимается несколько шире, чем это принято в грамматиках по русскому языку, а именно: под ним разумеется всякое приглагольное употребление причастия в отличие от применного.

ствия, предшествовавшие действиям *оста*, *рече* — в первом примере, действиям *приниче* и *кидѣ* — во втором, что графически можно изобразить так:

Здесь отрезком JK обозначается время действия *исхожда-ахъ* (или действие *стоѣаше*), отрезками DE и EF — время действий *оста*, *рече* (или *приниче*, *кидѣ*), отрезком AB — период времени главных действий.

В следующем отрывке формами имперфекта обозначается ряд действий, предшествовавших действиям, обозначенным формами аориста; они составляют целый эпизод, который описывается евангелистом очень общо, только как фон, на котором разворачиваются дальнейшие события:

Мр. I 4—9: *взыстѣ исана крѣста кз поустѣнии. і проповѣдаша крѣщение покаанию. кз отъпоуштение грѣхѣмъ. і исхождааше кз немуу вѣстѣ иудейска страна и ерѣмне и крѣштаахъ сѧ вѣси кз юрзданѣи рѣ(цѣ)...* I *проповѣдааше гла. градетъ крѣплен мене кз слѣдъ мене...* *азъ оубо крѣстихъ кзи кодоу. а тѣ крѣститѣ кзи дѣхѣмъ стѣимъ і взыстѣ кз дани тѣи. приде исъ...* I *крѣсти сѧ отъ исана кз юрданѣ.*

Наряду с рассмотренным употреблением форм имперфекта, широко распространено употребление этих форм для обозначения действий, составляющих одно из последующих звеньев в цепи событий данного периода прошлого. Например:

Ио. VI 3: *казиде же на горѣ ис. і тоу стѣѣаше сѧ оученикыи ѿвоими (то же Ио. IV 6).*

Такое употребление находим обычно в тех случаях, где формами имперфекта обозначаются действия, характеризующие обобщенно деятельность тех или иных действующих лиц данного эпизода. Например:

Ио. III 22, 25—26; ... *По сихъ приде исъ і оученици его кз иудейскыхъ землѣхъ. і тоу живѣаше сѧ ними и крѣштааше...* *Бзыстѣ же сѣтасание отъ оучени[ни] кз иуданскъ. сѧ иудей. о очищении. і приѣхъ кз иудану и рѣша емоу рабаки...* (То же: *слѣ(у)жаахъ* — Мр. I 13, *дѣаше* — Мр. I 35, *оучааше* — Лк. IV 15, *живѣаше* — Ио. XI, 54);

Мр. VI 7, 12—13: *і призвакъ ома на десѣте и начатъ ѧ сѣлати дѣла нѧ дѣла...* I *ишедѣше проповѣдаахъ да покажѣтѣ*

са. і вѣсѣи мнози изгонѣху. і мѣздоху оцемъ мнози не-
дужни и нецѣлѣху;

Ио. XI 55—57: Бѣ же вѣзъ пасхѣ иудейскѣ. і вѣзидѣху
мнози въ имѣ отъ странѣ. прѣжде пасхѣ да очистятъ са.
і искаху же нѣа. і гладоху же къ себѣ въ цркве стоѣште. что
са мѣнитъ вѣмъ. ꙗко не имѣтъ ли прити въ праздникъ. даша
бо архіереи і фарисѣи заповѣдѣ. да аште кто оштѣтитъ і кѣде
бѣдетъ. повѣстѣ да имѣтъ і.

Есть, между тем, и такие случаи, когда установить вре-
менные отношения действий, обозначенных формами аориста
и имперфекта, оказывается невозможно. Например, затруд-
нительно решать этот вопрос там, где формой аориста дан-
ный факт называется общо, а формами имперфекта обозна-
чаются действия, детализирующие, уточняющие, раскры-
вающие этот факт. Ср. следующие примеры:

Мр. IV 37: і вѣистъ вѣурѣ вѣтрѣна велѣѣ. вѣзны же
вѣликаху са въ лѣдѣху. ꙗко юже пограбѣхти хотѣаше (то же:
Лк. VIII 23);

Лк. IV 36—37. і вѣистъ оужасъ на вѣсѣху. і сѣтадоху
са другъ къ другому глѣште... і исхождаше шѣмъ о немъ въ
вѣсѣко мѣсто и странѣ;

Мр. XV 28—32: і сѣвѣистъ са писаное еже глѣтъ... і мѣмо
ходаштен хоуѣлаху и... глѣште... сѣпаи са самъ... такожде
и архіереи... другъ къ другому гладоху... пропатѣ сѣ нимъ по-
ношашете емоу...

Те же затруднения возникают, когда формой имперфекта
обозначается действие, рассматриваемое как способность
что-то совершать, приобретенная в результате осуществления
действия, обозначенного формой аориста, как например,
в следующих случаях:

Мр. I 31:... і остаки ѣхъ двѣ огнѣ. і слоужаше имъ;

Лк. XVIII 43: и двѣ прозрѣѣ. і въ сѣдѣзъ его градѣаше
слава бѣ (см. также: Мр. V 42, Мр. VII 35, Лк. XVIII 13).

Иногда формами аориста и имперфекта обозначаются та-
кого рода действия, что сама постановка вопроса об их
хронологических отношениях исключается. Например:

Ио. VI 60, 66: мнози же сѣзѣшакѣше отъ сѣченикъ его
рѣша. жестоко естъ слово сѣ... отъ сего мнози отъ сѣченикъ
его нѣдѣху вѣзпѣти. і к томуу не хоуждаху сѣ нимъ...;

Мр. IV 1—2: і пакѣи начатъ при мори оучити... і оучаше
ѣхъ прѣдѣлами [ми] много...

В приведенных примерах формами аориста и имперфекта
обозначается, по сути дела, одно и то же действие, которое
характеризуется ими с разных сторон.

§ 29. Со значением одновременности часто связывают употребление форм имперфекта в придаточных предложениях⁶⁰, что дает повод предполагать, что в придаточных предложениях формами имперфекта всегда обозначаются действия, одновременные с действием главного предложения, выраженного формой аориста. Однако это совсем не так. Как и в самостоятельных предложениях, здесь наблюдается та же пестрая картина. И в придаточных предложениях, кроме придаточных времени с союзом егда, формами имперфекта могут обозначаться не только действия, одновременные с действием главного предложения, но также действия, предшествующие ему и следующие за ним. Ср. следующие примеры, в которых формой имперфекта обозначается действие:

а) одновременное с действием главного предложения:

Ио. XX 8—9: тѣгда же бѣише. ꙗко оученикъ пришеде ꙗрѣже къ гробу. ꙗ видѣ и вѣроуа. не оу бо вѣдѣахъ книжъ. ꙗко подобаѣа емоу отъ мртвъихъ възкрѣнѣти;

б) предшествующее действию главного предложения:

Лк. V 25—27: ꙗже в(з)стаѣа прѣдъ ними. възем(з) на немъже лежаще. иде въ дом(з) свои слава бѣ. ꙗ исполниша с(а) страхомъ гл҃ашѣ. ꙗко видѣх(о)мъ) днѣз на днѣсѣ. ꙗ по сих(з) и)зиде и оузарѣ магѣтарѣ...

Возможны и такие контексты, когда установить хронологические отношения между действиями придаточного предложения, выраженного имперфектом, и действием главного предложения, выраженного формой аориста, или невозможно, или вопрос о них в силу характера действий, обозначенных этими формами, оказывается бессмысленным. Например:

Мр. II 2: ꙗже съзбраша сѣ мнози. ꙗко къ тому не вѣрѣахъ сѣ ни прѣдъ дѣрѣми...;

Ио. VI 11: приѣта же хлѣбъ ѿс. и хвалѣ въздаѣа. подаѣа оученикомъ. ꙗ оученици възлежашѣмъ. такоже и отъ рѣкоу. велико хотѣахъ;

Ио. XXI 7: гла же оученикъ евоже любѣше ѿс петрови. гл҃а еста;

Лк. II 4—5: възиде же носифъ отъ галилеѣ. из града назаретъска. въ июдеѣ въ градъ двѣ. иже нарицаѣа сѣ витѣемъ. занѣ вѣашѣ отъ домоу и отъчѣствѣ даѣѣѣ. написати сѣ сѣ маріѣѣ обрѣченѣхъ емоу женѣѣ...

И лишь в придаточном времени с союзом егда, указывающим на отношения одновременности, формой имперфекта всегда обозначается прошедшее одновременное действие,

⁶⁰ См., например, В. Наврăнек. Указ. статья, стр. 227.

причем такое прошедшее одновременное действие, за период течения которого совершилось действие главного предложения, выраженное формой аориста. Например:

Мр. IV 3—4: *Се изиде сѣи сѣи. і вѣстѣ егда сѣише. оу падох на пѣти. і придох птица и позокаша ѣ;*

Мр. XIV 12: *и въ прѣзвѣ дана опрѣснакъ. егда пасхѣ жръбахъ. глаша емоу оученици свои...*

В литературе о славянском глаголе утвердилось представление о том, что между действиями, обозначенными формами аориста, обязательно устанавливаются отношения последовательности, а между действиями, обозначенными формами имперфекта, — отношения одновременности.

Что касается форм аориста, то ошибочность такого представления достаточно убедительно показал Ю. С. Маслов⁶¹, который, однако, не коснулся форм имперфекта. Формы имперфекта, поставленные в ряд, действительно, могут обозначать действия одновременные. Например:

Мр. V 24—25, 27: *і иде съ нима. і по неѣ идѣше народъ мнозъ. і оугнѣтаахъ и. і жена едина... прикосно сѣ ризѣ егѣ...;*

Лк. XXIV 13—17: *і се дѣла отъ нѣхъ (апостолы. — И. Б.) вѣсте идѣшта въ тѣжде дѣна. въ весѣ... і та вѣстѣдовахъ кѣ себѣ. о кѣстѣхъ нѣхъ приканчавшихъ сѣ. і вѣстѣ вѣстѣоуѣштама има и сѣтасѣиштама сѣ. и самъ нѣхъ. приканчѣ (сѣ) идѣше съ нима. очі же ею дрѣжахъ сѣ да его не познаете. рече же кѣ нима...*

Но они с таким же успехом могут обозначать и действия разновременные, в частности действия, находящиеся в какой-либо последовательной связи. Например:

Лк. VI 1—2: *Бѣстѣ же въ соботѣхъ въторопрѣжѣхъ. ити емоу сѣкѣотѣ сѣаниѣ. і вѣстрѣзаахъ оученици его класѣ. і ѣдѣахъ истираѣште рѣкама. едини же отъ фарисѣи рѣша нма...;*

Лк. XVIII 15—16: *Принѣшаахъ же кѣ немоу и младенца... да би сѣ нѣхъ косчѣахъ. видѣвѣше же оученици прѣштаахъ нма... іс же призѣва ѣ гла. не дѣти дѣти приходити...*

⁶¹ „Эти и подобные случаи ясно показывают, — пишет Ю. С. Маслов, — что значение следования во времени за другим действием никак не присуще формам совершенного аориста как таковым (хотя поставленные в ряд они обычно обозначают следование одного действия за другим)...“ (Указ. диссертация, стр. 653). Соглашаясь с этим заключением, хотим внести маленькую поправку в текст, заключенный в скобки: „обозначают не следование одного действия за другим“, а „действия, следующие за другими“, потому что формами аориста совершенного вида эти действия обозначаются не для того, чтобы выразить следование, а в других целях, и прежде всего, чтобы указать на то, что все эти действия произошли в прошлом, а не в будущем или настоящем.

Вместе с тем формами имперфекта могут быть обозначены такие действия, о временном соотношении которых говорить оказывается затруднительно, поскольку ими обозначаются или действия типичные (обобщенные), указывающие лишь на наличие каких-либо признаков, выраженных глаголом, или действия, обобщенно характеризующие события путем их перечисления. Например:

Ио. XII 6: *се рече не ѣко о ништинѣхъ печаше сѧ. нѣ ѣко тѣмъ бѣ. ꙗко скриницѣмъ имъ. ꙗко вѣмѣтаема ношаше;*

Ио. VII 10—13: *... тѣгда и самъ възиде не ѣкѣ. нѣ ѣко тамъ. иудеи же искааху его въ праздникъ. и глааху кѣде естъ онъ. и рѣштъ мнози бѣ о немъ. въ народѣхъ. ови глааху ѣко бл҃гъ естъ. ини же глааху ни нѣмъ лѣтитъ народъ. никотѣзи же оубо ѣкѣ глааше о немъ. страха ради иудейска.*

Затруднительно говорить о выражении каких-либо временных отношений, когда формами имперфекта обозначаются, в сущности, стилистические синонимы. Например:

Ио. XX 3—4: *изиде же петръ и др҃с҃уги с҃ученикъ. ꙗко идѣшете къ гробу. тѣчашете же оубо въ купѣ. ꙗко др҃оуги с҃ученикъ тече скорѣе петра.*

То же положение наблюдается и в сложноподчиненных предложениях, в которых сказуемое главного и придаточного выражены формами имперфекта. Ср. следующие примеры с приведенными выше:

а) действие придаточного предложения одновременно действию главного:

Лк. XXIII 27: *идѣаше же въ слѣдъ его мнози народъ людии. мужи и женѣ. ѡже и биѣаху сѧ и плакааху сѧ его. обрѣштъ же сѧ нѣмъ кѣ нимъ рече...*

Мр. XV 47: *Маріѣ же магдалини. ꙗко маріѣ носюка. зѣрѣшете кѣде и полагааху;*

б) действие придаточного предложения предшествует действию главного:

Ио. VI 1—3: *по сѣхъ иде нѣмъ на онъ полъ морѣ... и по немъ. идѣаше народъ мнози. ѣко видѣаху знаменіѣ ѣже творѣше на недѣжнѣхъ. казиде же на горѣ нѣ...*

Ио. XXI 18: *Егда бѣ нѣмъ. поѣсаше сѧ самъ. ꙗко хожѣаше ѣможе хотѣаше.*

И только в сложноподчиненных с придаточным времени, присоединяемым с помощью союза *егда*, действие, выраженное формой имперфекта, всегда является одновременным действием главного предложения, выраженному также формой имперфекта.

Например:

Лк. XI 37: Ёгда же глааше молѣаше и фарисѣи единѣ да съѣ-
доуѣтъ оу него;

Лк. VIII 42: ...ёгда идѣаше народи оугнѣтаахъ и.

§ 30. Анализ временных отношений действий, обозначенных в первом случае формами аориста и имперфекта, а во втором случае — рядом форм имперфекта, показывает, что судить об этих отношениях только по формам времени вообще нельзя, поскольку в обоих случаях формами имперфекта могут обозначаться как одновременные действия, так и разновременные: и предшествующие, и последующие, а также действие, являющееся звеном в цепи последовательных действий. Более или менее ясное представление — в зависимости от контекста — о хронологии отдельных действий, обозначенных формами имперфекта, мы получаем в тех случаях, когда речь идет о единичных (конкретных) ситуациях, и гораздо неопределеннее наши представления об этом тогда, когда говорящий обобщенно характеризует события и, обращая внимание на качественную сторону действий, констатирует таким образом лишь факт совершения данных действий, не заботясь об их хронологии.

Все это свидетельствует о том, что формам имперфекта, как одиночным, так и поставленным в ряд, а также данным в сочетании с формами аориста, не свойственно выражение каких-либо хронологических отношений между отдельными действиями. Как и видовые значения, значения, относящиеся к области выражения хронологических отношений между отдельными действиями, являются для форм имперфекта, как и вообще для всех спрягаемых форм времени, сопутствующими (комбинаторными) значениями, присутствие которых в формах имперфекта определяется или характером действия, или наличием особой синтаксической конструкции, или, наконец, ситуацией высказывания в целом. В частности, значение „действия, сопровождающего другое действие“, как мы видели, присутствует в форме имперфекта далеко не всегда, если мы имеем дело с рядом простых предложений или со сложносочиненным или сложноподчиненным не с придаточным времени, но его можно всегда констатировать в форме имперфекта, употребленной в качестве сказуемого придаточного времени с союзом *ёгда*.

Значение „действия, сопровождающего другое действие“, является грамматическим лишь в причастиях настоящего времени.

В отличие от спрягаемых форм, которыми могут быть обозначены одновременные действия лишь определенного периода времени (например формами имперфекта — только действия, сопровождающие другие прошедшие действия) фор-

мами причастия настоящего времени могут быть обозначены действия, сопровождающие любое другое действие, относящееся и к прошедшему периоду, и к настоящему, и к будущему. Например:

Лк. XXIII 34: ...раздѣляйте же ризы его между жрѣбца;

Мф. XXVI 21—22: і ѣдимъ имъ рече... единъ отъ васъ предастъ мѧ і сирѣчьше сѣло начаса гати емоу единъ кождо ихъ еда азъ емъ ги;

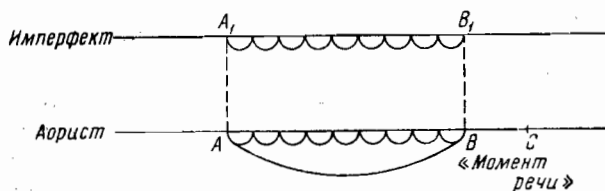
Мр. XI 2: ... і дѣта въ кель... і авие въходаша въ нѣжъ овраштета жрѣбца; приказанъ;

Мр. XI 5: і единъ отъ стѣсаштихъ тоу глаша има что дѣла отрѣшати жрѣбца.

Все это лишний раз подчеркивает, с одной стороны, ограниченность возможностей формы имперфекта в выражении интересующего нас здесь значения, с другой — свидетельствует о том, что формы имперфекта, как вообще спрягаемые формы времени, выступают в противопоставлении с категорией причастий как категория немаркированная. Спрягаемые формы времени могут выражать, а могут и не выражать эти значения, в то время как причастия всегда указывают именно на признак, характеризующий действие со стороны его хронологических отношений к другому действию.

Какова же тогда та область хронологических отношений действий, в пределах которой следует искать „мотивированность“ имперфекта, о которой писал Б. Гавранек?

§ 31. Обратим внимание на то, что в предыдущих параграфах при анализе примеров мы имели дело только с такими действиями, обозначенными формами имперфекта, которые совершались за тот же период прошлого, что и действия, обозначенные формами аориста. Графически это можно представить так:

Здесь отрезком АВ обозначается период времени совершения того или иного эпизода, главные действия которого обозначаются формами аориста; отрезком A₁B₁ — период времени,

в пределах которого совершаются действия, обозначенные формами имперфекта.

Однако далеко не всегда имперфектом обозначаются именно такие прошедшие действия. Очень часто формами имперфекта обозначаются также действия, которые оказываются актуальными не только в период совершения действий, обозначенных формами аориста, но и далеко за пределами этого периода времени. Чаще в таких случаях приходится иметь дело с действиями типичными (обобщенными). Например:

Мр. I 16—17: *хода же при мори галилеицѣ. видѣ симона и андрѣѣ брата того симона. взметаѣхъ мръжа въ море. вѣшете во рыбарѣ. и рече има исъ...*

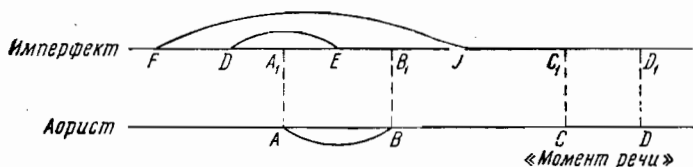
Ио. XI 38: *...приде къ гробу. въ же пещѣ и камня належааше на нѣ;*

Мр. XV 1, 6, 8—9: *...и акае на сѣтрѣ сѣветъ сѣтвораше архиереи и стараци. и книжники и всѣ сѣнемъ. сѣбазаше иса въса. и прѣдша и пилатови...на вѣскъ же праздниѣ отъпоушташе имъ. единого сѣбазанѣ есѣже прошахъ...и вѣзвѣзаше начаса просити ѣкоже присно творѣаше имъ. пилатъ же отъкѣша имъ гла...*

Ио. VI 61—64: *ведъ же исъ въ себѣ. ѣко рѣзашѣхъ о семъ оученици его. рече...сѣхъ отъ вѣсѣ единѣ иже не вѣроуѣхъ. вѣдѣаше во искони исъ. кто сѣхъ не вѣроуѣхъ. и кто естѣ хотѣи прѣдати и...*

Ио. V 5—6: *Вѣ же тѣу единъ члвкъ. ѣ. и осма лѣтъ имъ въ недѣхъ своемъ. сего видѣхъ и лежашѣ. и разоумѣхъ. ѣко многа лѣта иже имѣаше гла емоу...*

Графически временное соотношение действий, обозначенных в этих примерах формами имперфекта, и действий, обозначенных формами аориста, можно выразить в общем виде так:

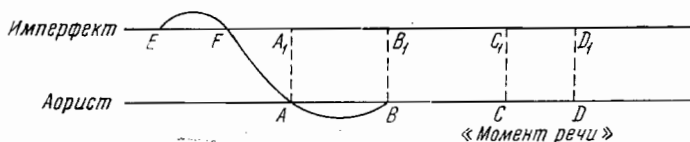
Здесь отрезком АВ обозначается период времени совершения того или иного эпизода, главные действия которого обозначаются формами аориста; отрезком DE — время совершения действий належааше (во втором примере) и многа лѣта имѣаше (в последнем примере); отрезком FJ обобщенно обозначено время

совершения действий *бѣаше* *рѣкарь*, *отъпоушташе*, *тѣсѣаше* (в первом и третьем примерах). Нетрудно заметить, что все эти действия происходили в период времени, так или иначе совпадавший в какой-то своей части с периодом времени совершения действий, обозначенных формами аориста (отрезок АВ).

Формами имперфекта могут быть обозначены также такие прошедшие действия, период совершения которых ни в какой своей части не совпадает с периодом совершения действий, обозначенных формами аориста. Например:

Мр. XV 37—41: *иже поуща гласъ велии издыше. и опона цркнѣ раздѣра сѧ на двѣе сѧ възше до нѣже. Видѣвъ же сотѣникъ стѣѧи прѣмо емоу... рече... вѣдахъ же и женѣ издадече зѣршѣта. къ нѣхъже бѣ и мариѣ магдалини. и мариѣ иѣкова малаго. и мати иосифа. и сѧломи. ѣже егда бѣ къ галилеи по немѣ хождаахъ и слоужаахъ емоу. и нѣзи мѣногѣ възшедѣша сѧ нѣмѣ къ нѣмѣ.*

Действия *хождаахъ* и *слоужаахъ* относятся к периоду, предшествовавшему времени действий описываемого в данном отрывке эпизода, что совершенно очевидно из изложения евангельской истории и косвенно обозначено здесь обстоятельствами места: *егда бѣ к галилеи и възшедѣша сѧ нѣмѣ къ нѣмѣ*. Графически соотношение действий в этом отрывке будет выглядеть так:

Отрезком АВ обозначается период времени, в течение которого происходит описываемый в данном отрывке эпизод, имевший место в Иерусалиме, а отрезком EF — время действия эпизода, происходившего в Галилее, к которому и относятся действия *хождаахъ* и *слоужаахъ*, закончившемуся задолго до периода времени, обозначенного отрезком АВ.

Подобного рода примеры приводит из современного болгарского языка Ю. С. Маслов⁶².

Таким образом, очевидно, что формами имперфекта могут быть обозначены действия любого отрезка прошлого.

§ 32. Анализируя употребление форм имперфекта и аориста в евангельском тексте, мы убеждаемся в том, что диф-

⁶² Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 255.

ференциация употребления этих форм не связана ни с различиями в способе протекания действия (видовые значения), ни с различиями в хронологической отнесенности повествования к тому или иному периоду прошлого. Имперфектом, как и аористом, может быть обозначено действие, относящееся к любому отрезку прошлого: и одновременному с действиями, обозначенными формами аориста, и предшествующему им, и последующему за ними.

Во всех этих случаях повествователь мог бы вместо форм имперфекта свободно употребить форму аориста, если бы он исходил только из требований хронологической отнесенности действий к тому или иному периоду прошлого или из требований указать на способ протекания действия. Поэтому установить корреляции между имперфектом и аористом по этим принципам невозможно.

Выбор той или иной формы (имперфекта или аориста) определяется соображениями не грамматического, а логического порядка.

Если присмотреться с этой стороны к формам имперфекта, то можно заметить, что действия, ими обозначаемые, так же как и действия, обозначаемые формами плюсквамперфекта и „будущего в прошедшем“, всегда оказываются упомянутыми в той или иной связи с действиями, обозначаемыми формами аориста. При этом формами аориста обозначаются действия основные, главные с точки зрения повествователя, а формами относительных времен — действия второстепенные, дополнительные, подчиненные главным и как бы их комментирующие.

Действия, обозначаемые аористом в качестве главных, основных, служат системой отсчета времени для действий, обозначаемых формами указанных относительных времен, подобно тому как „момент речи“ служит системой отсчета для действий, обозначаемых формами абсолютных времен, в том числе и аориста.

Мы уже не раз обращали внимание на зависимый, подчиненный характер действий, обозначаемых формами относительных времен в других главах. Однако гораздо обстоятельнее это можно показать на сравнительном анализе параллельного употребления форм аориста и имперфекта, так как формы имперфекта встречаются в евангельских текстах чаще форм других относительных времен.

Центральной фигурой евангельской истории является Иисус Христос. Чаще всего действия Христа, привлекающего основное внимание евангелистов, обозначаются формами аориста, а действия остальных лиц как второстепенных, но связанных с ним, — формами имперфекта.

Так, формами имперфекта обозначаются обычно действия, представляющие собой реакцию слушателей Христа на его речи и дела или вообще действия лиц, наблюдающих его. Иногда эта реакция мотивирует дальнейшие поступки Христа, но она может оставаться и без последствий.

Ср. следующие примеры:

Лк. IX 42—43: *и исцѣли отрока. и възвратъ і оцю его. дивѣхъ же сѧ вси о величии кжи;*

Ио. VI 35, 41—42, 43, 51—53: *рече же имъ нѣ азъ есмь хлѣвъ животнъ... рѣшѣхъ же юден о немъ ꙗко рече азъ есмь хлѣвъ сшедъи сѧ небесе і глѣхъ. не сѧ ли естъ нѣ. естъ. ноефовъ... отвѣща нѣ и рече имъ. не рѣшѣте между собою... хлѣвъ бо нже азъ дама пѣтъ мѣ естъ. ѡже азъ дама. за животъ мира прѣхъ же сѧ юден. между собою глѣште. како можетъ сѧ дати пѣтъ сконъ ꙗсти намъ. рече же мѣ нѣ... (см. также: оужахъ сѧ — Мр. X 24, прѣхъ — Мр. XIV 5, рѣхъ — Лк. V 30, дивѣхъ сѧ — Ио. VII 15).*

Формами имперфекта обозначаются обычно действия, характеризующие ситуацию, которую застает Христос, придя в новое место, и которая определяет его дальнейшие действия. Например:

Лк. VIII 51—55: *пришедъ же въ домъ не да никомуже вѣстити токмо петрови... и матери. рѣхъ же вси. и плакахъ сѧ еѧ. онъ же рече не плачите сѧ еѧ. нѣтъ оумрѣла нѣ спитъ. і рѣхъ сѧ емоу вѣдѣште ꙗко оумрѣтъ. онъ же изгнѣвъ всѧ конъ. і емъ ѡ за рѣхъ възгласи гла... и възврати сѧ хъ еѧ;*

Мр. III 1—5: *і вѣде пакы въ сѣмниште. і вѣ тоу члѣкъ соухъ рѣхъ имъ. і назирѣхъ и. аще въ себѣ и исцѣлѣтъ і. да на на възглаголѣтъ. і гла члѣкоу имѣшюмоу соухъ рѣхъ... і оутвѣрди сѧ рѣхъ его цѣла ꙗко и другѣ (см. также: сѣдѣаше — Мр. X 46, Лк. XVIII 35).*

Однако далеко не всегда действия Иисуса Христа, хотя он и является центральной фигурой евангельского повествования, обозначаются формами аориста. Так, действия Христа, упоминаемые евангелистом при характеристике обстоятельств, при которых произошли действия описываемого эпизода, обозначаются наряду с другими действиями, упоминаемыми с этой же целью, формами имперфекта. Например:

Лк. XVII 11—12, 15—16: *і възвратъ идѣшю емоу въ имъ. і тѣ прохѣдаше между самарѣнъ галилѣнъ: і възходѣшю емоу въ единъ кель. ерѣте и десѣтъ прокаженъ мѣхъ... единъ*

же отъ ниѣ... паде ниѣ... (см. также: прохѣждааше — Лк. VIII 1, Лк. XIII 22; идѣаше — Лк. VII 6, Ио. IV 50; окѣхѣждааше — Мр. VI 6; живѣаше — Ио. XI 54; исхѣждааше — Мр. XI 19);

Ио. IV 5...6—7: Приде же иѣъ въ градъ самарѣскъ. нарицаемъ сѣхара... въ же тоу стоуденѣи иѣковѣ. иѣ же троужѣа сѣ отъ пѣти. сѣдѣаше тако на стоуденѣи. година въ ѣко шестаа. приде жена отъ самарѣи почрѣтъ. водѣ гдѣ иѣъ... (далее описывается разговор Иисуса с самарянкой) (см. также: живѣаше, крѣштааше, вѣахъ, прохѣждаахъ и крѣштаахъ сѣ Ио. III 22—23).

В только что рассмотренных примерах действия, обозначенные формами имперфекта, представляют собой такие подробности описываемого эпизода, которые служат своего рода фоном для основных действий эпизода, обозначаемых формами аориста.

Формы имперфекта могут также употребляться и при описании таких подробностей обстановки, ситуации, которые не только служат фоном, но и мотивируют поступки Христа. Например:

Ио. VII 1—3, 6, 9—10: I хѣждааше по сѣхъ иѣъ въ галилен. не хотѣаше бо въ юденѣ ходити. ѣко искаахъ его юденѣ оубити. въ же близъ праздниѣ юденѣскъ. скинопиѣтъ. рѣша же къ нему братрѣ его. прѣиди отъ сѣдѣахъ... гдѣ же имѣ иѣ. крѣма мое не оу приде... си рекъ самѣ оста въ галилен. егда же възидѣ братрѣ его въ праздниѣ. тѣгда и самѣ възиде не ѣвъ нѣ ѣко тѣи;

Лк. XIX 1—6: I възидѣ прохѣждааше иѣъ въ ерихъ. и се мѣжѣ именѣ нарицаемъ заѣхѣи. i сѣ въ старѣи мѣитарѣмъ. i тѣ въ богатъ. i искааше видѣти иѣа кѣто естѣ. i не можааше народомъ. ѣко тѣло[б]мѣ малъ въ. и прѣди текъ възѣѣзе на сѣкомориѣ. да видѣтъ i. ѣко тѣдѣ хотѣаше минѣти. i ѣ(ко) приде на мѣсто. възарѣкъ иѣ видѣ и. i рече къ нему. заѣхѣе потѣштѣа сѣ сѣлѣи. дѣнесѣ бо подоѣаѣтъ ми въ домоу тѣоемъ вѣити. и потѣштѣа сѣ сѣлѣе. и приѣтъ i радѣа сѣ (см. также: видѣаше, възѣтаахъ — Мр. XII 41; искаахъ, не обрѣтаахъ, дрѣжаахъ сѣ — Лк. XIX 47—48; сѣстѣа сѣ, рѣша — Лк. XX 1—2; сѣдѣаше и рече — Лк. XXII 55—56; помѣшѣахъ — Лк. XX 5; воѣахъ сѣ — Лк. IX 45).

В первом примере формами аориста обозначаются не только действия Иисуса Христа, но и действия его учеников — рѣша, възидѣ, а в последнем примере — действия одного из представителей народа, с которым Иисус имел дело:

кзззѣ, гззѣ. Таким образом, наряду с Христом, в качестве главных действующих лиц могут выступать и другие лица.

Все сказанное свидетельствует о том, что обозначение данного прошедшего действия формой имперфекта или формой аориста зависит не от того, какое именно лицо произвело данное действие — Христос или его ученики или еще кто-либо, — поскольку действия и тех, и других, и третьих могут быть обозначены обеими формами времени, и не от того, является ли данное лицо в данной ситуации главным действующим лицом или второстепенным, поскольку действия одного и того же главного действующего лица могут быть обозначены как формами аориста, так и формами имперфекта. Выбор формы зависит от того, каково назначение этого действия: составляет ли оно один из основных фактов данного сообщения или оно упоминается лишь в качестве дополнительного факта, так или иначе характеризующего обстоятельства совершения основных событий того или иного эпизода евангельской истории. Степень связанности „дополняющих“ действий, обозначаемых формами имперфекта, с „главными“ действиями, обозначаемыми формами аориста, также определяется их назначением: служат ли они целям мотивирования основных фактов или они сообщаются только в качестве дополнительных деталей. Так, действия, указывающие на какие-либо особенности, свойственные данному действующему лицу описываемого эпизода, могут быть упомянуты с целью мотивирования его поступка. Например:

Ио. XI 1, 3, 5—7: Бѣ же единъ бола лазара (брат Марии и Марты. — И. Б.)... поззззѣ же сестрѣ его кз нему (к Иисусу Христу. — И. Б.) глзшти... лублѣше же ис мартѣ и сестрѣ еѣ и лазарѣ. егда же оуслзшз ѣко боллз. тзгда же прѣзлзтз на немаже бѣ мѣсте дзѣ дани. по тома же гла оученикомз. идѣмз кз нудѣм пакз.

Но иногда то же самое действие может упоминаться в качестве постоянного эпитета, не мотивирующего в этом случае поступка данного лица. Например:

Ио. XIII 21—23, 25: Си рекз ис кзззжти са дхмз. (сзвѣдѣтельствова и рече. аминъ амин глзж вамз. ѣко единъ отз васз прѣдзстз ма. сззлрхж же са между сокож оученици. не дмзлзштѣ о комз глзтз. бѣ же единъ кззлжжа отз оученикз его на лонѣ исѣ. егоже лублѣше ис... нападз же тз тако на прзси нскы гла емоу ги кто естз.

В тех случаях, когда речь идет о действиях, мотивирующих действия, обозначаемые формами имперфекта, сомнений

относительно правомерности заключения о „второстепенном“, обстоятельственном характере этих действий не возникает.

Это действия иного плана, иной роли в высказывании, чем действия, обозначаемые аористом, но они всегда явно связаны с этими главными действиями. Иерархия действий высказывания и находит себе выражение в самом общем виде в их временной соотнесенности. Это представляется здесь достаточно очевидным.

Гораздо труднее, как будто бы, согласиться с этим, когда формами имперфекта обозначаются действия, не мотивирующие никаких других действий.

Именно сюда относится тот пример на якобы абсолютное употребление имперфекта в старославянском языке, который приводит Ю. С. Маслов: ... *отроча же растѣаше и крѣпѣаше сѧ дѹма* — Лк. I 80⁶³.

В силу отсутствия у этих действий обстоятельственной функции создается впечатление, что они называются говорящим вне соотнесения с действиями данного периода прошлого, как факты самостоятельного значения. Однако, не мотивируя действий, обозначенных формами аориста, действия, обозначенные формами имперфекта, всегда имеют к ним то или иное отношение. Рассмотрим некоторые примеры и прежде всего тот, который приводит Ю. С. Маслов. Для него высказывание *отроча же растѣаше и крѣпѣаше сѧ дѹма* является „изолированным высказыванием“⁶⁴, в чем он и видит вообще доказательство абсолютного употребления форм имперфекта, в частности форм *растѣаше*, *крѣпѣаше*.

Неясно, что следует понимать под „изолированным высказыванием“, так как этот термин не получает раскрытия в работах Ю. С. Маслова. По своему синтаксическому строю рассматриваемое высказывание, действительно, является „изолированным“, поскольку оно представляет собой самостоятельное слитное предложение. Но речь, видимо, идет не об этом, а об „изолированности“ данного предложения в отношении его содержания, об отсутствии связи его содержания с содержанием высказываний, в которых имеются формы аориста. Посмотрим, однако, действительно ли это так, а для этого прежде всего приведем это высказывание в контексте окружающих его предложений:

Лк. I 57—80: *Елисавети же испазни сѧ крѣма родити си.*

⁶³ Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 9—10.

⁶⁴ Ю. С. Маслов. Из наблюдений над категориями вида и времени в современном болгарском языке (Аорист несовершенного вида). — „Доклады и сообщения филологического института“, вып. 1. Изд. АГУ. Л., 1949, стр. 138—150.

і роди снѣ... і възметъ въ о҃мзи дѣна приѣхъ обрѣзатъ отрочаѣ.
і нарицахъ є именема о҃тца своего захаріѣ. і отглаголююще
матѣ его рече. ни нѣ да наречетъ сѧ іоанъ... Помаваахъ же
о҃гацию его. како би хотѣлъ нарешти є. і испрошъ азшницъ
написа гла. іоанъ естъ имя емоу. і юдиша (сѧ) вѣсн. отглаголююще
же сѧ оу҃ста его агне и ѡзвѣ его. і глаше благослова ка. і възметъ
на вѣстѣхъ страхъ... і положиша вѣсн сѧзшакъшии на сръдацихъ
своихъ гл҃аште. что оубо отроча сѧ бѣдетъ. і рѣка гнѣ бѣ сѧ нима.
і захаріѣ о҃тца є(го). испавни сѧ дх҃ма сѧзимъ. і пророчествова
гла... і тѣи отроча прорѣкъ възшанаго наречеши сѧ. прѣзидеши
ко прѣдъ лицемъ гнѣма оу҃готовати пѣти его... отроча же
растѣаше и крѣпѣаше сѧ дх҃ма. і бѣ въ поустыинѣхъ до днѣ
акленіѣ своего къ издранию.

Если воспринимать интересующее нас высказывание в таком широком контексте, то оно представится по своему содержанию естественным продолжением предшествующих ему высказываний. Поэтому „изолированным“ его никак нельзя назвать. Это вовсе не авторское отступление или нечто подобное, что, действительно, обычно выпадает из изложения и носит изолированный характер.

В самом деле, приведенный отрывок представляет собой совершенно определенное единство по своему содержанию. В нем излагается один из периодов биографии Иоанна Крестителя, а именно — начальный период, до того как он стал пророком.

Естественно, что не все факты нашли здесь одинаковое обстоятельное освещение. Подробно изложен, по существу, только один, но, с точки зрения евангелиста, самый примечательный факт — рождение Иоанна Крестителя и события, связанные с ним. Остальное излагается очень общо в двух заключительных фразах в виде попутных замечаний. Для евангелиста это факты явно второстепенные, которые он сообщает для полноты картины и как таковые он их выражает в формах имперфекта. Ср. аналогичные примеры: спѣаше — Лк. II 52, растѣаше и крѣпѣаше сѧ дх҃ма — Лк. II 40 (из раннего периода биографии Иисуса Христа).

С таким же изложением некоторых фактов дальнейших этапов биографии Христа мы имеем дело в следующих примерах:

Мр. I 35—38: і утро просвѣтѣоу сѧло. възставъ изиде ѡдѣи и иде къ поусто мѣсто. і тоу молитѣхъ дѣаше. і гзнаша и симонъ и иже вѣахъ сѧ нима. і обрѣтѣаше и глаша емоу. тѣко вѣсн

иштѣтъ тебѣ. ꙗко гла имѣ иѣмѣ въ ближанаѣ вѣси и гради (см. также: слоужаше — Мр. I 13, оучаше — Лк. IV 15).

Так же можно интерпретировать и примеры, в которых формами имперфекта весьма обобщенно излагаются некоторые промежуточные эпизоды. Например:

Лк. XXII 54, 63—67: ... имѣше же и вѣса. ꙗко вѣса и въ домѣ архiereовъ... ꙗко мѣжи дрѣзаште иѣа. рѣгаахъ сѣ емоу виѣште и. закрѣвѣше и виѣхъ по лицу. въпрашахъ же и глѣе пророчи кто та оудари. ꙗко ина многа хоулаште глаахъ на на. ꙗко вѣстѣ данѣ съвѣраша сѣ старѣци людацини. ꙗко архiereи и книжници. ꙗко вѣса и на сѣнмѣ свои глѣште. аште тѣи еси хъ рѣци намѣ. рече же имѣ... (см. также: глахъ, виѣхъ — Ио. XIX 3; виѣхъ, плабаахъ, кланѣахъ сѣ — Мр. XV 19; даѣаше, оучаше — Мр. XI 16, 17; скончаваахъ сѣ, вѣлаахъ сѣ — Лк. VIII, 23; сътазаахъ сѣ, иѣхождааше — Лк. IV 36—37).

Все действия, обозначенные здесь формами имперфекта, составляют целый эпизод, который является непосредственным продолжением того, что изложено перед этим в стихах 47—54 той же XXII главы евангелия Луки в формах аориста. Однако события этого эпизода излагаются опять-таки в самой общей форме.

§ 33. В некоторых случаях формами имперфекта обозначаются такие действия, которые дополняют, но не мотивируют действия эпизода, в связи с которым они упоминаются. Однако позднее оказывается, что они могут объяснить поступки действующих лиц одного из последующих эпизодов. Например:

Мр. XI 11—13, 14—15, 19—21... изиде въ витаниѣ. сѣ овѣма на десѣте. ꙗко въ оутрани иѣедѣшемѣ имѣ отъ витаниѣ. вѣз(а)ма. ꙗко вѣдѣа смоковницѣ... приде... ꙗко приѣдѣа къ неи ничеже не обрѣте на неи... ꙗко отвѣштѣахъ иѣа рече еи. къ тому отъ тебе въ вѣкѣ никтоже плода не сѣнѣстѣ. слышахъ же оученици его. ꙗко приѣхъ въ иѣмѣ. и вѣшедѣа иѣа въ цѣркѣ. начѣтъ изгонити... ꙗко позѣ вѣстѣа иѣхождааше конѣ из града. ꙗко мимо хоулаште нѣтро вѣдѣша смоковницѣ оуѣхѣши иѣ корѣниѣ. ꙗко вѣспомѣнѣхъ петръ гла емоу рабаки. виждѣа смоковница иѣже проклатѣа оуѣше (ср. также: Ио. XI 20, Ио. XI 28—32: сѣдѣаше).

Таким образом, при выяснении иерархии действий, обозначаемых формами аориста и имперфекта, нельзя ограничиваться контекстом не только одного предложения, но даже контекстом одного эпизода.

§ 34. Часто, говоря об абсолютном употреблении имперфекта, имеют в виду употребление его форм в диалогической речи. Здесь возможны такие случаи, когда формы имперфекта употребляются в высказывании, не содержащем форм аориста. Заключение об абсолютном характере форм имперфекта в таких случаях как будто бы вполне правомерно. Однако при этом упускается из виду одна весьма характерная особенность диалогической речи: имплицитный характер ее предложений. Именно в связи с этим, как известно, в диалоге сильно, возрастает роль ситуативных знаков⁶⁵. В условиях непосредственного общения участники диалога часто опускают в своей речи весьма важные, но вполне очевидные для них факты. Этим, как нам представляется, и можно объяснить такое „изолированное“ употребление форм имперфекта в диалоге: говорящий просто не называет здесь тех действий, с которыми для него являются соотнесенными действия, обозначенные формами имперфекта. Таким образом, и в диалогической речи даже при отсутствии в ней форм аориста нет необходимости интерпретировать имперфект как абсолютное время.

Прямая речь в повествовании — это одна из письменных разновидностей диалогической речи. Естественно, что и в ней возможно такое „изолированное“ употребление форм имперфекта. Представление о действиях, в связи с которыми упоминаются действия, обозначенные этими формами, можно составить себе, выйдя за рамки прямой речи и обратившись к авторской речи, которая в данном случае является источником наших сведений о ситуации диалога. Например:

Ио. XI 1—38: Бѣ же единъ бола лазаръ, отъ вѣгания градаца маринина. і марты сестры ѿ... егда же оуслыша ѣко волигъ. тѣгда же прѣбывагъ на немѣже бѣ мѣстѣ дѣла дѣни. по томѣ же гла оученикомъ. идѣмъ въ юдею пакы. глаша емоу оученици его. оучителю. нѣинѣ искаахъ тебе каменіемъ побити юден. і пакы ли идеши тамо. отвѣщагъ ѿс... пришедъ же ѿс въ вѣганий обрѣте и четъри дѣни юже имѣшгъ въ грокт... маріѣ же ѣко приде иде бѣ ѿс. видѣвъши и паде емоу на ногу. глашати емоу ги-

⁶⁵ „Но то, что мы называем ситуацией, — пишет Ш. Балли, — имеет более широкое значение: здесь налицо не только элементы, воспринимаемые чувствами в момент речи, но и все известные собеседникам обстоятельства, которые могут служить мотивом для их разговора. Если мой знакомый потерял близкого человека, то при следующей встрече я скажу ему: „Мой бедный друг!“. Подразумеваемого совместно воспоминания вполне достаточно для того, чтобы мотивировать это выражение сочувствия“ (Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 52).

отсчета в отличие от форм настоящего времени, которые являются нейтральными по отношению к выражению этого признака.

Так как маркированные формы времени — плюсквамперфект и „будущее в прошедшем“ — характеризуются указанием на отнесенность действия или к „предпрошедшему“ периоду (плюсквамперфект), или к „послепрошедшему“ периоду времени („будущее в прошедшем“), то главное значение форм имперфекта определяется как значение „настоящего в прошедшем“.

В отборе фактов и их квалификации, с точки зрения иерархии действий, говорящий относительно свободен. Этой же свободой он в известной степени обладает и при выборе форм времени. Так, при обозначении прошедшего действия, происходившего в отрезок времени, предшествовавший времени совершения других прошедших событий, которые привлекают его основное внимание, у говорящего есть три возможности: он может употребить и форму аориста, и форму имперфекта, и форму плюсквамперфекта. Если ни факт подчиненности этих действий другим, главным событиям прошлого, ни факт совершения их в отрезок времени, предшествовавший времени этих событий в данной, описываемой говорящим ситуации, не представляется существенным, он, естественно, окажет предпочтение форме аориста как форме, нейтральной к выражению указанных фактов.

Однако если факт квалификации действия как второстепенного, упоминаемого лишь в связи с другими прошедшими действиями в ходе изложения событий, привлекающих основное внимание говорящего, приобретает определенное значение, то употребление одного из относительных времен для говорящего становится обязательным.

В выборе между формами относительных времен говорящий имеет известную свободу до тех пор, пока для изложения основных событий остается несущественным второй факт — совершение этого действия до времени совершения основных событий. При таких обстоятельствах говорящий, естественно, скорее всего предпочтет форму, нейтральную в отношении этого признака, — имперфект. Но если по тем или иным причинам оказывается важным подчеркнуть, в какой именно отрезок времени прошлого по отношению к совершению основных событий происходило это второстепенное действие, говорящий будет обязан употребить отмеченную форму, в нашем случае — плюсквамперфект.

Теми же моментами будет обуславливаться и употребление форм „будущего в прошедшем“.

Что касается выражения действия, происходившего в тот же отрезок прошлого, что и основные события, то здесь у

говорящего, по сути дела, выбора нет. Во всех случаях говорящий изберет имперфект, и тогда, когда ему необходимо будет подчеркнуть второстепенный характер этого действия, и тогда, когда окажется существенным факт совпадения во времени, поскольку, как мы видели выше, обозначение действий однородными формами времени, в данном случае — формами аориста, вообще не может выразить временную соотнесенность действий, ими обозначаемых.

5. FUTURUM EXACTUM (ПРЕДБУДУЩЕЕ)

36. Формы *futurum exactum* не встречаются в евангельском тексте, но они известны по употреблению в других старославянских памятниках: Синайской псалтыри, Супрасльской рукописи и др. В том, что известно об употреблении форм *futurum exactum* в этих памятниках, нет ничего противоречащего употреблению других форм времени в рассматриваемых здесь старославянских памятниках. Эти формы находят себе определенное место в системе времен старославянского глагола, что дает основание считать их отсутствие в евангельском тексте явлением случайным, убедительно объясняемым ограниченным содержанием этого текста.

В интерпретации содержания форм *futurum exactum* современные исследователи отошли от точки зрения А. Х. Востокова, видевшего в них формы условного наклонения⁶⁶, и рассматривают их в составе форм изъявительного наклонения в качестве одного из относительных времен. Общепринятым является теперь определение, согласно которому формами *futurum exactum* „выражается действие, совершившееся раньше другого действия, относимого к будущему“⁶⁷.

Присоединяясь к общепринятой точке зрения, рассматривающей *futurum exactum* в качестве одного из относительных времен, внесем некоторые коррективы в определение содержания форм этого времени, коррективы, которые диктуются общими соображениями, не раз излагавшимися выше.

Эти формы, как и все личные формы прочих относительных времен предшества, указывают лишь на отнесенность действий, ими обозначаемых, к определенному периоду времени, характеризуемому по относительной грамматической системе отсчета времени как предшествующий времени совершения каких-то уже данных действий, являющихся будущими по отношению к „моменту речи“. Действия, ими обозначае-

⁶⁶ См. А. Х. Востоков. Грамматика церковнославянского языка, стр. 92—93.

⁶⁷ А. Dostál. Указ. соч., стр. 613.

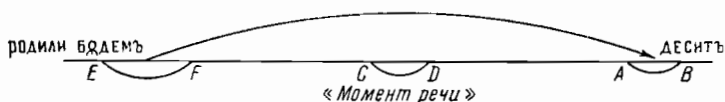
мые, могут быть разобщены с исходным событием (так же как и действия, обозначаемые формами плюсквамперфекта или перфекта) отрезком времени любой продолжительности (см. примеры, приведенные ниже).

Поэтому о предшествовании действия, выраженного формой *futurum exactum*, действию, выраженному формой будущего абсолютного, можно судить лишь постольку, поскольку первое относится к периоду времени, предшествовавшему периоду совершения второго.

Некоторого уточнения, как нам представляется, требует и определение места рассматриваемых форм в системе времен старославянского глагола. Следует подчеркнуть, что эти формы времени должны рассматриваться в системе прошедших, а не будущих времен, как это иногда делают, помещая их под названием „будущее II“ вслед за формами будущего абсолютного, которое в данном случае называют „будущим I“.

Дело в том, что формами *futurum exactum* может быть обозначено не только такое действие, которое по отношению к будущему действию является прошедшим, а по отношению к „моменту речи“ последующим или будущим, но и такое действие, которое является прошедшим и по отношению к будущему действию и по отношению к „моменту речи“. Например: аще нзи десить дѣна сѣмѣтанѣи въ грѣсѣхъ то възкѣжѣа и родиши вѣдемѣ (Син. тр. 71а)⁶⁸.

Временные отношения между действиями, обозначенными здесь формами десить и родиши вѣдемѣ, графически выражаются следующим образом:

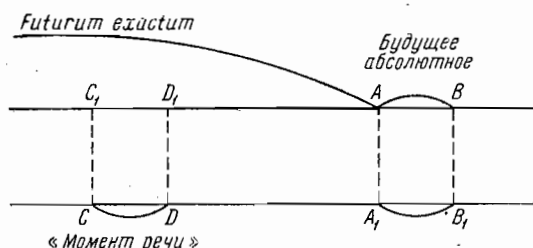
Формы *futurum exactum* могут употребляться и в таких контекстах, по которым невозможно судить о том, совершилось ли действие, ими обозначаемое, до или после „момента речи“. Например: Да възмѣтѣа сѣе иже вудѣтѣа погубѣнаѣ (Ип. 20)⁶⁹.

Это говорит о том, что *futurum exactum* является относительным временем, указывающим на отнесенность действий, обозначенных его формами, к такому периоду времени, который является прошедшим по отношению к времени действий,

⁶⁸ Цитируется по книге: А. Вай а н. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 281.

⁶⁹ Цитируется по книге: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 288.

определяемых по абсолютной грамматической системе отсчета времени как будущие и обозначаемых соответственно формами будущего абсолютного. В корреляции с формами аориста они выступают в качестве отмеченного члена, указывающего на предшествование лишь в определенной грамматической системе отсчета времени.

6. АОРИСТ (ПРОШЕДШЕЕ АБСОЛЮТНОЕ)

§ 37. О формах аориста уже многое было сказано выше, в связи с рассмотрением других форм времени.

Не повторяясь, остановимся здесь лишь на одном вопросе, касающемся интерпретации значения этих форм.

Некоторые исследователи отмечали ингессивное значение форм аориста. Так, Г. К. Ульянов называл это значение в качестве одного из возможных значений форм аориста⁷⁰. Из современных исследователей особое внимание этому значению уделяет Е. В. Чешко, которая считает его основным значением этих форм времени⁷¹.

Е. В. Чешко пишет: „Если основное значение аориста беспредложных определенно-моторных основ есть выражение наступления действия, то основным значением аориста предложных определенно-моторных основ является выражение наступления результата действия, его завершения, особый характер которого определяется значением предложной приставки“⁷².

Еще Г. К. Ульянов отмечал, что „аористы, образуемые от основ ингессивных, сами по себе значения наступления не имеют...“⁷³. Нам также представляется, что ингессивное

⁷⁰ Г. К. Ульянов. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II. Варшава, 1895, стр. 220—222.

⁷¹ Е. В. Чешко. К истории славянских глагольных видов. (Основы глаголов движения в Зографском кодексе). — „Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР“, т. III. М., стр. 328—345.

⁷² Там же, стр. 341.

⁷³ Г. К. Ульянов. Указ. соч., стр. 220.

значение в формах аориста является комбинаторным значением, появление которого обуславливается видовым значением глагольной основы. Его можно всегда констатировать в приставочных глаголах совершенного вида и в бесприставочных двувидовых глаголах в тех случаях, где они выступают в качестве глагола совершенного вида. Среди примеров, встречающихся в евангельском тексте на формы аориста, образованные от определенно-моторных основ, нет таких случаев, где бы эти глаголы выступали в качестве глаголов несовершенного вида: они везде легко заменяются при переводе на современный русский язык соответствующими приставочными глаголами совершенного вида, как это отмечает и Е. В. Чешко⁷⁴.

Но наряду с этим есть примеры на формы аориста, образованные от других, тоже, правда, двувидовых глаголов, где ингрессивное значение этих форм времени обнаружить не удается. Например:

Мф. XXVII 57—58: *Посѣдѣ же възвѣшю. придетъ чѣкъ богатъ отъ ариматѣа. именемъ иосифъ. иже и оучи сѣ оу иса. съ пристѣпѣ къ пилатѣу проси тѣла иса* (ср. форму *оучи сѣ* и *проси*: первая выступает в значении формы совершенного вида, вторая — в значении формы несовершенного вида; см. на стр. 130 пример *испроси* — Лк. XXIII 55);

Ио. IV 38: *азъ посѣлахъ въ житѣ. идеже въ не трѣудисте сѣ. ни трѣудиша сѣ и въ къ трѣудѣи ихъ банидесте;*

Мр. XIV 57: *І единѣ възставѣше азъжъ съвѣдѣтельствоваахъ на на галѣте. ꙗко мзи слышахѣмъ-и галѣшта. ꙗко... (ср.: Егда же оубѣдѣ гъ ꙗко оуслышаша фарисѣи. ꙗко... остави иудеж. и иде пакзи къ галилеж — Ио. IV 1, 3);*

Лк. VII 32: *Подобни сѣхѣ отроциштемъ сѣдаштемъ на трѣзшишѣхъ. і приглашѣштемъ друхѣ друхѣ. і глаголюштемъ. писахѣмъ камъ и не плакасте. рѣдахѣмъ камъ и не плакасте сѣ.*

С другой стороны, значение наступления результата можно констатировать не только в формах аориста совершенного вида, но и во всех вообще формах времени, образованных от глаголов совершенного вида. Ср. следующие примеры: *і вѣлѣзъ въ корака иѣ прѣде і придетъ (аорист) къ сѣои градъ (17—5)⁷⁵;*

Мр. VIII 3: *і ашѣ отъпоуцѣхъ ꙗ не ꙗдѣша въ домъи сѣоѣ. ослабѣхѣтъ на пѣти. друхѣни бо ихъ из далече сѣхѣ прихѣли (перфект);*

⁷⁴ См. Е. В. Чешко. Указ. статья, стр. 340.

⁷⁵ Цитируется по указ. статье Е. В. Чешко, стр. 350.

Лк. XXIII 52—55: съ приѣхѣша къ пилатѣу испроси тѣло
иско... і положи е къ гробѣ... жени. ѡже вѣхѣхъ пришлѣхъ съ нимѣ
отъ галилеѣ. видѣша гробѣз и тѣко положено вѣистѣ тѣло его.

Вместе с тем никакого значения „наступления“ в формах
времени, образованных от глаголов несовершенного вида —
не только аориста, но и других, — мы не обнаруживаем.
Например:

Лк. XIII 26—27: тогда начнете глати. тѣмѣ прѣдѣз товоѡ и
пихомѣ. і на распѣтнѣхъ нашихъ оучнаѣ еси. і речѣтъ...;

Ио. XX 12: і видѣ дѣва анѣла... идеже шѣ лежало тѣло иско.

Все это говорит о том, что ингрессивное значение не яв-
ляется собственным значением форм аориста и потому его
нельзя рассматривать в качестве основного, или главного.
Его появление в формах аориста так же, как и в формах
других времен, обуславливается значением глагольной основы.

§ 38. Формы аориста вместе с формами перфекта, плюсквамперфекта и *futurum exactum* образуют группу времен,
связанных одним общим признаком: они все всегда указывают
на отнесенность действия, ими обозначаемого, к прошедшему
периоду.

Все формы времени из этой группы, рассмотренные выше, —
перфект, плюсквамперфект и *futurum exactum* — характеризо-
вались каждая тем, что они могли указывать на отнесенность
действия к прошедшему грамматическому периоду времени
лишь в строго определенной грамматической системе отсчета
времени, а именно — в одной из возможных относительных
систем отсчета. Так, формами перфекта указывают на отне-
сенность к прошедшему периоду в такой системе отсчета,
в которой в качестве исходного события выступает действие,
обозначенное формой настоящего времени, а формами плюск-
вамперфекта — в такой системе отсчета, где в качестве та-
кого события выступает действие, обозначенное формой
аориста, и, наконец, формой *futurum exactum* — в такой си-
стеме, в которой исходным событием является действие, обо-
значенное формой будущего абсолютного.

Как и все формы времен предшества, формы аориста
всегда указывают на отнесенность действий, ими обознача-
емых, к прошедшему периоду. По этому признаку аорист
противопоставляется формам настоящего времени, которые
могут обозначать, как увидим дальше, действия, относящиеся
к любому грамматическому периоду времени, в том числе и
к прошедшему.

Однако, в отличие от форм относительных времен пред-
шества, формами аориста может быть обозначено действие,
относимое к прошедшему периоду, определяемому в качестве

такового по любой из возможных грамматических систем отсчета времени — и по абсолютной, и по всем возможным относительным.

Формами аориста может быть обозначено: а) предстоящее действие, например:

Мр. XIV 41—42: ... I приде третици. и гла имъ. спите прочее и почиайте. приспѣ кончина приде часъ. се прѣдадѣ са ѿнъ члвчскѣ кз ржцѣ грѣшникомъ. кзстанѣте идѣмъ. се прѣдадѣ ма приближи са i абие еште емоу глѣщю. приде нѣда...;

Мф. IX 23—24: I пришедъ исъ кз домъ кзнажъ. i... гла имъ. отидѣте не оумьрѣтѣ бо дѣвица нз спитъ;

Лк. XIX 22—24: гла емоу отъ оустъ ткоихъ сжждѣ ти злыя рабе. вѣдѣаше ꙗко азъ члвкъ ѣръ емъ. кземла егоже не положихъ. i жана егоже не сѣхъ...;

б) предпрошедшее действие, например:

Лк. II 20: I кзвратиша са пастыри славаште и хвалаште ба. о кастѣхъ еже видѣша и слышаша. ꙗкоже глаго кзистъ кз нимъ;

Мр. XV 7: вѣ же нарицаемъ карава съ скоими кованикъи сказанъ. иже кз кофъ оубиство сѣтвориша;

Ио. IX 19: ... са ли естъ ѿнъ бан. егоже кз глѣте ꙗко сѣпъ са роди.

Вместе с тем формами аориста, как мы не раз могли убедиться на примерах, приводимых в связи с рассмотрением форм имперфекта и других времен, могут обозначаться действия, период совершения которых характеризуется как прошедший относительно „момента речи“, т. е. по абсолютной грамматической системе отсчета времени. Этот случай не требует здесь специальной иллюстрации, поскольку выше, при рассмотрении форм имперфекта и других относительных времен, приводились уже примеры, в которых формы аориста выступали именно в этом значении.

Таким образом, мы видим, что формы аориста являются такими формами времени, которые оказываются нейтральными по отношению к выражению признака, указывающего на грамматическую систему отсчета времени, поскольку значение абсолютного прошедшего времени является, как мы видели, лишь одним из возможных значений этих форм. Этим объясняется возможность употребления форм аориста наряду с формами прочих абсолютных времен — настоящего и будущего — в обобщенных высказываниях, где речь идет не о единичном (конкретном случае), а о какой-либо типической (обобщенной) ситуации, которая является действительной, так сказать, „для всех времен и народов“. Например:

Ио. XVI 21: жена егда раждаатъ. печала иматъ. ꙗко приде
года еѧ. егда же родитъ отроча. къ томуу не поманитъ скръби
за радостъ. ꙗко роди сѧ члвкъ къ миру.

Однако именно значение абсолютного прошедшего времени является специфическим, главным значением форм аориста, потому что формы прочих времен предшества всегда указывают на отнесенность действия; ими обозначаемого, к прошедшему периоду, определяемому в качестве такового по одной из возможных относительных систем отсчета времени в грамматике, но не по абсолютной.

7. БУДУЩЕЕ В НАСТОЯЩЕМ

§ 39. В евангельском тексте только в двух случаях глагол *хощѣ* в сочетании с инфинитивом бесспорно не имеет своего прямого лексического значения: что естъ знамение егда *хотатъ* си *бѣити* — Лк. XXI 7; *и манѣхѣ* ꙗко акне *хощетъ* *црствѣ* *бжје* *авити* сѧ — Лк. XIX 11.

В примерах из Саввиной книги — *ѧко* *намъ* *хощеши* *бѣити* сѧ (Ио. XIV 22), *хощетъ* *ко* *продъ* *искати* *отроча* *да* *побѣдитъ* *е* (Мф. II 13), — которые В. В. Бородич отмечает в своей работе с такой оговоркой: „это еще не формы будущего времени, но приближающиеся по значению к ним“⁷⁶, — глагол *хощѣти* как раз сохраняет еще свое лексическое значение.

Грамматический характер словосочетаний *хощѣ* + инфинитив отмѣчал А. А. Потѣбня в некоторых примерах из древнерусских памятников⁷⁷.

Сравнительно недавно вопрос о грамматическом содержании словосочетаний *хочу* + инфинитив в русском языке был поставлен в статье В. И. Чернышева, который попытался систематизировать весь относящийся сюда материал по русским диалектам, пополнив его примерами из литературного языка⁷⁸.

Говоры дают ценный материал, но этот материал, собранный случайно, вместе с тем характеризуется существенными недостатками, затрудняющими, как справедливо отмѣчал

⁷⁶ В. В. Бородич. К истории форм настоящего времени глаголов совершенного вида. — „Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР“, т. III. М., 1951, стр. 381.

⁷⁷ А. А. Потѣбня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 869.

⁷⁸ В. И. Чернышев. Описательные формы наклонений и времен в русском языке. — „Труды Ин-та русского языка“, т. I. М.—Л., 1949, стр. 210—238.

В. И. Чернышев, выяснение отношения рассматриваемых здесь форм времени к другим временам⁷⁹.

Рассматриваемое словосочетание сможет получить окончательное признание в качестве особой формы времени в славянских языках, в частности в старославянском, видимо, лишь в результате тщательного подбора соответствующего материала по различным славянским языкам, как в их письменной разновидности, так и в устной диалектной речи.

Но и теперь можно, как нам представляется, говорить об этом, если, учтя наблюдения А. А. Потебни над подобного рода словосочетаниями в древнерусских памятниках и В. И. Чернышева в современных русских диалектах, рассмотреть употребление интересующих нас форм под углом зрения функционирования старославянской системы времен в целом.

§ 40. В значении форм „будущего в настоящем“ много общего с рассмотренными выше формами „будущего в прошедшем“. Напомним, что А. А. Потебня характеризует их как „будущее по отношению к настоящему“⁸⁰. Эта характеристика, по нашему мнению, определяет место рассматриваемых форм в системе времен старославянского глагола.

Формы „будущего в настоящем“ так же, как и формы „будущего в прошедшем“, указывают на отнесенность действий, ими обозначенных, к будущему, однако, в отличие от последних, они указывают на отнесенность к будущему не таких действий, которые упоминаются в связи с событиями прошлого, а таких, которые упоминаются в связи с событиями настоящего, и именно по отношению к ним, а не „к моменту речи“, они и определяются как „будущие“.

В этом отношении формы „будущего в настоящем“ отличаются от форм „будущего абсолютного“. Они обнаруживают определенное сходство с формами перфекта, для которых системой отсчета также служат события настоящего. Поэтому естественно, что формы „будущего в настоящем“, в отличие от форм „будущего в прошедшем“, употребляются в евангельском тексте в прямой речи, где обычно возможно также употребление и форм настоящего времени, и форм перфекта. Например:

Лк. XXI 5—8: *и единѣмъ гл҃ашѣмъ о цр҃кви. ꙗко каменѣмъ докрома и сѣдѣмъ оукрашена естъ. рече. си ꙗже видите. приидѣтъ данѣ ва наже не останѣтъ. камена на камене. иже не разоритѣ еа. Вспросиша же и гл҃ашѣху. оучителю. когда оуко си бѣдѣтъ. и что естъ знамение егда хотатъ си быти. онъ же рече...*

⁷⁹ В. И. Чернышев. Указ. статья, стр. 210—211.

⁸⁰ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 369—370.

Такое употребление форм перфекта известно и в болгарском языке и было рассмотрено нами однажды на материале одного из болгарских говоров⁸².

С формой „будущего в настоящем“ связывают обычно значение близости предстоящего события. Это значение отмечал А. А. Потебня, который, писал: „...в *хочу* совершился здесь переход от воли и намерения к близости самого события (действия), указываемого неопределенным (наклонением)“⁸³.

Значение „близкого начала несовершившегося действия“ видел в этих словосочетаниях и В. И. Чернышев, ссылавшийся на указанное место из труда А. А. Потебни⁸⁴.

Однако следует заметить, что рассматриваемая форма времени употребляется как в контекстах, предполагающих близкое действие, так и в нейтральных контекстах, что свидетельствует о том, что она в отношении выражения этого признака ведет себя так же, как и все прочие формы времени.

Так, только в одном случае оказывается возможным судить об удаленности действия, обозначенного формой „будущего в прошедшем“, от „настоящего“ и именно в том, где при ней стоит соответствующее обстоятельство:

Лк. XIX 11: Слышашема же има се. приложъ притъчъ рече. занеже та еѣ близъ има. і мѣхъ ꙗко акие хощетъ црствіе кїе авити са.

Заметим, между прочим, что, как и в первом, вышеприведенном примере, ни о каком значении „желания“ в глаголе *хощетъ* речь здесь не идет. Однако, в отличие от первого примера, форма „будущего в настоящем“ употребляется в данном случае не в прямой речи от автора, а при глаголе „идеальной деятельности“ *мѣхъ*. В таком употреблении, как мы видели, возможен в авторской речи и перфект.

Форма *хощетъ* авити са употребляется здесь в сочетании с обстоятельством *акие*, которое указывает на близость действия, но весьма приблизительно, общо. Точное определение близости предстоящего события потребовало бы исчисления отрезка времени, который отделяет совершение этого события от настоящего. В других случаях даже приблизительно судить о степени близости действия ввиду отсутствия соответствующих обстоятельств оказывается вообще невозможным.

⁸² См. нашу статью „Значение и употребление прошедших времен в говоре села Суворова Измаильской области УССР“. — „Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР“, вып. 6. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 100—101.

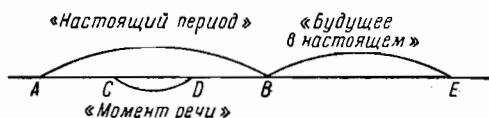
⁸³ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 869.

⁸⁴ В. И. Чернышев. Указ. статья, стр. 237.

По-видимому, „близость“ действия, как и вообще промежуток времени, который разделяет совершение одного события от другого, невозможно выразить только глагольной формой времени по тем же причинам, по каким не может быть выражена только этими грамматическими средствами и „длительность“ действия, т. е. отрезок времени, в течение которого совершалось данное действие (см. об этом подробно выше, в разделе об имперфекте, стр. 90—96). Значение действия, характеризованного со стороны своей удаленности от другого действия или „момента речи“, является комбинаторным значением времени вообще. Его можно констатировать всегда там, где данная форма времени употребляется в сочетании с соответствующими обстоятельствами. В других случаях судить о степени удаленности действия, обозначенного этой формой, можно лишь выйдя за пределы данного предложения, т. е. только на основании косвенных данных, почерпнутых из широкого контекста.

§ 41. Что касается указания А. Х. Востокова, который видел в этой форме, как и в форме „будущего в прошедшем“, значение „действия, имеющего быть неукоснительно“⁸⁵, то, видимо, оно является обусловленным контекстным окружением, как это мы наблюдали и при рассмотрении значения форм „будущего в прошедшем“ (см. стр. 82—85).

§ 42. Основным значением рассматриваемой формы времени следует считать указание на отнесенность действия, ею обозначенного, к такому периоду времени, который является будущим по отношению к настоящему, что графически можно выразить так:

Из приведенной схемы видно, что не всякое действие, совершившееся после „момента речи“ (CD), может быть обозначено формой „будущего в настоящем“, а только такое, которое является „посленастоящим“, т. е. совершившимся в отрезок времени BE, следовавший за „настоящим моментом“, обозначенным отрезком AB; действия, совершающиеся в отрезок времени DB, не могут быть обозначены формами „будущего в настоящем“. Таким образом, как

⁸⁵ А. Х. Востоков. Грамматика церковно-словенского языка, стр. 92.

перфект не равен по своим временным возможностям аористу, так формы $\chi\sigma\tau\iota\kappa$ + инфинитив не равны формам „будущего абсолютного“, которыми может быть обозначено любое действие, совершившееся после „акта коммуникации“.

В корреляции с формами „будущего абсолютного“ формы „будущего в настоящем“ выступают в качестве отмеченного члена, ограниченного в своем употреблении.

8. БУДУЩЕЕ АБСОЛЮТНОЕ

§ 43. Будущее абсолютное представлено в старославянском языке двумя рядами лично-числовых форм: так называемыми простыми формами, совпадающими по образованию с формами настоящего времени, и так называемыми описательными, или сложными, составленными из форм настоящего времени глагола имам и инфинитива спрягаемого глагола. И сложные, и простые формы образуются от глаголов обоих видов.

То, что словосочетания имам + инфинитив, выражающие отнесенность действий к будущему, могут образовываться в старославянском языке не только от несовершенных, но и от совершенных глаголов, рассматривается некоторыми исследователями как факт, свидетельствующий о неразвитости описательного будущего в старославянском языке. Так, А. Достал пишет следующее: „Старославянский язык имеет еще неразвитое описательное будущее. Там об описательном будущем нельзя даже и говорить, так как описательное будущее в нем используется часто и у перфективов, презентная форма которых сама могла бы выражать будущее“⁸⁶.

Заметим по этому поводу следующее. А. Достал, оценивая старославянские формы, в данном случае имеет в виду только одну из двух возможных в славянских языках моделей образования форм будущего времени, которая характерна для западных и восточных славянских языков и которая предполагает образование сложных форм только от глаголов несовершенного вида наряду с образованием простых форм от глаголов совершенного вида. Но есть в славянских языках и другая модель образования форм будущего времени, которая предполагает образование сложных форм от глаголов обоих видов. Такая модель характерна для южнославянских языков, в частности для болгарского языка. В болгарском языке, как и в других славянских языках, наряду со сложными, описательными формами будущего времени употребляются и простые, неописательные формы, которые так же, как и сложные, описательные, могут образовываться от гла-

⁸⁶ А. Dostál. Указ. соч., стр. 24.

голов обоих видов⁸⁷. Сфера употребления простых форм здесь, естественно, иная по сравнению с употреблением их в западных и восточных славянских языках, — она ограничена определенными синтаксическими условиями, а именно — простые формы встречаются только в придаточных предложениях с союзами *ако*, *щом*, *след като*⁸⁸.

Нечто аналогичное находим и в старославянском языке. Наличие словосочетаний *имамъ + инфинитив*, образующихся не только от несовершенных, но и от совершенных глаголов, свидетельствует лишь о том, что в способе оформления категории будущего времени старославянской язык представляет южнославянскую, а не западно- и восточнославянскую модель.

В современном болгарском языке употребляются описательные формы будущего времени не только от глаголов несовершенного вида, но и от глаголов совершенного вида. Однако никто не сомневается в том, что там есть категория будущего времени. Наличие описательных форм будущего времени от глаголов совершенного вида в старославянском языке не может служить признаком ненормальности в функционировании категории будущего времени.

Признак неразвитости можно было бы видеть скорее в том, что сложные описательные формы встречаются в старославянских памятниках, сравнительно с простыми, значительно реже, чем, например, в современном болгарском языке. Нет также той, указанной выше локализации употребления простых форм, которая характерна для современного болгарского языка. Они употребляются в любых предложениях — и зависимых, и независимых — наряду со сложными формами, которые, однако, в условных придаточных предложениях с союзом *ако* и здесь не встречаются. Таким образом, сложная форма не стала еще в старославянском языке преобладающей формой будущего абсолютного, как в современном болгарском языке.

Это, однако, свидетельствует лишь о том, что категория будущего времени стала достоянием грамматической системы старославянского языка лишь незадолго до появления письменности у славян, но сам факт ее существования не может

⁸⁷ Нам представляется ошибочной укоренившаяся в болгарских грамматиках практика расценивать эти формы в качестве форм настоящего времени и рассматривать их в соответствующем разделе под рубрикой „употребление настоящего времени вместо будущего“ (см., например: Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка, § 245, 247. М., 1949; Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики, § 215, п. 3. М., 1956). Простые формы будущего времени, омонимичные формам настоящего времени, следовало бы рассматривать, как и сложные, в разделе форм будущего времени.

⁸⁸ См. Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики, § 215, п. 3. М., 1956, стр. 232—234.

быть подвергнут сомнению. Решающим аргументом в пользу такого утверждения служит для нас наличие в старославянских памятниках форм описательного будущего.

Из двух вариантов форм будущего времени, известных славянским языкам, только описательные сложные формы можно рассматривать в качестве основного варианта, наличием которого определяется возможность различения в плане выражения предстоящего действия от настоящего. Простые формы, будучи омонимичны формам настоящего времени, естественно, таким средством служить не могут, т. е. не могут, как говорит А. Достал, „выражать будущее сами по себе“. Возможность их выделения в качестве особой грамматической формы целиком определяется наличием сложных форм. Это представляется совершенно очевидным, если признать, что формы настоящего времени, в частности образованные от глаголов совершенного вида, могут в славянских языках использоваться не только для оформления категории будущего времени, но и для оформления категории настоящего времени, т. е. если признать, что все-таки существуют формы настоящего времени от глаголов совершенного вида.

§ 44. В. В. Бородич отмечает более широкое распространение форм описательного будущего в Саввиной книге по сравнению с другими старейшими славянскими кодексами и видит в этом свидетельство того, что в восточноболгарских говорах, нашедших отражение в Саввиной книге, категория совершенности — несовершенности была развита слабее по сравнению с западноболгарскими говорами, на которых написаны другие древнейшие памятники⁸⁹.

Разделяя тезис о том, что „презентная форма совершенного вида сама по себе может выражать будущее“, В. В. Бородич объясняет этот факт тем, что в восточноболгарских говорах категория совершенности — несовершенности была развита слабее, чем в западноболгарских говорах.

Однако формирование категории совершенности — несовершенности, как нам представляется в связи с вышесказанным, не могло способствовать выработке специфического грамматического средства для выражения предстоящих действий.

Появление этой новой категории не могло внести никаких существенных изменений в функционирование форм настоящего времени. Правда, произошла некоторая специализация: формы настоящего времени от глаголов несовершенного вида чаще использовались при обозначении настоящих действий, те же

⁸⁹ В. В. Бородич. К истории форм настоящего времени глаголов совершенного вида в древнеболгарском языке. — „Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР“, т. III. М., 1951, стр. 385—386.

формы от глаголов совершенного вида чаще использовались при обозначении будущих действий. Однако это вовсе не исключало употребления первых для обозначения будущих, а вторых — для обозначения настоящих действий. Такое употребление форм настоящего времени возможно и в древнейших текстах, и в современных славянских языках.

В таких условиях форма настоящего времени не могла стать специфическим грамматическим средством различения будущих действий от настоящих. Это средство возникло в результате приспособления к обозначению будущих действий словосочетаний типа *имамъ* + инфинитив, легших в основу форм описательного будущего, употребляемого в современных славянских языках.

Таким образом, процесс формирования категории будущего времени протекал независимо от формирования категории совершенности — несовершенности. Вот почему распространение описательных форм времени само по себе, по нашему мнению, никак не может свидетельствовать ни о наличии, ни об отсутствии категории совершенности — несовершенности или о степени ее развития.

Более широкое употребление сложных форм будущего времени в Саввиной книге свидетельствует, с нашей точки зрения, лишь о том, что процесс вытеснения простых форм будущего времени сложными шел в восточноболгарских говорах несколько интенсивнее, чем в западноболгарских, что на содержании категории будущего времени не отражалось.

§ 45. Что касается значения форм будущего абсолютного в старославянском языке, то в литературе есть указания на известные различия, имеющиеся между простыми и сложными формами.

Напомним, например, что А. А. Потебня видел в сложных формах, в отличие от простых, значение „будущего, следующего за другим событием, выраженным посредством настоящего глагола совершенного или несовершенного“⁹⁰. Это значение он иллюстрировал следующим примером:

Мр. X 21: *Иди елико имаша продаждъ и даждъ ништимъ. и имѣти имаша съкроуиште несе.*

А. А. Потебня так комментировал этот пример: «„Продаждъ — и имѣти имаша“ значит не просто „продай — и будешь иметь“, а „п о с л е (того как продашь и раздашь), б у д е ш ь и м е т ь“»⁹¹. С такой интерпретацией приведенного примера невозможно не согласиться, однако следует сразу же сказать, что рас-

⁹⁰ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 356.

⁹¹ Там же.

смастриваемое здесь значение является только одним из комбинаторных значений сложных форм будущего абсолютного, обусловленных контекстом, предполагающим наличие двух действий, связанных причинно-следственными отношениями. В контекстах же, где нет речи о такого рода действиях, соответственно нет и указанного значения. Например:

В следующем примере сложной формой обозначается действие, взятое из ряда конкретных последовательных действий, причем это действие составляет начальное звено, за которым следуют другие действия, обозначенные в тексте простыми формами:

Мф. XVI 27: Прити бо иматъ снъ чловѣцкы, въ славу отца
своего, съ англы стѣхнѣ. і тогда вѣздастъ комуужде по дѣломъ
своимъ.

Выше уже неоднократно отмечалось в связи с рассмотрением форм прошедших времен, что выражение хронологических отношений между действиями, в частности отношений последовательности, не является функцией спрягаемых форм времени вообще. Рассмотренный случай служит лишним доказательством этого положения.

⁹² В. В. Бородин. К истории форм настоящего времени глаголов совершенного вида в древнеболгарском языке. — «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. III. М., 1951, стр. 385—386.

Мф. XXIV 1—2: ꙗже ꙗзъ и҃с. и-цр҃кве ꙗѣаше. ꙗ прѣстѣпиша
къ немѣу сученици его показати емоу зѣданѣ цр҃квѣзнѣ. онъ же
отгвѣштакъ рече имъ. не видѣте ли вѣстѣхъ сѣхъ. амина гл҃ж
вамъ. не иматъ сѣде остатѣ каменѣ на каменѣ. ꙗже не разо-
ритъ сѣ (см. также: Мр. XIII 2).

Ни из предыдущего, ни из последующего текста невоз-
можно представить, в сколь отдаленном будущем должны
были совершиться действия, обозначенные здесь формами
будущего абсолютного — сложной формой иматъ остатѣ и
простой разоритъ сѣ.

В тех же случаях, где оказывается возможным составить
себе представление об удаленности действия, обозначенного
сложной формулой будущего абсолютного, об этом позволяют су-
дить лишь косвенные данные, которые черпаются из широкого
контекста. При этом далеко не всегда этими формами обознача-
ются действия, относимые говорящим к „далекому будущему“.

В примере Мф. XVII 22—23, приведенном в предыдущем
параграфе, формой прѣданъ иматъ кзгѣи обозначается действие
относительно близкое, как это явствует из дальнейшего из-
ложения евангельской истории.

В других случаях сложными формами будущего абсолют-
ного обозначаются такие действия, которые могут быть отне-
сены к любому отрезку будущего — и близкому, и дальнему.
Это можно наблюдать в таких контекстах, где речь идет
о типичных, обобщенных действиях. Например:

Ио. VIII 51: аште кто слово мое сѣвѣдетъ. сѣмрѣти не
иматъ видѣти къ вѣкъ (см. также: Ио. VIII 52);

Мр. X 14—15: ... ꙗ гл҃ж имъ. не дѣйте дѣтии прѣхѣдѣти
къ мѣнѣ... амина гл҃ж вамъ. ꙗже аште не приметъ цр҃ствѣ
бжѣи. ꙗко отрѣча. не иматъ вѣнѣти къ не (см. также: Лк.
XVIII 17, Мф. XVIII 3).

Словом, как мы уже говорили в связи с рассмотрением
форм „будущего в настоящем“, указание на удаленность дей-
ствия от исходного события не может быть вообще функцией
каких-либо форм времени. Анализ значения сложных форм
будущего абсолютного лишней раз подтверждает это поло-
жение.

Таким образом, различий между простыми и сложными
формами будущего абсолютного, по существу, нет, поскольку
значения, которые приписывались в качестве специфических
сложным формам, являются, как мы видели, сопутствующими
значениями, определяемыми контекстом и равно возможными
при употреблении обеих форм.

Никаких иных признаков, которые могли бы свидетель-
ствовать о различном функционировании простых и сложных

форм, обнаружить не удастся. Если же и обнаруживается какое-либо различие, то сразу же выясняется и то, что мы имеем дело не с „будущим описательным“, а с омонимичным словосочетанием, в котором форма *имамъ* выступает в своем первичном грамматическом значении, будучи употреблена для обозначения не „будущего“, а „настоящего“ действия (примеры приводились выше, в разделе о составе форм времени).

§ 47. Формы будущего абсолютного, и сложные, и простые, как и формы прочих будущих времен („будущего в прошедшем“, „будущего в настоящем“), всегда указывают на отнесенность действий, ими обозначенных, к предстоящему периоду.

В этом отношении они, как и формы аориста, в корреляции с формами настоящего времени выступают в качестве отмеченного члена, с той существенной разницей, что аорист всегда указывает на отнесенность к предшествующему периоду времени, а будущее абсолютное — к предстоящему. В корреляции же с формами других будущих времен формы будущего абсолютного, как и формы аориста в корреляции с формами других прошедших времен, являются неотмеченным членом.

Указывая всегда на отнесенность действия, ими обозначенного, к будущему периоду, формы будущего абсолютного вместе с тем являются нейтральными в отношении выражения системы отсчета, в которой определяется этот будущий период.

В то время как формами „будущего в прошедшем“ обозначаются только действия, относимые к такому периоду, который является будущим относительно времени данных событий прошлого, а формами „будущего в настоящем“ — только действия, относимые к такому периоду, который является будущим относительно данных событий настоящего, — формами будущего абсолютного могут быть обозначены действия, относимые к будущему периоду, определяемому в качестве такового в любой грамматической системе отсчета — и относительной, и абсолютной.

Так, в следующих примерах формами будущего абсолютного обозначаются действия, являющиеся будущими по отношению к прошедшим действиям, обозначенным в тексте формами одного из рассмотренных выше прошедших времен:

Мф. XIV 22: *І акіе оуѣди изъ оученики бѣхѣти въ кораба. І карити и на ономѣ полу. доиде же отъпустити народѣ;*

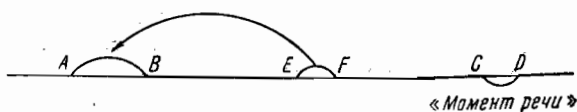
Мр. XI 17: *І оучаше гла имѣ. нѣсть ли писано. ѣко храмъ мси храмъ молитѣ. наречѣтъ сѣ бѣстѣмъ ѣзкѣмъ. въ же сътѣхристе и братѣмъ разсѣиникомъ;*

Лк. II 26: ꙗ́коже емоу отъѣшано дѣла стѣма. не видѣти смозти прѣжде даже видѣти хѣ гнѣ;

Мр. XI 13: ꙗ́коже смозвнѣ из далече. имѣштѣ листвѣе. прѣде аште оубо овраштѣ на неи чѣто. ꙗ́коже прѣидѣ кѣ неи ничеже не овраштѣ на неи чѣмо листвѣе. не бѣ ко вѣрма смозвнѣ.

В этих примерах все действия, обозначенные как формами прошедших времен, так и формами будущего времени, происходили для повествователя в прошлом. Но прошедшие действия, обозначенные формами абсолютного будущего, по отношению к другим прошедшим действиям, упоминаемым в приведенных текстах, являются предстоящими.

Соотношение форм времени здесь графически может быть изображено так:

Отрезком АВ обозначается время действий, выраженных в примерах формами прошедших времен: нѣштѣ писано, ꙗ́коже отъѣшано, прѣде; отрезком EF — время действий, которые еще только должны были совершиться и потому в тексте обозначены формами будущего времени, в частности формами будущего абсолютного: наречѣтѣ сѣа, видѣтѣ, овраштѣтѣ.

Вместе с тем формами будущего абсолютного могут обозначаться действия, определяемые как будущие по отношению к действиям „настоящего момента“. Например:

Мр. IX 1: амина глѣжѣ камѣ. ꙗ́коже сѣштѣ едини отъ сѣде стоѣшѣтихѣ. ꙗ́коже не имѣштѣ вѣкоу сѣти смозти. дондеже видѣтѣ цѣртѣе ежѣе прѣидѣше[дѣше] кѣ аштѣ;

Мф. XVI 21—22: отъ толѣ начѣтѣ исѣ. сѣказати оученикомѣ своимѣ. ꙗ́коже подобѣштѣ емоу ити кмѣ. ꙗ́коже много пострадати отъ старецѣ. ꙗ́коже архѣереи. ꙗ́коже книжѣникѣ. ꙗ́коже оубѣноу кѣити. ꙗ́коже трѣти дѣна кѣстѣти. ꙗ́коже поемѣ ꙗ́коже петрѣ начѣтѣ прѣртѣкѣти емоу глѣ. милосрдѣ тѣи ги. не имѣштѣ тѣбѣ вѣти сѣ.

Формами будущего абсолютного обозначаются также действия, определяемые как будущее по отношению ко времени акта коммуникации („момента речи“), т. е. по абсолютной грамматической системе отсчета времени. Наиболее наглядно значение действия, которое следует за „моментом речи“, иллюстрируется следующими примерами с обстоятельствами времени, указывающими на определенный отрезок настоящего:

Лк. II 29—31: нѣнѣ отъпустиши раба твоего вѣдо. по
глаголю твоему съ миромъ. ѣко видѣете очи мои спасение твое.
еже еси оуготовалъ предъ лицемъ всѣхъ люди;

Мф. XXVI 31: Тѣгда глаголю имъ ис. каси взи сѣбѣ азнѣ сѣ
о манѣ въ снѣ ношѣ.

В этих примерах действия, относимые говорящим к „абсолютному будущему“, обозначаются простыми формами, образованными от глаголов совершенного вида. В следующих примерах в том же значении употребляются и простые формы, образованные от несовершенных глаголов, и сложные:

Лк. V 34—35; еда можете снзи брачнннѣ дондеже женнхъ
естъ съ ними сѣкорити постити сѣ. прнждѣ же дннѣ. егда
отнждѣ бждѣ отъ ннхъ женнхъ. тѣгда постатѣ сѣ въ тѣ
дннѣ;

Мф. XXIV 21: Бждѣ во тогда срѣба велиѣ. ѣкаже нѣстѣ
внѣ отъ начала всѣго мнра до сѣлѣ. ни иматѣ бѣти.

Ср. аналогичный пример из евангелия от Марка, иллюстрирующий идентичность простых и сложных форм будущего абсолютного:

Мр. XIII 19: бждѣ во днѣ ти с крѣбннѣ. ѣко не внстѣ тѣ
когда отъ начала зданнн. еже сзвѣда бѣ. до нннѣ ни не
бждѣ.

Такое употребление форм будущего абсолютного является наиболее распространенным и, видимо, не случайно. „Значение абсолютного будущего“ может быть выражено только формами будущего абсолютного, поскольку среди маркированных форм будущего времени есть только формы, которые указывают на отнесенность действий, ими обозначенных, к будущему, определяемому в качестве такового относительно времени событий, составляющих предмет сообщения: прошедших — если речь идет о „будущем в прошедшем“, или настоящих — если речь идет о „будущем в настоящем“, но не относительно времени самого акта коммуникации („момент речи“).

„Значение абсолютного будущего“ является, таким образом, специфическим, главным значением рассматриваемых здесь форм времени.

Руководствуясь стремлением отличить терминологически эти формы от форм других будущих времен, употребляемых в старославянском языке, мы и назвали их в соответствии с их главным значением „будущим абсолютным“. Подчеркнем, однако, что значение, отражаемое в этом термине, не является для этих форм ни единственным, ни основным, поэтому термин этот условен.

9. НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ (НАСТОЯЩЕЕ АБСОЛЮТНОЕ)

§ 48. „Употребление славянского презенса,— писал А. Достал,— хорошо исследовано, но исследователи значительно расходятся в результатах“⁹³.

Существенные расхождения имеются, в частности, и в интерпретации форм настоящего времени старославянского языка.

Спорными являются два момента: значение этих форм и их отношение к виду.

Все исследователи констатируют тот факт, что в славянском языке „формально настоящее может быть образовано как от основ несовершенного вида, так и от основ совершенного вида“⁹⁴. Когда же встает вопрос о значении этих форм, то большинство склоняется к тому, что „только в первом случае имеет место действительно настоящее, во втором — будущее“⁹⁵.

Некоторые другие исследователи, в частности П. С. Кузнецов, считают, что в старославянском языке „одна и та же форма могла служить для выражения как настоящего, так и будущего времени“⁹⁶. Такое положение, однако, по мнению П. С. Кузнецова, свидетельствует о том, что настоящее время не только „морфологически не дифференцировалось от будущего“, но и о том, что „семантически эта дифференциация достаточно четко еще не наметилась“⁹⁷. Объясняет он это тем, что противопоставление совершенного вида несовершенному не дошло еще „до той степени развития, как в современном языке“⁹⁸.

Таким образом, возможность выражения формой настоящего времени значения и настоящего и будущего времени он объясняет неразвитостью видов.

Ни то, ни другое понимание соотношения категории вида и времени в области форм настоящего времени старославянского языка не отражает, как нам представляется, действительной картины: первое излишне модернизирует эту картину, второе, наоборот, излишне ее архаизирует.

Изложим далее некоторые свои соображения по этому вопросу.

§ 49. Прежде всего заметим, что исследователи, придерживающиеся первой точки зрения, или не учитывают некото-

⁹³ А. Dostál. Указ. соч., стр. 590.

⁹⁴ P. Diels. Altkirchenslavische Grammatik. Heidelberg, 1932, стр. 22.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ П. С. Кузнецов. Указ. диссертация, стр. 18.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

рых фактов, или интерпретируют их, по нашему мнению, неправильно, отрицая значение настоящего времени у презентных форм совершенного вида.

Выше, в соответствующих параграфах, мы уже приводили примеры, где будущие действия обозначались формами времени, образованными не только от глаголов совершенного вида, но и от глаголов несовершенного вида. Такие примеры встречаются в евангельском тексте редко, но не считаются с ними только на этом основании нельзя, поскольку именно они составляют отличие старославянского языка от современных восточных и западных славянских языков, к которым в данном случае его приравнивают. Невозможно также согласиться с утверждением, что формами настоящего времени обозначаются только будущие действия. Говоря так, обычно выносят прежде всего за скобки значительную часть примеров, где речь идет о так называемых „вневременных действиях“, между тем как такого рода действия могут быть выражены именно только формами настоящего времени, которые при этом вовсе не выступают в качестве „форм, не выражающих времени“⁹⁹, как обычно их принято рассматривать в таких случаях.

Чтобы показать неправомерность вынесения за скобки такого рода примеров, необходимо пересмотреть прежде всего общепринятое определение значения форм настоящего времени, которое, с нашей точки зрения, страдает существенными неточностями.

Обычно значение форм настоящего времени понимается узко — как значение совпадения действия, ими обозначаемого, с „моментом речи“, при этом в основном имеются в виду те случаи, где речь идет о единичных конкретных действиях.

В формулировке Ю. С. Маслова значение форм настоящего времени еще больше сужается, поскольку он совпадение действия, ими обозначаемого, с „моментом речи“ понимает как „совпадение какого-то срединного момента действия (разрядка наша. — И. Б.) с моментом речи“¹⁰⁰.

Такое сужение только усугубляет неточность общепринятого определения. Ведь совершенно очевидно, что можно с одинаковым успехом ответить фразой *я читаю книгу* на вопрос *что ты там делаешь?* в любой момент чтения, в том числе не только „срединный“, но и начальный, и конечный.

⁹⁹ Г. К. Ульянов. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II, стр. 71.

¹⁰⁰ Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 11.

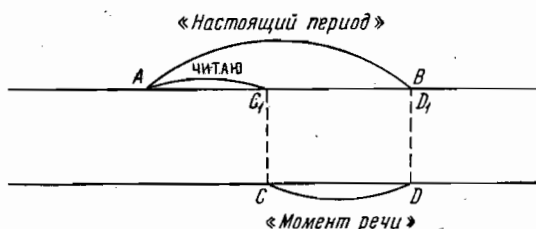
Более того, формой настоящего времени, как мы уже об этом говорили в разделе о перфекте, далеко не всегда обозначается действие, совпадающее по времени с „моментом речи“, даже в тех случаях, где речь идет о единичном (конкретном) действии, например в следующем телефонном разговоре:

А.— *Что ты делаешь?*

В.— *Читаю.*

Формой *читаю* обозначается действие, явно не производимое говорящим в „момент речи“, поскольку во время телефонного разговора вообще не читают, а говорят или слушают то, что говорит другой.

Графически временная характеристика действия *читаю* может быть выражена следующим образом:

На основании такого рода наблюдений мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, необходимо отличать „настоящий момент“, т. е. период времени совершения действий, обозначенных формами настоящего времени, от „момента речи“, поскольку их полное совпадение является лишь частным случаем.

Во-вторых, если и можно говорить о совпадении с „моментом речи“ при определении значения форм настоящего времени в таких примерах, как вышеприведенный, то следует говорить о совпадении с „моментом речи“ не „времени действия“, а „периода времени действия“ (о различном содержании этих понятий см. во введении).

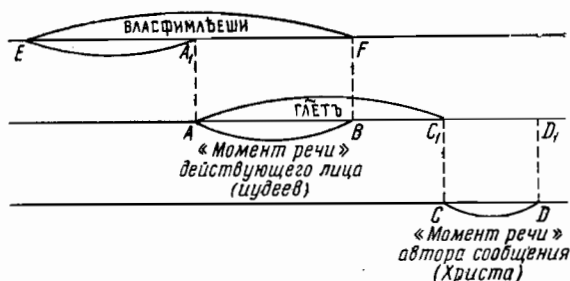
§ 50. В общепринятом определении значения форм настоящего времени имеются и другие неточности. В нем говорится о совпадении с „моментом речи“, но не определяется, что это за „момент речи“.

Между тем следует различать „момент речи“ лица, являющегося автором сообщения, с чем мы имели дело в приведенном выше телефонном разговоре, и „момент речи“ действующего лица сообщения, передаваемого приемами так называемой прямой или косвенной речи.

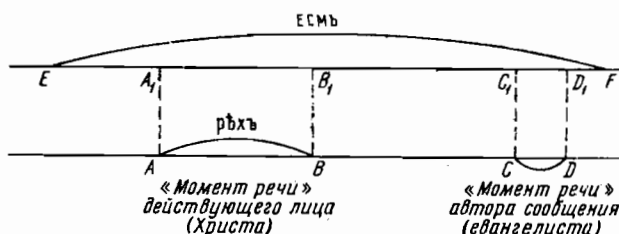
В последнем случае период времени совершения действий, обозначаемых формами настоящего времени, всегда будет совпадать с „моментом речи“ действующего лица, но далеко не всегда будет совпадать с „моментом речи“ автора сообщения (в евангельском тексте — евангелиста). Например:

Ио. X 36: *взи глѣте ꙗко влѣсфимѣши. зане рѣхъ ꙗко снъ вѣни есмь.*

Временная характеристика действий *глѣте* и *влѣсфимѣши* графически может быть выражена следующим образом:

Временные отношения действий *рѣхъ* и *есмь* имеют соответственно другое графическое выражение:

Отрезок, которым могло бы быть обозначено на чертеже действие *снъ вѣни есмь* обозначен отрезком EF условно. Вернее было бы ее представить в виде линии, бесконечно продолжающейся и, во всяком случае, далеко выходящей за пределы отрезка CD („момента речи“ автора сообщения), поскольку общее положение, сформулированное в этом предложении, является действительным и для евангелиста. Таким образом, здесь действие, обозначенное формой настоящего времени, совпадает с „моментом речи“ и действующего лица, и автора сообщения.

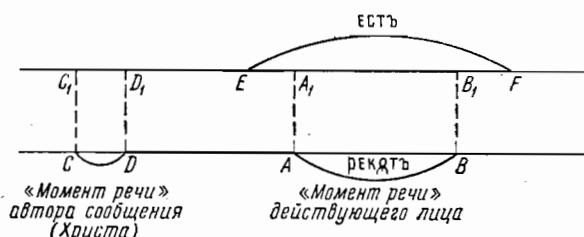
В первом же случае, как мы видели, формой настоящего времени обозначается действие, период совершения которого ни в какой своей части не совпадает с „моментом речи“

автора сообщения и целиком предшествует ему. Таким образом, формами настоящего времени, так же как и формами прошедших времен, в том числе и аориста, могут обозначаться действия, относящиеся к прошедшему периоду. Однако, в отличие от относительных времен предшества, ими могут быть обозначены лишь действия, относящиеся к такому прошедшему периоду, который определяется как таковой лишь в абсолютной грамматической системе отсчета времени.

Иначе говоря, формы настоящего времени могут выступать в значении аориста, но они не могут иметь ни значения „предпрошедшего“, ни значения „преднастоящего“, ни, наконец, значения „предбудущего“, что вполне согласуется с данными как древних славянских языков, так и современного болгарского языка, в которых, насколько нам известно, употребление форм настоящего времени в значении времен относительного предшества не наблюдается.

Формами настоящего времени могут обозначаться также действия, период совершения которых по абсолютной грамматической системе отсчета определяется как будущий, т. е. в значении будущего абсолютного. Например:

Мф. XXIV 26: *аще же рекътъ вамъ. се въ поуѣзани естъ. не изидѣте.*

Продолжительность действия *есть* на чертеже условно обозначена отрезком EF , поскольку она в данном контексте точному определению не поддается.

Таким образом, мы выяснили, что формы настоящего времени могут выступать и в значении аориста, и в значении будущего абсолютного.

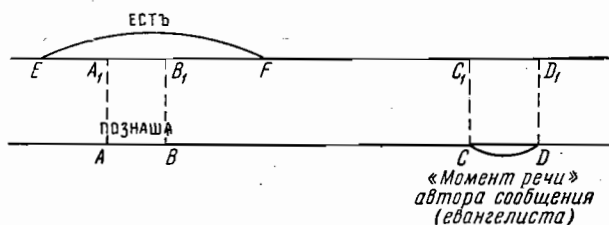
Однако далеко не всякое прошедшее действие или будущее может быть обозначено формой настоящего времени. Ею может быть обозначено лишь такое действие, период совершения которого определяется относительно данных событий прошлого или будущего как настоящий, т. е. как такой, который включает в себя время этих событий. И действительно, во всех рассмотренных выше примерах мы везде можем констатировать совпадение периода времени

действий, обозначенных формами настоящего времени, с „моментом речи“ действующего лица евангельской истории.

§ 51. Еще одна неточность, которую мы отмечаем в традиционном определении значения форм настоящего времени, состоит в том, что этими формами могут обозначаться такие действия, период времени совершения которых не совпадает с „моментом речи“, но совпадает с „моментом восприятия“, т. е. с временем действий воспринимающего субъекта. Мы имеем в виду широко известное в славянских языках, в том числе и в старославянском, употребление форм настоящего времени в дополнительных придаточных предложениях при глаголах „идеальной деятельности“. Здесь так же, как и при употреблении этих форм в прямой и косвенной речи, можно наблюдать случаи несовпадения периода совершения действия, обозначенного формой настоящего времени, с „моментом речи“ автора сообщения.

Однако действия, обозначаемые формами настоящего времени, всегда будут определяться относительно „момента восприятия“ как относящиеся к настоящему периоду. На-
пример:

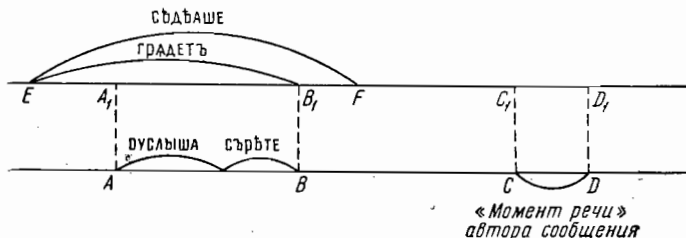
Ио. XXI 4: не познаша же оученици ꙗко ѿ ѿсѣ есть.

Ср. также употребление форм настоящего времени и имперфекта в следующем примере:

Ио. XI 20: марта же егда оуслыша ꙗко ѿсѣ градеѣтъ. сърѣте и. а марта дома сѣдѣаше.

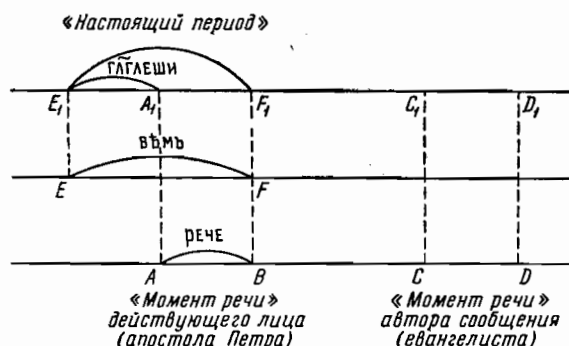
Временные отношения действий в этом примере могут быть графически изображены следующим образом:

Еще более сложную структуру иерархии временных отношений представляют те примеры, где глагол „идеальной деятельности“ стоит в форме имперфекта. См. пример Мр. XII 41—43: *1 сѣдз изъ прѣмо газофилакеови. видѣаше како народа мететъ мѣда ва газофилакиж... 1 пришедъши едина вѣдоуица оукога. възвръже дъвѣ лептѣ... 1 призвавъ оученикы екса рече имъ...*

Сложную картину представляют также временные отношения действий в следующем примере, где глагол „идеальной деятельности“ употребляется в форме настоящего времени в прямой речи:

Лк. XXII 60: *рече же петръ чѣвче не вѣмъ еже гѣглеши.*

Таким образом, из всего сказанного выше следует, что значение форм настоящего времени в традиционном определении понимается очень узко: оно охватывает по существу незначительную часть возможных случаев употребления этих форм.

Традиционное определение предполагает обязательное совпадение времени действия с „моментом речи“, в то время как можно говорить лишь, во-первых, о совпадении не времени действия, а периода времени действия, во-вторых, о совпадении не только с „моментом речи“, но также с временем любого сообщаемого события, взятого за систему отсчета. Иначе говоря, формы настоящего времени выступают как такие формы времени, которые являются нейтральными по отношению к выражению признака, указывающего на систему отсчета.

Ими могут быть обозначены действия, определяемые в качестве настоящих и по абсолютной грамматической системе отсчета, и по любой из возможных относительных систем отсчета, тоже, разумеется, грамматических.

§ 52. Остановимся теперь несколько подробнее на понятии „настоящий период“. „Настоящим периодом“ является такой период совершения действия, который хотя бы частично совпадает с ориентационным моментом, т. е. с отрезком времени совершения исходного события. При этом возможны следующие случаи.

Во-первых, настоящий период может быть равен ориентационному моменту, как, например, в следующем случае:

Лк. XIII 2—3: и отъѣштакъ изъ рече имъ. мѣните ли ꙗко галѣтане сии грѣшнѣиши паче васѣхъ члвкъ вѣша. ꙗко тако пострадаша. ни. глѣжъ вамъ. нъ аште не покаете сѧ. васи такожде погнѣбаете.

Во-вторых, настоящий период может включать в себя часть прошедшего периода, что иллюстрируется приведенным выше примером телефонного разговора, а также такими примерами из евангельского текста, как Ио. X 36 (см. формы бласфимѣши, глесте), Лк. XXII 60, приведенными выше.

В-третьих, „настоящий период“ может включать в себя часть будущего периода.

С таким положением мы встречаемся в тех еще не рассмотренных случаях, где формами настоящего времени обозначаются действия, которые действующий субъект готов совершить в „момент речи“, но которые в действительности он совершает только после „момента речи“. Например:

Лк. XIV 17—19: и посла раба свои въ годъ вечера. рещи звѣнѣмъ градѣте. ꙗко оуже готова сѣтъ васѣ. і началъ взоупъ отърицати сѧ васи. прѣвѣи рече емоу. село коупихъ и имамъ нѣждѣ изити и видѣти е. моужъ та имѣи ма отърочна. и друугъи рече сѣпрѣжъ колоканѣихъ коупихъ патъ. и градъ искоупитъ ихъ. моужъ та имѣи ма отърочна (см. также: Ио. XXI 3, Ио. XI 11 и др.).

Если речь идет о готовности не только совершить действие, но и завершить его, то употребляется соответственно глагол совершенного вида. Например:

Ио. XIII 5—9: По тома же взяли вода въ оумзѣкаланицѣхъ. і началъ оумзѣкати ностѣ оученикомъ. і отирати лентиема. имже вѣ прѣпоѣсанъ. приде же къ симону петроу. і гла емоу тѣ. ги. тѣли мои оумѣеши ностѣ. отъвѣшта иѣ и рече емоу. еже аза творѣхъ тѣи не вѣси нѣнѣ. разоумѣеши же по сихъ. гла емоу петръ не оумзѣеши ногоу мою въ вѣкъ. отъвѣшта емоу иѣ. аште не оумзѣиъ тебе. не имаша части съ мною. гла емоу симонъ петръ. ги не ностѣ мои тѣкмо. нъ и рѣцѣи и глаголю.

Графически период совершения действий, обозначенных в этих примерах формами *грядѣ* и *сумзѣши* (в первом случае), можно представить так:

Такое употребление форм настоящего времени известно и в современных славянских языках.

Наконец, в-четвертых, возможен такой случай, когда настоящий период включает в себя, кроме ориентационного момента, и часть прошедшего периода и часть будущего периода. Такое положение иллюстрируется следующими примерами, приведенными выше: Мф. XXIV 26, Ио. XXI 4, Ио. XI 20, Мр. XII 41—43 (см. стр. 151—153).

§ 53. Обратим теперь внимание на то обстоятельство, что во всех приведенных случаях, где речь шла о единичных (конкретных) действиях, период времени их совершения всегда представляется ограниченным, правда, не везде его продолжительность можно было определить точно, но это объясняется не характером единичного действия, которое в принципе и отличается от типичного обобщенного действия тем, что всегда может иметь определенную временную характеристику, а недостаточностью данных контекста.

Естественно, что при наличии обстоятельств длительности это можно сделать точнее всего. Например:

Мр. VIII 1—2: ...*гда имѣ. мѣлѣ ми бѣтъ народомъ. ꙗко юже три дѣни присѣдѣтъ мѣлѣ. ꙗ не имѣтъ чего ꙗсти.*

Здесь часть прошедшего периода, включающаяся в состав настоящего периода, определяется точно, о протяженности же части будущего периода можно судить лишь очень приблизительно, на основании последующего контекста.

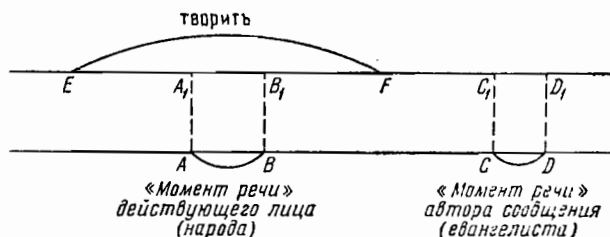
В некоторых случаях, при отсутствии прямых указаний на длительность, и широкий контекст не дает представления о рамках периода времени действия (см. пример: Мф. XXIV 26, стр. 151 наст. работы).

Если формами настоящего времени обозначаются типичные (обобщенные) действия, характеризующие конкретное

лицо (или конкретную группу лиц), то продолжительность периода совершения таких действий тоже может быть определена. Например:

Мр. VII 37: *и прѣзидѣхъ сѧ глаголюще добръ вѣсѣ творить.* [и глаголюхъ творить сѧшати. и нѣмѣхъ глаголю (см. также: Лк. VII 22—23 и др.).

Схематически графическое выражение соотношения форм времени в приведенном примере может быть представлено в следующем виде:

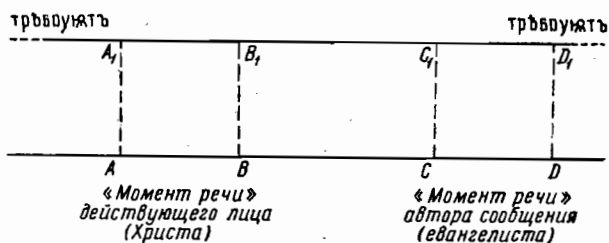

В этом примере период времени действия творить ограничивается рамками жизнедеятельности Христа.

Возможности расширения отрезка EF, обозначающего „настоящий период“, за счет прошедшего и будущего периодов принципиально безграничны. С таким случаем мы и имеем дело тогда, когда речь идет о так называемых „вневременных действиях“, которые представляют вторую разновидность типичных (обобщенных) действий, не относимых ни к какому конкретному лицу (или конкретной группе лиц), действительных, так сказать, „для всех времен и народов“. Например:

Лк. V 31: *и отвѣщавахъ имъ рече къ нимъ. не трѣбууютъ здравии крача изъ колеи.*

Графически период совершения действия трѣбууютъ может быть условно изображен в виде отрезка, кончающегося пунктиром, указывающим на возможность его бесконечного продолжения:

Таким образом, ничего противоречащего значению форм настоящего времени в тех случаях, где они употребляются для выражения так называемых „вневременных действий“ (которые было бы правильнее называть „всевременными“), мы не усматриваем, так что нет никакой нужды противопоставлять их прочим случаям употребления форм настоящего времени и выносить за скобки при определении значения этих форм.

§ 54. До сих пор мы оперировали примерами, в которых употреблялись формы настоящего времени от глаголов несовершенного вида. Если учесть, что для обозначения действия формой настоящего времени совпадение времени его совершения с „моментом речи“ не является, как мы стремились показать, категорическим условием, то употребление форм настоящего времени от глаголов совершенного вида представляется принципиально столь же возможным, как и от глаголов несовершенного вида. Правда, фактически они встречаются значительно реже, чем формы настоящего времени от глаголов несовершенного вида, особенно там, где речь идет о конкретных действиях. Это объясняется тем, что контексты, которые предполагают употребление форм настоящего времени от глаголов совершенного вида для обозначения единичного (конкретного) действия, имеют в речи ограниченное распространение.

Естественно, например, что эти формы не употребляются в таких, имеющих широкое распространение в разговорной речи контекстах, где говорится о конкретных действиях, совпадающих по времени с „моментом речи“. Но этому здесь мешает не природа значения настоящего времени, якобы не совместимая со значением совершенного вида, а видовое значение глагольной основы: нельзя выразить действие, находящееся в процессе протекания (с чем мы имеем дело в такого рода контекстах), глаголом, указывающим на его завершенность. Но в таких контекстах, например, где речь идет о перемежающихся действиях, формы совершенного вида вполне возможны, как, впрочем, возможны и формы несовершенного вида. Ср. следующие примеры: 1) *посмотрите, что делает заяц: то встанет, то ляжет*; 2) *посмотрите, что делает заяц: то встанет, то ложится*¹⁰¹.

Употребление форм настоящего времени от глаголов совершенного вида для обозначения единичных (конкретных) действий в других типах контекстов можно иллюстрировать следующими известными в литературе о славянском глаголе примерами из русского языка: *как кинется, как побежит*;

¹⁰¹ См. К. С. Аксаков. О русских глаголах. М., 1855, стр. 10.

*все тихо: волна не подыметъся, листок не шелохнет*¹⁰²; *зову—не дозовусь, кричу—не докричусь, жду—не дождусь*¹⁰³; или из болгарского языка: *защо не остане ти; защо не се преоблечет, така ли ще ходим; защо не запалите електричество*¹⁰⁴.

Употребление форм настоящего времени от глаголов совершенного вида для обозначения единичных конкретных действий в исследуемых евангельских текстах не встречается, но употребление этих форм для обозначения типичных (обобщенных) действий здесь представлено достаточным количеством примеров, особенно в таких контекстах, где речь идет о так называемых, „вневременных“, или, как мы их предпочитаем называть, „всевременных“, действиях.

Так, например, в следующих отрывках текста формы настоящего времени глаголов совершенного вида употребляются наряду с формами от глаголов несовершенного вида для обозначения:

а) типичных (обобщенных) действий, характеризующих конкретное лицо:

Лк. VII 8: ...*Ибо азъ члвкъ есмъ подъ властѣю сущина. а мѣя подъ собожъ боа. і глѣжъ семоу иди и идеть. і другоумоу приди и придетъ. і рабоу моемоу сътвори се и сътворитъ*;

б) типичных (обобщенных) действий, не относимых ни к какому конкретному лицу, действительных для „всех народов и всех времен“:

Ио. XI 9—10: ...*аште кто ходитъ въ дане не потъкнетъ са... аште ли кто ходитъ ноштитъ. потъкнетъ са*;

Мр. X 11—12: *иже аште поуститъ женѣ. сожъ і оженитъ са иножъ прѣлюбѣи творитъ на нѣ. і аште жена поуститъ мѣжа посагнетъ за инѣ прѣлюбѣи творитъ...*

Такое употребление форм настоящего времени от глаголов совершенного вида возможно и в современных славянских языках. В работах исследователей, однако, эти случаи рассматриваются обычно в параграфах, посвященных значению форм будущего времени, что, как нам представляется в связи с вышесказанным, вносит путаницу и потому не может быть оправдано: чисто внешнее совпадение этих форм с одним из вариантов форм будущего времени, с так называемой формой „будущего простого“, не может служить поводом для отождествления значения этих форм и утверждения невозможности для форм настоящего времени совершенного вида выражать „действительное настоящее“. Никаких

¹⁰² См. К. С. Аксаков. Указ. соч., стр. 10.

¹⁰³ См. Г. К. Ульянов. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II, стр. 205.

¹⁰⁴ См. Ю. С. Маслов. Указ. диссертация, стр. 627—630.

препятствий к этому в самой природе значения рассматриваемых здесь форм, как мы пытались это показать, нет.

§ 55. В старославянском языке, как и в современных славянских языках, возможно употребление форм настоящего времени от глаголов совершенного вида и для обозначения настоящих и для обозначения будущих действий. Но из этого не следует, что значение настоящего и будущего времени семантически не дифференцируется в этих языках.

Некоторые исследователи, как мы уже говорили, считают, что настоящее время в старославянском языке семантически еще не дифференцировалось от будущего. Такое понимание находит отражение в квалификации старославянских форм настоящего времени как „не-прошедших“, например в работе Н. С. Трубецкого, рассматривавшего эти формы в корреляции с формами прошедших времен в качестве немаркированного члена противопоставления.

Определение значения форм настоящего времени в старославянском языке, которое дает Н. С. Трубецкой, вполне согласуется с его мнением об отсутствии в этом языке форм сложного будущего.

При таком условии его можно было бы признать действительным для славянских языков эпохи древнейших старославянских памятников. Выше мы пытались показать неосновательность высказывавшегося Н. С. Трубецким и другими исследователями сомнения в том, что такие словосочетания, как *имама + инфинитив*, употреблявшиеся в старославянских памятниках для обозначения будущих действий, имеют действительное грамматическое содержание. Если учесть, что сложные формы из двух возможных вариантов форм будущего времени, как мы стремились показать, являются основным вариантом, то наличие этих форм в древнейших старославянских памятниках, хотя бы и в ограниченном количестве, нельзя не расценить как факт, свидетельствующий о том, что категория будущего времени уже оформилась в славянских языках в эпоху перевода церковных книг на славянский язык.

В связи с вышесказанным определение значения форм настоящего времени как значения „не-прошедшего“ времени можно предполагать лишь для более древних эпох развития славянских языков, когда еще не было сложных форм будущего времени, не было и категории будущего времени, и современные формы настоящего времени использовались для оформления категории „не-прошедшего“ времени.

Для старославянского языка, которому известна категория будущего времени, такое определение форм настоящего времени является, с нашей точки зрения, неприемлемым.

§ 56. Анализ употребления форм настоящего времени в исследуемых памятниках, представленный в предыдущих параграфах, показал, что сфера временных значений этих форм очень широка. Эта широта определяется тем, что во всех возможных противопоставлениях формам других времен формы настоящего времени выступают в качестве неотмеченного члена противопоставления.

Как и формы других абсолютных времен, аориста и будущего абсолютного, они являются нейтральными к выражению признака, указывающего на систему отсчета.

Вместе с тем формы настоящего времени являются нейтральными и по отношению к выражению признака, указывающего на отнесенность действия к определенному грамматическому периоду времени.

По этому признаку, указывающему на отнесенность действия к определенному грамматическому периоду времени, формы настоящего времени находятся в коррелятивных отношениях с другими формами абсолютных времен: аористом и будущим абсолютным.

В качестве немаркированных форм они, в отличие от аориста и будущего абсолютного, могут обозначать действие, относимое к любому грамматическому периоду времени: и прошедшему, и будущему, и настоящему.

Поскольку аорист является такой маркированной формой, которая всегда указывает на отнесенность действия, ею обозначенного, к прошедшему периоду, а будущее абсолютное — такой маркированной формой, которая всегда указывает на отнесенность действия, ею обозначаемого, к будущему периоду, постольку специфическое значение форм настоящего времени определяется как значение действия, относимого к настоящему периоду.

Мы отмечали это значение в качестве специфического и в формах имперфекта. Но формы имперфекта могут обозначать действия, относимые к настоящему периоду только в пределах одной из возможных относительных систем грамматического отсчета времени, а именно — той, в которой за ориентационный момент берется время данных событий прошлого, т. е. тех событий, период совершения которых по абсолютной грамматической системе отсчета времени определяется как прошедший.

Формами же настоящего времени, нейтральными к выражению признака, указывающего на систему отсчета, может быть обозначено действие, относимое к настоящему периоду, определяемому по любой из грамматических систем отсчета времени: и абсолютной, и всех возможных относительных.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	4

I

1. К вопросу о состоянии видовой системы в старославянском языке	28
2. Состав форм времени в старославянском языке	39
3. О содержании понятий „абсолютные времена“ и „относительные времена“ и о правомерности их приложения к фактам старославянского языка	55

II

1. Перфект	62
2. Плюсквамперфект	78
3. Будущее в прошедшем	82
4. Имперфект (настоящее в прошедшем)	86
5. Futurum exatum (предбудущее)	126
6. Аорист (прошедшее абсолютное)	128
7. Будущее в настоящем	132
8. Будущее абсолютное	137
9. Настоящее время (настоящее абсолютное)	146

Ирина Константиновна Бунина

Система времён старославянского глагола

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Редактор издательства А. К. Кошелев. Технический редактор С. П. Голубь

РИСО АН СССР № 62—76В. Сдано в набор 17/IX 1959 г. Подписано к печати 23/XI 1959 г.

Формат 60×92¹/₁₆. 10 печ. л. 10,1 уч.-изд. л. Тираж 2200 экз. Т-12297. Изд. № 3828.

Тип. зак. № 334.

Цена 6 руб.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21.

1-я типография издательства АН СССР. Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12.

6 p.

6487/1166

